

Алексей БЫЧКОВ

«ИСКОННО РУССКАЯ» ЗЕМЛЯ СИБИРЬ

Нельзя судить о древнем населении Сибири как о дикарях, не имеющих своей культуры и обретших цивилизацию только благодаря экспансии европейцев

Историческая библиотека

Алексей
БЫЧКОВ

«ИСКОННО РУССКАЯ»
ЗЕМЛЯ СИБИРЬ

Астрель
Москва
2006

УДК 94(367)
ББК 63.3(2)41
Б95

Sean By Vitautus

Компьютерный дизайн
Протопопов Б.Б.

Подписано в печать 20.01.06. Формат 84×108^{1/32}.
Усл. печ. л. 16,8. Тираж 4000 экз. Заказ № 485.

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры
Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.2005 г.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ОАО «Издательство «Самарский Дом печати».
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Бычков, А. А.

Б95 «Исконно русская» земля Сибирь / Алексей Бычков. — М.: Олимп: АСТ: Астрель, 2006. — 316, [4] с.

ISBN 5-17-035472-X (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-7390-1547-2 (ООО «Агентство «КРПА Олимп»)
ISBN 5-271-14047-4 (ООО «Издательство Астрель»)

Мы считаем себя самыми умными, красивыми, культурными. Поэтому столетиями старались навязать нашу веру и нашу культуру племенам и народам, населявшим восточные земли нынешней России, искренне веря в то, что несем им счастье и цивилизацию. Правда, они почему-то плохо понимали свое счастье и старались обойтись без нас...

На основе уникальных документов, свидетельств первых переселенцев, путешественников, первых исследователей Сибири автор рассказывает о народах, которые населяли эти земли в то время, когда они еще не были «исконно русскими».

УДК 94(367)
ББК 63.3(2)41

ISBN 5-17-035472-X (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-7390-1547-2 (ООО «Агентство «КРПА Олимп»)
ISBN 5-271-14047-4 (ООО «Издательство Астрель»)

© ООО «Агентство «КРПА Олимп», 2006
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2006

Предисловие

Как известно, история — это политика, опрокинутая в прошлое. Поэтому писать ее можно как угодно. Лучше всего — как угодно читателям. Ибо она, история, никогда никого и ничему не учит. Мы все равно считаем себя самыми умными, самыми красивыми, самыми культурными. Ибо это «мы» всем «им» приносим счастье и цивилизацию. Правда, «они» почему-то плохо понимают свое счастье. И стараются обойтись без «нас». Неблагодарность — вот главная черта тех племен и народов, которым мы столетиями старались навязать нашу истинную веру и нашу подлинную (в отличие от их собственной) культуру.

Присоединение Сибири, расширение русских земель на восток — это та часть отечественной истории, которая вызывала меньше всего ученых споров. Подвергать ее ревизии — задача не столь соблазнительная, как исследование других «белых пятен» на исторической карте России. Тем не менее, изучая подробно уникальные документы, рассказы первых переселенцев, путешественников, первых исследователей Сибири, автор понял следующее: оказывается, мы весьма плохо знаем свою страну и людей, которые ее населяли в то время, когда эти земли еще не были «исконно русскими».

Повторимся, автор не ставил своей задачей пересмотр истории. Более того, он выступил здесь скорее как составитель, «собрав под одной крышей» различные документы, отрывки из книг и статей, написанных о сибирских народах в разное время.

Надеемся, что, прочитав эту книгу, читатель уже не сможет считать огромные просторы от Уральского хребта до Камчатки и Курил безлюдной пустыней или землей, заселенной дикарями, до вторжения туда русских. Не сможет он теперь судить о древнем населении Сибири как о дикарях, не имеющих своей культуры и обретших цивилизацию только благодаря экспансии европейцев.

Эта книга о Земле Сибирской и о тех народах, которые ее населяют: о хантах и манси, эвенках и ненцах, чукчах и якутах — тех племенах, что и поныне живут на «исконно русских» землях.

«Исконно русские» земли Евразии и племена, на них проживавшие

Поначалу Русская земля прирастала севером. Но вскоре пушнины, которая была основным экспортным товаром на Руси, здесь стало совсем мало. Повыбили зверя, не жалеючи. Надо было уходить «за соболем» все дальше и дальше. Так впервые новгородские ушкунники добрались до Западной Сибири. То, что они там увидели и услышали, по возвращении сообщили согражданам, которые собрали эти сведения в одну книгу под названием «Сказание о человецех незнаемых». Этими «человецами» были ненцы, ханты и другие племена пока еще нерусской Сибири.

При чтении «Сказания» создается впечатление, что все там написанное — сказки для детей, но Д. Анучин¹, разобрав «Сказание», пришел к выводу, что в нем собраны истинные сведения, правда, иногда неправильно понятые или искаженные при передаче местным населением, говорившим не по-русски.

¹ *Дмитрий Николаевич Анучин* (1843—1923) — зоолог, географ, этнограф, археолог. Один из основоположников антропологии в России.

Однако лучше самого Анучина рассказать об этом невозможно, поэтому приведем его статью целиком, добавив только несколько рисунков и комментариев к тексту.

Д. Анучин. Из истории ознакомления с Сибирью до Ермака¹

О людях, неизвестных в восточной стороне

«На восточной стороне, за Югорскою землею над морем живут люди САМОЕДЬ, называемые МОЛГОН-ЗЕИ. А еда их — мясо оленье да рыба. Да между собою друг друга едят. А гость к ним откуда придет, и они детей своих закалывают для гостей, и тем кормят. А если какой гость у них умрет, то они и его съедают, а в землю не хоронят. И своих так ож. Люди эти ростом невелики, плосковидны, носы малы. Но резвы весьма и стрелки скорые и меткие. А ездят на оленях и на собаках. Платье носят соболье и оленье. Товар их — соболя.

В той же стране другая самоедь такова: называется ЛИННАЯ. Летом месяц живут в море, поэтому на суше не живут. Ибо тело у них трескается, и они тот месяц в воде лежат, а на берег не смеют вылезти.

В той же стране есть и иная самоедь, по пуп люди мохнаты до низу, а от пупа кверху как обычные люди. Еда их — рыба и мясо. Торгуют соболем, песцом и пыжсами (шкурами молодых оленей), а так же оленьими кожами.

В той стороне иная самоедь. Вверху рты на темени, и не говорят, внешне похожи на обычных людей, но когда едят, то крошат рыбу или мясо и кладут под кол-

¹ Журнал «Древности». 1890. № 14.

как или под шапку. И, начав есть, плечами двигают вверх и вниз.

В той же стране и иная самоедь, как все прочие люди. Но зимою умирают на два месяца. Умирают же так: как где кого застанет в те месяцы, то так и сядет, и у него из носа вода изойдет, как от потока, да примерзнет к земле. И если человек из иной земли по незнанию сосульку ту отобьет и его сопхнет с места, то тот умрет, и уже не оживет. А не сдвинет с места, тот оживет и, увидев, что произошло, говорит ему: «Зачем меня, друже, изуродовал?» А остальные оживают, как солнце на лето вернется. Так ежегодно оживают и умирают.

В той же стране вверху Оби великой, есть земля, именуемая БАИД. Леса на ней нет, и люди как все прочие. Живут в земле. Едят мясо соболье, а никакого иного зверя у них нет, кроме соболя. Платье носят все соболье. И рукавицы, и ногавицы. А иного платья у них нет. Ни товара никакого нет. Но соболя у них черны и весьма велики. Шерсть живого соболя по земле волочится.

В той же стране и иная самоедь. По обычаю — люди, но безглавы, рты у них между плечами, глаза на груди. Еда их — сырые головы оленей. И когда они едят, то головы оленьи мечут себе в рот на плечи, а на другой день кости измещут из себя туда же. Не говорят. Оружие их — трубка железная в руке, а в другой руке — стрела железная. Стрелу вкладывают в трубку и бьют молотком по стрелке. А товара у них никакого нет.

Вверху той реки Оби есть люди, которые ходят под землю день и ночь, с огнем, и выходят на озеро. И над тем озером свет пречуден. И город великий, а посада нет у него. И кто поедет к городу тому, то слышит громкий шум в том городе, такой же, как и в прочих городах. А как придут в город, а людей то в нем и нет,

и шума не слышно никакого. И никаких животных. Но в любом дворе еды и питья всякого много и товару всякого, кому что надобно. И пришедший, положив цену против того, что ему надобно, возьмет себе, и прочь отходит. А если кто без оплаты возьмет и прочь отойдет, то товар у него пропадет и опять на своем месте окажется. И как прочь отходят от того города, то шум опять слышится, как и в прочих городах.

В восточной же стороне есть иная самоедь КАМЕНСКАЯ. Находится она около Югорской земли и живут по горам высоким. Ездят на оленях и на собаках. Платье носят соболье и оленье, едят сырое мясо оленей, и собак, и бобра. И кровь пьют человечесю и всякую. И есть у них лекари, у которого человека внутри не здорово, и они брюхо режут, внутренности вынимают и очищают и вновь заживляют.

Да в той же самоеди видали с горы подле моря, говорят старые люди, мертвых своих идущих, и было их множество, и за ними идет громадный человек, погоняя их палицей железной».

В первый раз только что приведенная статья была напечатана г-ном Фирсовым в его сочинении (диссертации) «Положение инородцев северо-восточной России в Московском Государстве»¹. В этом сочинении, в отделе, посвященном обзору жизни инородцев перед временем вступления их в состав Московского Государства, в разделе, озаглавленном: «Инородцы на севере Европейской России и в Западной Сибири», автор, между прочим, говорит: «Обо всех, впрочем, народностях, как к северу Великой Перми и Югорской земли, так и к востоку и югу русские почти ничего не знали ранее XVI и XVII столетий. Югорская земля

¹ «Известия и ученые записки Казанского университета», 1866.

была крайним пределом, до которого простирались более или менее положительные географические сведения. Походы русских в эту страну во второй половине XV столетия, как кажется, не совсем рассеяли те баснословные толки, предметом которых долгое время был Югорский край, и которые, представляя его землею мрака и обитателей немymi существами, умиравшими на зиму, возникли и разнообразились, вероятно, вследствие хвастовства людей, бывавших там, и легковерия общества. По крайней мере, во времена Герберштейна не переставали ходить в Москве подобные толки относительно Югорской земли. Тем крепче они могли держаться в публике, что земля вогулов, после опустошительного похода на нее в 1499 году князя Семена Курбского, не была окончательно покорена властью Московской и, как кажется, господство последней над ней, в течение XVI века, было более номинальным, чем действительным. Что же касается до других стран и народов, лежавших к северу и востоку от этой земли, то о них рассказывались часто сказочные вещи, и этим рассказам, как видно, верили до тех пор, пока русские не стали крепкою ногою в Сибири и не дали знать миру, что тут живут тоже люди, со всеми принадлежностями человеческой породы, отличающиеся от других только языком и образом жизни». К этому месту сделано примечание, в котором автор говорит: «Так как во всякой сказке есть доля правды и так как, с другой стороны, сказка говорит о направлении фантазии общества, среди которого пользуется кредитом, то привожу здесь отрывок в этом роде, заимствованный из сборника Соловецкой библиотеки (при Духовной Казанской Академии, № 844, л. 303 — 308) и доставленный мне А.С. Павловым», — и затем приводит (петитом) помещенную выше статью, очевидно с той же копии, которою пользовались и мы.

Следует заметить, однако, что, несмотря на крупный и отчетливый почерк копии, сделанной А. С. Павловым, в печатный текст сказания (у Фирсова) вкрались многие ошибки или опечатки; так, например, вместо «Молгонзеи» стоит «Монгонзеи», вместо «рукавицы» — «рукиводы» и т. п. В дальнейшем изложении у Фирсова ничего более об означенной статье не говорится. В течение двадцати лет после того никто, кажется, также не обратил на нее внимания. О ней упоминает, правда, профессор Е. Е. Замысловский в своем сочинении о Герберштейне, но лишь мимоходом, в примечаниях, хотя некоторые баснословные известия, записанные имперским послом о далеком севере и давали повод сопоставить с ними в подробностях Новгородское сказание, тем более что Герберштейн ссылается на какой-то «дорожник», из которого он, по его словам, заимствовал приведенные им сведения. Не приводит эту статью и А. Н. Попов в своем сочинении о Хронографах и в составляющем прибавление к нему «Изборнике», в котором сопоставлены многие «старинные русские известия о Сибири и о тамошних «зверообразных людях». Лишь мимоходом, и иногда даже не указывая источника, заимствовали из нее некоторые данные гг. Аристов, Поляков, Костомаров. Единственный исследователь, остановивший в большей степени свое внимание на упомянутом сказании, был Оксенов. В своем этюде «Слухи и вести о Сибири до Ермака», помещенном в «Сибирском сборнике» 1887 года (Приложение к «Восточному Обозрению», 1888, Кн. IV, 1887), г-н Оксенов между прочим говорит: «Несмотря на то что северо-западная Азия посещалась русскими с древнейших времен, однако до времени покорения Сибирского царства русские люди не обладали положительными сведениями об этой стране. Без сомнения, находились немногие отдельные

лица, знавшие, до известной степени, Зауральский край, но их географические и этнографические сведения об этой стране оставались их личным умственным достоянием и не входили в общее сознание. Для массы русских людей северо-западная Азия до эпохи Ермака была вполне *terra incognita*, преисполненная разных ужасов и невероятных вещей». Автор приводит затем предания о полунощных народах, записанные в летописях — Никоновская, под 1006 годом; Ипатьевская, под 6622 (1115. — *Авт.*) годом, говорит о Новгородских походах в Югорскую землю, о походе Московской рати за Урал в 1483 году и, несколько противореча сказанному им ранее, заключает: «Можно сказать, что во второй половине XIV века и в первой половине XV русские не лишены были хотя небольших положительных сведений о реках и странах северо-западной Азии, а во второй половине XV века, кроме того, знали довольно хорошо путь, по которому можно было перейти из древней России за Уральские горы, в землю Сибирскую и Югорскую. Но эти немногие положительные сведения не мешали распространению баснословных рассказов...

Сказав после того несколько слов о походе 1499 года на вогулов и в Югру и о сношениях во второй половине XVI столетия с татарскими владетелями в Сибири, г-н Оксенов замечает, что русские того времени знали довольно хорошо только дорогу в Сибирь (Искер), а о стране к северу от нее имели лишь смутные понятия. «Заметим вообще, — говорит он, — что все до эпохи Ермака полученные русскими сведения о землях и народах северо-запада Азии носят характер отрывочности, случайности и во многих отношениях преувеличения и даже баснословности. Люди, побывавшие в это время за Уральскими горами, не довольствовались одним простым описанием виденного ими, но

в большинстве случаев склонны были, по разным мотивам, к преувеличениям в своих рассказах или вообще к неверной передаче сведений. Одни, как, например, люди торговые, старались насказать побольше разных ужасов о Зауральских землях, чтобы устранить других от торговли и промысла пушным товаром и чтобы всецело оставить за собой выгоды от этих промышленных предприятий. Другие, как, например, люди воинские, любили похвастать тем, что им приходилось во время походов в северо-западную Азию совершать невероятные подвиги в борьбе с тамошней суровой природою и дикими обитателями, причем как природу, так и обитателей этой части Азии они старались наделять разными чудовищными атрибутами. Третьи, по разным случаям побывавшие за Уралом и не обладавшие способностью отнестись критически к разным слухам и понимать виденное ими, также передавали многое в извращенном виде». В доказательство автор приводит известную уже нам статью, «рисующую, как он выражается, довольно хорошо, какие невероятные слухи о северной Азии и ее обитателях, рядом с немногими положительными сведениями о Зауральской стороне, ходили между Русскими еще в XVI столетии», заимствуя ее из упомянутого сочинения Фирсова, с теми же, как и там, ошибками. Приведя статью целиком, автор делает такое о ней заключение: «Это фантастическое описание, трактующее о так называемой «самоеди», очевидно, имело в виду, во-первых, северные пределы земли Югорской, на что может указывать упоминаемое тут название народа «Каменская самоедь». Здесь идет речь о самоедах, живших при Обской губе и по склонам северного Урала, который в древние времена назывался просто Камнем, отчего и Самоеды, тут обитавшие, могли называться «каменскими». Затем, находящееся в приведенном

отрывке название «монгонзеи» и «самоедь» относится, как можно догадываться, к народу, обитавшему по реке Тазу. Самоеды, занявшие места по реке Тазу, по мнению одних, назывались в древние времена «мокасе», что, под влиянием русской этимологии, могло обратиться в «монгонзеи». По мнению других, эти самоеды получили название от имени одного своего князя Маказея. Наконец, в вышеприведенном отрывке идет речь о каком-то народе, жившем по верхнему течению реки Оби. Одним словом, в баснословных рассказах о «самоеди» описываются отдаленные народы северной Азии, о которых русские до эпохи Ермака знали только по доходившим до них самым извращенным слухам».

Этим и ограничиваются, насколько нам известно, все комментарии к разбираемому нами Новгородскому сказанию, имеющиеся в литературе. Его не коснулся и А. Н. Пыпин в своих статьях о Сибири («Сибирь и исследования ее»), помещенных в «Вестнике Европы» за 1888 год, а равно и г. Адрианов в своей «Истории Сибири».

Пробегая приведенное нами Новгородское сказание, мы можем различить в нем известия о девяти родах людей (племенах или народностях), которые все вообще называются «самоедью», хотя относительно двух из них этого обозначения и не употреблено. Эти девять племен называются или определяются так:

- 1) самоедь — молгонзеи, людоеды;
- 2) линная самоедь;
- 3) самоедь — «по пуп мохнатая до долу»;
- 4) самоедь со ртом на темени;
- 5) самоедь умирающая (замерзающая) на зиму или на два месяца;
- 6) люди вверху Оби, живущие в земле;

7) безголовая самоедь — со ртом между плечами и с глазами в груди, стреляющая из железных трубок;

8) люди, ходящие «по-под землею» около озера, на котором есть мертвый город, где происходит немой торг;

9) каменная самоедь, которая «облежит около Югорские земли».

Относительно всех этих народов рассказываются довольно невероятные вещи, тем не менее некоторые из них характеризуются все-таки возможными чертами; таковы: молгонзеи, люди, живущие в земле; каменная самоедь; другие же — явно баснословными: «линная» самоедь; люди со ртом на темени; умирающие на зиму; безголовые. Было бы, однако, нерациональным отбросить сразу все эти невероятные рассказы как баснословные и признать их просто досужими выдумками какого-то проходимца-торговца. Такое обвинение в сознательном измышлении совершенно несуществующих вещей можно сделать только после обстоятельного разбора сказания.

Известно, что многие рассказы древних писателей, например Геродота, долго считались совершенно баснословными, покуда последующие открытия и более обстоятельная критика не доказали верности сведений, сообщаемых «отцом истории», или не убедили, по крайней мере, в том, что в основании многих из них лежало нечто достоверное. Всякое описание, если оно сделано не очевидцем и основано на расспросах и рассказах, почти неизбежно должно заключать в себе неточности, искажения или преувеличения, которые могут особенно увеличиться, если рассказ дошел до записавшего его из вторых и третьих уст, если и первый рассказчик имел, может быть, не вполне точные сведения или если слышавший рассказ не умел надлежащим образом его понять. Тогда путем искажений, сме-

шений и преувеличений действительных фактов могут возникать совершенно невероятные представления, в которых иногда весьма трудно (и даже положительно невозможно) добраться до скрытого в них зерна истины. История многих средневековых географических и этнографических мифов может служить наглядной тому иллюстрацией; в ней можно найти немало примеров тому, как известный действительный факт, неверно понятый или бессознательно преувеличенный, давал повод к возникновению самых фантастических и баснословных рассказов, державшихся в обращении целые века.

С другой стороны, можно допустить предположение, что составитель рассматриваемого нами сказания ограничился не только тем, что ему было известно в действительности или что он слышал от людей бывалых, но включил также кое-что и из того, что он вычитал из книг или узнал от людей более начитанных. В сказании упоминается, между прочим, о людях безорота, людях безголовых, людях временно умирающих, о немом торге и т. п. — рассказы, подобные которым мы встречаем и в других древних источниках, как русских, так и иностранных. Можно поэтому задать вопрос, не воспользовался ли составитель сказания какими-нибудь литературными сведениями, только приурочив их к описываемым им странам. Вопрос этот существенно важен для определения степени оригинальности сказания, а потому на нем следует остановиться.

Рассказы о баснословных народах или, как их называли старые русские книжники, «дивьих людях», «дивовищах» встречаются в литературах почти всех культурных народов на известных стадиях их развития. Особенно процветали они, по-видимому, на Востоке, у индусов, персов, арабов, но немногим уступа-

ли им и те, которые ходили в Европе в течение более 2500 лет. У Гомера мы находим упоминание о пигмеях, живущих где-то в Ливии и сражающихся там с журавлями; о людоедах-лестригонах, об одноглазом великане Полифеме. С течением времени цикл таких рассказов-мифов не уменьшался, а увеличивался по мере того, как расширялись границы известного тогда мира. Ряд подобных известий о баснословных народах мы находим у Геродота; припомним его рассказы о макробиях, неврах, счастливых гипербореях, одноглазых аримаспах, плешивых агриппеях и т. д. Немалое число их было внесено также в греческую литературу Ктезием, врачом, жившим в V—IV веках до н. э. при Персидском дворе и собравшим там многие баснословные сведения об Индии. Ему мы обязаны, между прочим, рассказами о звере Мартихоре величиною со льва с человеческим лицом и ушами с тремя рядами зубов и с хвостом, как у скорпиона; о людях-пигмеях; о псоглавцах-кинокефалах, живущих охотой, но имеющих также стада овец, коз и ослов; о кинамолгах, держащих громадных охотничьих собак; об индусах, живущих по 130—200 лет и т. п. Вероятность этих рассказов отрицалась впоследствии Аристотелем, Страбоном и др., но они продолжали ходить в обществе, и любопытно, что даже ближайшее ознакомление с Индией благодаря походу Александра Македонского не было в состоянии их рассеять. Элиан, Деимах, Мегасфен (посол Селевка к Чандрагупте, живший долгое время в столице индийского царя Палимботре) повторяют многие из баснословных известий Ктезия или заменяют их другими, не более достоверными. В эпоху Римской империи все подобные рассказы о чудовищных зверях и людях возбуждали, правда, только улыбки философов, но они продолжали обращаться в обществе и были унаследованы средними веками. Отцы

церкви не только верили в библейского Гога и Магога, но и допускали существование почти всех «дивьих людей», принимавшихся классической древностью. По словам Маринелли, «древние представления о кентаврах, циклопах, кинокефалах, амазонках, астомах, трехруких, гетероморфах, лемнах (без голов, с глазами на груди), скиподах, великанах в 12 футов ростом — снова возродились к жизни в эпоху патристики рядом с тысячами образов беса, которыми занималось новое богословское учение. Лишь немногие из отцов церкви не приняли никакого участия в возрождении этих созданий древней фантазии¹.

Известия о таких баснословных народах вошли в средневековые энциклопедии Исидора Севильского, Викентия де Бовэ (Vicentius Bellovacensis) и др., в повести об Александре Македонском псевдо-Каллисфена, в Сказание или Послание пресвитера Иоанна об Индийском царстве (*Epistola de mirabilibus Indias*), в специальные «Книги чудес» («*Livre de Merveilles*», рукопись Парижской библиотеки) и трактаты о чудовищах («*De Monstris et Belluis*», рукопись, как полагают, VI века), в разные апокрифические сочинения (например, в слово псевдо-Мефодия Патарского «о царствии язык последних времен») и др. Немногие образован-

¹ Отцы церкви восстали только решительно против антиподов, существование которых было, однако, несомненно, хотя понятие о них извратилось вследствие тогдашнего невежества и превратилось в представление о людях с обращенными вразд ступнями и с восемью пальцами на каждой руке.

Первоначально под антиподами подразумевали людей, живущих по ту сторону экватора, позже — на обратной стороне Земли. Так как Библия ничего не сообщала о жителях обратной стороны Земли, то признать их было невозможно. Да к тому же если бы на обратной стороне Земли (снизу) кто-либо оказался, то ясно, что он немедленно упал бы вниз. Поэтому обратная сторона Земли необитаема, как считали монахи.

ные путешественники того времени, проникавшие в отдаленные страны (как, например, Плато Карпини, Марко Поло, некоторые арабы и др.), приносили из своих странствий новые рассказы в том же роде, которые стали еще более возрастать в числе по мере того, как открытия португальцев, испанцев и голландцев проложили путь для заморской торговли с отдаленными странами. Новые сведения, перемешанные со старыми, нашли себе место в Луцидариях, «Книгах Природы» и космографиях (например, Себастьяна Мюнстера). Некоторые путешественники в Египет, Индию и другие тропические и субтропические страны особенно отличились собиранием всевозможных сведений о баснословных народах; в ряду их едва ли не первое место занимает Мандевилль, французский путешественник XV века. Многие из подобных рассказов пользовались кредитом весьма долгое время, и мы встречаем их (или подобные им) даже у образованных писателей XVIII века, например у Де Майллье, de Paw и др. Сам Линней верил в существование хвостатых людей, принимал «ночного человека» (что-то среднее между человекоподобной обезьяной и человеком-альбиносом) и не сомневался в существовании «диких» людей, волосатых, ходящих на четвереньках и открываемых по временам в лесах. Даже в XIX столетии появлялись еще известия об открытии людей с хвостами в тропических странах, именно в Африке и в Юго-Восточной Азии.

Не подлежит сомнению, что некоторые из этих известий, разбросанных в древней, средневековой и позднейшей литературе Запада, проникали с довольно отдаленного времени и в русскую литературу. Более образованные люди из нашего духовенства знакомились с произведениями отцов церкви и с разными апокрифическими сочинениями, а через посредство их мог-

ли получить сведения и о разных дивных людях. В допетровскую эпоху у нас были в ходу и переводы «Александрии», и «Сказание об Индии богатой», и «Луцидарию», и, наконец, «Космографии». Во всех этих сочинениях, так же как в Азбуковниках и в собранной из них статье «о людях дивных», русские люди знакомились и с пигмеями, и с монокулами (одноглазыми), и с сатирами, и с псоглавцами и со многими другими подобными баснословными людьми-чудовищами. Но, во-первых, большая часть этих переводных сочинений стала распространяться у нас сравнительно поздно, не ранее, надо полагать, XVI века, а с другой стороны, сопоставляя данные их с известиями рассматриваемого нами Новгородского сказания, нельзя заметить никаких следов явственного влияния первых на второе. Все, что говорится о молгонзеях, о линной самоеди, о людях мохнатых от пупа до долу, о людях живущих в земле, о людях ходящих под землею с огнем, о каменной самоеди, — все это совершенно оригинально; если же в других известиях и встречается нечто напоминающее рассказы в древних и западных литературах, например, о людях без голов, о немом торге, то и это немного обставлено настолько оригинальными подробностями, что заставляет предполагать скорее совпадение или сходство, чем какое бы то ни было заимствование.

По всем признакам, составитель «Сказания» писал не мудрствуя лукаво, что знал и слышал, и не думал хвастаться ни своими знаниями, ни своими приключениями. Если бы это был человек начитанный, слышавший о разных дивных людях, и если бы он желал пополнить свой рассказ насчет книжной мудрости, то он, вероятно, пошел бы много далее в своих вымыслах, которые бы вместе с тем представили гораздо большее сходство с подобными же рассказами в других ли-

тературных памятниках, а также, по всей вероятности, сослался бы на какой-нибудь авторитет вроде того как летописец по поводу рассказа Новгородца Гюраты Роговича о людях, просекавших через горы (камень) к Югре и просивших знаками железа, припомнил сказание Мефодия Патарского о людях, заклепанных Александром Македонским. Ничего подобного в разбираемом нами сказании нет; оно носит вполне характер простого, беспритязательного рассказа человека, которому пришло на мысль записать все известное ему и слышанное относительно народов, живущих далеко на севере и востоке, за Югорскою землею, — относительно их вида, быта и имеющегося у них товара¹.

Сделав такой общий обзор сказания, перейдем к его подробному анализу и разберем последовательно сообщаемые им известия. Обратим прежде всего внимание на заголовок статьи: «О человецех незнаемых в восточной стране», к которому в некоторых списках прибавлено для пояснения: «о языцех розных» или «о языцех разных и иновидных». Это пояснение имело, очевидно, целью дать понять, что дело идет не о каких-нибудь отдельных людях, а о народах, отличающихся от русского видом, языком и нравами. Название «восточная страна», прилагаемое к области Оби, может, как мы думаем, служить доказательством, что слово «Сибирь» не было еще известно составителю сказания. Невозможно допустить, чтобы в эпоху, когда название Сибирь вошло в употребление и сделалось общеизвестным, чтобы в это время пишущий о Сиби-

¹ Татищев и Болтин производили название Югрии от Юга, притока Сухоны; Миллер полагал ее у Ледовитого моря, у Пустозерска, по Печоре и Уралу; Шлецер — тоже и признавал Вычегду за южную ее границу; Георги утверждал, что Югрою назывался берег, простирающийся от Белого моря через Урал до Оби.

ри не знал этого названия и продолжал выражаться описательно: «восточная страна». Но название «Сибирь» встречается уже под 1483 годом в описании похода «на Асыку на вогульского князя, да и в Югру, на Обь-реку великую», а в 1544 году «Сибирь» как название города, появляется даже на иностранных картах (на карте Себастьяна Мюнстера). Десять лет спустя, в 1554 году, Иван Васильевич Грозный в грамоте к английскому королю Эдуарду VI уже называет себя «повелителем Сибири» и еще *прежде, чем Ермак перешел Урал, «Сибирь» уже вошла как название одного из русских владений в царский титул.* Название это, по объяснению сибирских летописцев, произошло от названия города Сибири, находившегося на реке Иртыш, близ впадения в него Тобола, недалеко от позднейшего Тобольска (второго города, основанного русскими в Сибири после Тюмени). Хотя толкование книжника-летописца в данном случае и не может быть особенно убедительным, но, принимая во внимание, что город Сибирь действительно существовал и считался главным в стране, весьма возможно, что название его было распространено и на всю область, получившую именование «Сибирской страны», а позже и «Сибири». Впрочем, название это не имело первоначально такого широкого значения, как теперь. Оно придавалось сначала только области по Иртышу и Тоболу, стоявшей в непосредственной зависимости от города Сибири, как то можно заключить из описания похода 1483 года князя Федора Курбского-Черного да Ивана Ивановича Салтыка-Травина. В этом описании говорится, что воеводы великого князя имели «бой с вогуличами на устье реки Пелыни» (притоке Тавды, впадающей в Тобол) и «оттоль пошли вниз по Тавде-реке мимо Тюмени в Сибирскую землю», «а от Сибири шли по Иртышу-реке вниз, воюя, да на Обь-реку великую

в Югорскую землю». Таким образом, Югорская земля отличалась от Сибирской, что доказывается и тем, что название «Югорского» вошло в царский титул отдельно, еще в 1488 году (в грамоте Ивана III к чешскому королю Матеашу). Точно так же отличались от Сибирской земли северные области: Обдорья и Кондия, названия которых вошли в царский титул также ранее, в 1514 или 1516 году, тогда как слово «Сибирь» появилось в титуле лишь во второй половине XVI века. На старинных иностранных картах конца XVI века названия Сибири, как страны или области, не встречается, но на карте Федора Борисовича, пополненной и изданной Герардом для царя Михаила Федоровича в 1614 году, оно значится как название области, лежащей между Югорией и Обдорией, с городами Тюменью и Тобольском. Шрифт, которым отпечатано это название (*Sibiria*), одинаков с названиями: *Condora*, *Obdora*, *Jugoria*, *Permia*, *Pega orda*, *Samoieda*. Как бы то ни было, если бы даже составителю сказания была известна Сибирь как название только указанной области или даже только как город, то он не мог бы о ней не упомянуть. Отсутствие же этого названия может служить новым доказательством тому, что разбираемое нами сказание едва ли могло возникнуть позже конца XV или, самое позднее, начала XVI века¹.

¹ В Летописце Саввы Есипова, составленном в 1636 г., есть глава «О Сибири, чего ради Сибирью называется вся эта страна». Рассказав, как «Адеров сын Мамет» Казанского царя Упака убил и город свой Чингиден (Чингитур?) разрушил, и отошел оттуда внутрь Сибирской земли, и поставил себе город на реке Иртыше, и назвал его «Сибирь», то есть «Начальный», и жил в нем царь много лет и умер, и с того времени пресеклось царство на реке Ишиме, летописец начинает указанную главу так: «Да когда Мамет Казанского царя победил и повелел поставить город, сего ради, что царя победил, храбрость свою показывая, и повелел начальным городом звать его, с того же и вся страна сия прозвалась «Сибирь»; города же Сибирские именуемые каждый их по смотрению

О молгонзеях

Первое известие сказания посвящено Самоеди-Молгонзеям. «На восточной стране, за югорскою землею, над морем, живут люди, самоедь зовомы, молгонзеи» (по другим спискам «молгонъзеи», «малгон-

и по прилучаю и по древнему именованию, общее же Сибирь именуется. Как и римская страна Италия нарицается от Итала некоего, обладавшего странами вечерними, как свидетельствует Кроника Латынская; города же всей Римской страны разньство имен имеют, обще же Италия нарицается. Прежде же сего как она называлась, не ведаю, ибо с тех пор как город Сибирь создан, много лет прошло и испытать не смог; прежде ведь жила чюдь по всей Сибирской земли, и как назывались, того в памяти ни у кого не сохранилось, ни писания не нашел».

Любопытно, однако, что имя *Sibir*, как название какой-то области за Эдилем (Волгой), в Азиатской Сарматии, встречается уже на карте *Fra Maura* 1459 г. (см. уменьшенную копию ее в сочинении *S. Ruge, Geschichte d. Zeitalters der Entdeckungen*).

Лерберг высказал мнение, что впервые название Сибирской земли встречается в летописях под 1407 г. по случаю указания на то, что Тохтамыш (в княжение Дмитрия Донского, в 1382 г., разоривший Москву) был убит в том же году ханом Шадибеком в Сибирской земле, причем в Архангельском Летописце сказано даже, что Тохтамыш убит в Сибирской земле, близ Тюмени. Однако есть основание полагать, что это определение местности составляет позднейшую вставку. Тюмень была основана только в 1586 г., да и самое основание города Сибири приписывается хану Мамету, жившему во второй половине XV в.

По Щеглову, под Сибирской областью разумелась первоначально Тюменская, т. е. южная Югория, в отличие от Югорской (северной Югрии, по рекам Сысве и Сосве и около Березова) и Сургутской — по Оби. В 1554 и 1556 гг. в царском титуле упоминается: «Обдорский, Кондинский и многих других земель, Государь всех северных берегов». По другой грамоте титул обозначен так: «Обдорский, Кондинский и всех Сибирских земель, повелитель северной страны». Затем в 1563 г., в грамоте к Сигизмунду, королю Польскому, прописано: «Удорский, Кондинский и всея Сибири». Герберштейн упоминает уже о *provincia Sibier*, лежащей за Камою, о которой он говорит вслед за Югрией, но замечает, что ему неизвестно, есть ли там какие-нибудь города.

зеи», «молгозии», «монгазеи»). Здесь прежде всего предстоит определить местоположение указанной страны, а так как она помещается за Югорскую землю, то следует сказать несколько слов о положении последней. Оставляя в стороне догадки первых исследователей, Татищева, Миллера, Шлецера, Георги, упомянем лишь о мнении Лерберга, основанном на специальном изучении источников и сводящемся к тому, что «древняя Югрия находилась не в Европейской России, но простиралась между 56 и 67° с. ш., от самого северного конца Урала на восток, чрез нижнюю Обь, до р. Над(р)ыма, впадающей в Обьскую губу, и до Аган(п)а, который выше Сургута впадает в Обь; к ней принадлежали еще места, лежащие по нижнему Иртышу, Тавде, Туре и Чусовой. С южной стороны граничила она с татарскими владениями, а с северной — с землею прежде бывших Самоедов». Что Югра в XVI—XVII веках находилась на Оби и на ее притоках Сысве и Сосве, явствует из «Книги Большому Чертежу», в которой во введении сказано между прочим: «А от реки Таза и от реки Оби, вверх по Оби, Обдорскую, Югорскую и Сибирскую землю, до Нарыма до Пегия орды...» и в другом месте, при описании реки Оби Великой: «А по Оби-реке и по рекам, которые в нее пали: от устья в верх Обдорские грады, а выше Обдорских градов Югорские, а выше Югорских градов Сибирь...». «А по Сосве и по Сысве грады... Юиль... Мункус... Ляпин...» и прочие, «а те грады по Сысве и по Сосве — Югра». Далее же говорится: «реки же текут в реку в Обь, а по тем рекам Сибирские грады», причем указаны реки: Иртыш, Тобол, Ишин, Тура, Ница, Тавда и др. Нахождение Югрии на Оби подтверждается и вышеприведенным известием о походе в Югру 1483 года и даже гораздо более ранним свидетельством от 1334 года о походе новгородцев, о кото-

рых сказано, что они «зимою с Югры приехаша... воеваша по Оби-реки до моря, а другая половина рати на верх Оби воеваша». Существуют, впрочем, данные, доказывающие, что ранее югра жила и по сую сторону Урала. В пользу этого свидетельствуют как многие хрографические названия на севере Европейской России, объясняемые лишь из угорских языков или заключающие в себе корень угра, югра (например, р. Угроньга, р. Угорма и др.), встречающиеся особенно в области соприкосновения югорских поселений с поселениями Печоры на Вычегде и Еми на Сухоне, так и некоторые известия о древнейших сношениях с югрой новгородцев, — известия, объяснимые только при допущении, что область югры находилась не очень далеко от Новгорода и не за «Камнем». Это подтверждает и рассказ Гюряты Роговича под 1096 годом, из которого видно, что югра соседила с самоедью и жила где-то около Печоры, по сую сторону гор, до которых путь «непроходим пропастьми, снегом и лесом», отчего, говорили югричи, и «не доходим их всегда». Карамзин видел в этом известии доказательство того, что уже в XI веке русские ходили за Урал, но в действительности следует вывести обратное заключение, что не только русские тогда не знали Урала, но даже и югра не всегда до него доходила. Вообще, исследования Шегрена и затем Барсова не оставляют, по-видимому, сомнения, что югра жила некогда по сую сторону Урала и только впоследствии отступила отсюда к востоку. По мнению Барсова, югра, теснимая новгородцами, «постепенно передвинулась за Урал, на берега Иртыша и Оби, где и застаёт их XV век и где они были покорены уже московскими войсками». Если мы обратимся к картам, то увидим, что положение Югрии полагалось разными описателями весьма различно, что, впрочем, свидетельствует прежде всего о плохом

знакомстве с этой страной. На первой карте России, Баттиста Агнезе, 1525 года (предназначавшейся к «Книге о Московии», Павла Иовия) положение Югрии совершенно извращено; она помещена к западу от Северной Двины, между нею и Печорою, которая показана еще далее на запад, а за него означены горы (Урал?), над которыми надпись: «in istis montibus capiunt nobiles falcones»¹.

На карте Антония Вида 1555 года «Juhri» помещены к северу от Вятки, между реками Мезенью и Печорою; на карте в «Космографии» Себастьяна Мюнстера, 1544 года — там же или к востоку от Печоры, между нею и страной Codoria (Condoria). По Герберштейну — угричи и вогуличи сидят по реке Оби, причем на карте к его путешествию, очевидно ошибочно, область Juhra поставлена к востоку от Оби, к северу от Кимбалика (столицы Китая). На карте Федора Борисовича, дополненной Герардом (1614 год), Jugogia показана на левой стороне Оби, между Обью и Иртышом: на карте Nasii 1750 года она показана по реке Мезени, между нею и Печерой. Название «югра» объясняется из зырянского языка: jograjass (jass — окончание множественного числа) прилагается зырянами к обозначению своих соседей, вогулов и остяков, причем jogra значит собственно: «грубый», «дикий» «дикарь». Относительно вогулов тождественных по их собственному названию «манси» и по языку с обскими остяками) известно, что они ранее, в XV—XVII веках (даже еще в XVIII веке), жили отчасти по сю сторону Урала, хотя теперь поселения их начинаются только по ту сторону, по рекам Сосьве и Лозьве².

¹ В этих горах ловят благородных соколов.

² Самоедов зыряне называют также Jogras.

Как бы то ни было, несомненно, по-видимому, что уже в XV веке югра распространялась до Оби и что выражение «за Югорскою землею, над морем» может относиться только к стране за Обью, прилегающей к Ледовитому океану. Здесь и жила, очевидно, та «самоедь», которая носила название «молгонзеев», причем из дальнейшего видно, что термин «самоедь» употреблялся составителем сказания в роде нарицательного, почти равнозначительного термину «инородцы», «дикари», для обозначения вообще иновидных, диких народов севера (за исключением югры). Не подлежит сомнению, что новгородцы должны были ознакомиться прежде всего с европейскими самоедами (мезенскими, большеземельскими, пустозерскими и другими), жившими по эту сторону Урала, о которых упоминается в летописи уже под 1096 годом как о соседящих с югрой и печерой (зырянами). Регули, на основании хорографических названий, вывел заключение, что долина реки Усы, впадающей в Печору с правой стороны, и страна на север от этой реки были населены самоедами с давних времен, тогда как местности к югу от реки Усы могут быть рассматриваемы как исконная область зырян. По исследованиям Кастрена, самоеды — родом с Саян, где еще и теперь живут отатарившиеся племена (сойоты, карагассы и другие), у которых еще в 50-х годах Кастрен встретил несколько стариков, помнивших свой прежний язык, похожий на самоедский. Чем было вызвано расселение первоначальных самоедов на север — решить трудно; по всей вероятности, оно произошло под напором тюрко-монгольских племен с юга. Но дальнейшее движение их в низовья Оби обуславливалось, по-видимому, отступанием перед югрой, которая отрезала самоедов от их южных сородичей и заставила расселиться в прибрежной полосе Ледовитого моря. О борьбе самоедов с ос-

тяками и о подчинении отчасти первых вторым свидетельствуют многие предания, сохранившиеся у обоих народов.

Самоедь-молгонзеи, описанные в разбираемой нами статье, жили, очевидно, по ту сторону Оби, по реке Тазу и до Енисея. Это доказывается уже самым названием их, которое может быть приурочено только к указанной области. Название «молгонзеи» (молгонъзеи, малгонзеи, монгазеи) напоминает «Мангазею» — город, существовавший на реке Таз в XVII—XVIII веках и получивший свое наименование, как мы увидим далее, от названия страны или народа. Однако, прежде чем представить тому доказательства, мы позволим себе остановиться несколько на истории этого города — Мангазеи. Острог Мангазея был заложен в 1600 году посланными из Тобольска письменными головами — князем Мироном Шаховским и Данилой Хрипуновым. Поводом к его основанию послужили, по-видимому, слухи о богатстве страны соболями и о том, что еще ранее проникали туда, к самоедам, русские и зырянские промышленники, которые даже «дань с них (самоедов) собирали воровством на себя, а сказывали на государя, а в государеву казну не давали, и обиды, и насилия, и продажи от них были им (самоедам) великие». Князь Мирон Шаховской и Данила Хрипунов пошли из Березова со ста казаками на четырех кочах (плоскодонных судах, сажень в 12 длиною, с палубой) и двух коломенках. Судна эти по выходе в Обскую губу отчасти разбились, отчасти стали течь, так что воеводы должны были высадиться на берег и пойти сухим путем, причем люди шли на лыжах, а для провианта самоеды доставили оленей. Но на дальнейшем пути отряд подвергся нападению другой шайки самоедов, которая убила тридцать казаков, ранила самого князя Шаховского, разграбила провиант и зас-

тавила остальных русских искать спасения в бегстве на оленях. В Москву послано было известие о случившемся несчастье, которое, однако, не заставило правительство отказаться от принятого им намерения¹

В следующем, 1601 году посланы были с тою же целью воеводы князь Василий Масальский и Савлук Пушкин с двумястами воинских людей. Им дан был подробный наказ, начало которого не уцелело, но из оставшейся части которого видно, что они должны были взять с собою из Тобольска, Сургута и Березова «литвы и казаков и стрельцов на обмену перед прежним (т. е. посланными с князем Шаховским) вдвое», также определенное число воинского снаряда и провианта (в том числе четыре пушки), запастись проводниками (вожами) из «зырян торговых людей и вымичей, которые бы ход знали и талмачить умели», и идти на девяти кочах, двух лодках морских да двух дощаниках. Идти им велено было «наспех, днем и ночью, с великим бережением, чтоб им... придти водяным путем до заморозов», а «идучи, разведывать про князя Мирона (Шаховского) и про Данила накрепко», где ныне они, поставлен ли ими острог и т. д., и если острог уже заложен, то сменить в нем ранее посланный отряд, а если нет, то заложить новый, привести к присяге окрестную самоедь, разыскать Мирона Шаховского с товарищами, выручить их, подать им помощь в случае надобности и т. п. Из последующей грамоты 7111 года явствует, что князь Масальский и Савлук Пушкин в Мангазее устроились, но видно также, что

¹ Нападение самоедов объяснялось тем, что «самоядь к сему делу подущены были зырянскими торговыми людьми, которые опасались, что торги их с самоедью чрез присутствие россиян придут в упадок» (Миллер). Об истории Мангазеи приведены данные у Миллера — «Описание Сибирского царства», у Фишера — «Сибирская история» и Щеглова — «Хронологический Перечень».

город существовал уже до них, а из этого можно заключить, что основание ему было положено еще Шаховским, что подтверждается и свидетельствами сибирских летописей.

Первоначально острог предполагалось поставить на устье реки Таз, но в наказе предоставлено было воеводам право выбрать и другое подходящее место, причем указывалось на промышленные острожки и какой-то «Пантуев городок». Как бы то ни было, но город был заложен по среднему течению Таза, верстах в 200 от его устья, и стал известен под именем Мангазеи. В 1603 году в Мангазею был послан воевода Федор Булгаков, и ему была дана всякая церковная утварь, а также поручено было взять из Березова священника и построить в Мангазее гостиный двор (церковь была построена уже, по-видимому, при князе Масальском). В 1608 году в Мангазею доставлялся уже ясак не только самоедами, жившими по реке Тазу, но и многими из енисейских самоедов и остяков, а равно частью тунгусов по реке Нижней Тунгуске. Тогда же близ устья реки Турухан было построено зимовье, переименованное впоследствии в Новую Мангазею и затем в Туруханск.

От 1616 года сохранилось известие, что архангелогородцы, идя вдоль Мезенских и Пустозерских берегов, через Вайгачский пролив, в Карское море, дошли до реки Мутной (текущей поперек полуострова Ямал), шли по ней 5 дней до озера и, перетащив из него суда волоком в другое озеро, Зеленое, спустились в речку Зеленую и вошли в Обскую губу, а затем, повернув отсюда в Тазовскую губу, пошли вверх по реке Тазу и прибыли в Мангазею, проложив таким образом морской путь из Архангельска до этого города, — путь, торговля по которому была, однако, из-за фискальных целей запрещена в 1620 году.

В 1619 году Мангазея выгорела, и по одному известию (у Щеглова) город тогда же был перенесен в Туруханское зимовье, но по другим, более достоверным свидетельствам, оставление старой Мангазеи последовало много позже, именно не прежде пожара 1642 года.

По словам Миллера, в одной «летописи о мятежах» значится, что город Мангазея был поставлен по приказу царя Бориса, «а ставил город князь Василий Мосальский Рубец», но это известие не подтверждается другими источниками.

По словам Миллера, «в сибирских летописях упоминается, что еще в 7106 году из Москвы отправлен был для проводывания Мангазейской страны некто Федор Дьяков, который с двумя из Тобольска с ним отправленными целовальниками в тамошних местах был и первый там ясак в государеву казну собрал, с чем он в 7108 году в Москву возвратился».

В «Сибирской истории» Фишера (с. 390) сказано, что «претерпенный в 1642 году Мангазеей пожар способствовал к совершенному потом запустению сего места, которое, кроме того, для непрестанного приращения Туруханска пришло уже в нарочитый упадок. Натуральное положение последнего места было без сомнения гораздо способнее и выгоднее первого. Обыскания и завоевания на восток из Мангазеи не могли чинены быть иначе, как через Туруханск; соболи скорее перевелись у Таза, нежели у Енисея, который для впадающих в него с востока рек беспрестанно подавал новые способы к обогащению. Ничто тягостнее не было, как возить съестные припасы из Тобольска Тазским морским заливом, на котором пути пропадали иногда суда с людьми и с товарами, или от самоеди претерпевали несчастье, которые по разграблении судов убивали людей. Напротив того, Туруханск лежал посреди Мангазейского уезда, и туда можно

было способно возить всякие нужные потребности из Енисейска. Сия выгода и изобилие в хорошей мягкой рухляди побудили людей переселиться в сие место. В Туруханске по наступлении лета была почти всегда ярманка, понеже тогда казаки с собранным с язычников ясаком, а промышленные со своего промыслу туда приходили. Чего ради воеводы и таможенные надзиратели весною обыкновенно из Мангазеи туда отправлялись для сбора доходов, а осенью назад возвращались; по времени некоторые воеводы препровождали там по целому году, а таможенные надзиратели поступили еще далее и, оставя совсем Мангазею, утвердили свое постоянное жилище в Туруханске, несмотря что сие последнее место называлось токмо зимовьем, а Мангазея, напротив того, и тогда имела еще название города».

Из некоторых свидетельств можно заключить, что оставление Старой Мангазеи последовало еще позже, во второй половине XVII века. Так, в «Кратком показании о воеводах», изданном в 1791 году, сказано, что Мангазея была оставлена лишь в 1662 году, а Г. И. Спасский нашел известие, что она была перенесена на место Туруханского зимовья лишь в 1672 году, по указу царя Алексея Михайловича. Окончательное оставление Старой Мангазеи последовало, по-видимому, лишь в 1677 году, когда в новом городе были построены четыре башни, вооруженные пушками и снабженные камнями на случай осады, и когда в него был переведен отряд из ста человек стрельцов.

Здесь мы приводим копию части одной карты в Атласе Ремезова. Она ориентирована так, что вверху приходится запад, вправо — север. Видно нижнее течение рек Таз и Енисей, область «юрацкой самоеди немирной» и города: Старая Мангазея — на реке Таз и Новая Мангазея на Енисее, обтекаемая протоком с нахо-

дящимся на противоположном берегу Енисея монастырем Троицким. Русские надписи местами сопровождаются голландским переводом.

На Сибирском Чертеже Ремезова, 1701 года, показано положение как Старой, так и Новой Мангазеи: Старой — на реке Таз, Новой — на Енисее, причем новый город представлен в два с лишком раза большим против старого и расположенным на дугообразной протоке (шаре) в 1—2 верстах от реки Турухан. Оба города, как Старая, так и Новая Мангазея, показаны также на картах Штраленберга 1730 года, *Nasii Imperii Russici et Tatariae... tabula* 1720, Трускотта (в Архиве Министерства иностранных дел) и других. План Новой Мангазеи находится в бумагах Миллера, в Главном архиве Министерства иностранных дел; что же касается Старой Мангазеи, то некоторое понятие о ее виде и оставлении дают сведения, приведенные в «Си-

бирской Истории» Миллера (с. 391), и предание, слышанное Третьяковым от одного юрацкого старшины. По сведениям, собранным Миллером, «город был четырехугольный деревянный, внутри которого стояла соборная церковь Живоначальной Троицы. А в посаде, где обывательских домов немало число было, находились еще две церкви: одна во имя Успения Пресвятой Богородицы, а другая Макария Желтоводского Чудотворца. Положение места само собою было безопасно и весело. Мимо города текла немалая речка, называемая Осетровка, а по-самоедски Сулей-Яга, которая выше города в Таз-реку впала. Ниже города в некотором расстоянии была другая речка, по-русски Ратилиха именуемая, а по-самоедски Тирма. От устья вверх по реке на лодках можно было к городу поспевать в 9 дней, а от города вниз вешнюю прибылою водою плыли до устья в полтретья или три дни». По преданию, слышанному Третьяковым, в Мангазее было 4 улицы и до 200 домов, три церкви, пороховой и винный подвалы, два хлебных магазина, острог, гостиный двор с 20 лавками и два питейных дома. Хлеб доставлялся в Мангазею из Березовского округа, по рекам Таз и Пур, на небольших палубных лодках. Город был сожжен и ограблен юраками, раздраженными тем, что казаки, усмиряя распрю между двумя юрацкими родами, перебили до 130 человек и захватили в плен несколько юрацких князей. Юраки подкрались будто бы к городу ночью, в июне месяце, подожгли его в нескольких местах и истребили вполне со всеми жителями. Третьяков, однако, не без основания сомневается в полной справедливости этого рассказа, так как «не может быть, чтобы столь важное событие не было занесено в летописи». Ныне, по словам Третьякова, все место, где находился город, заросло березняком и «только в иной яме высунувшийся гнилой

конец бревна да находимые человеческие и конские кости свидетельствуют о прошлом».

Мангазея продолжала сохранять свое название до восьмидесятых годов XVIII века, когда оно сменилось окончательно названием Туруханск. Уже в 1766 году Мангазейский уезд (на карте Штраленберга — *provincia Mangaseia*) был самым скуднонаселенным во всей Сибири: в нем числилось всего 625 душ, тогда как в Тобольском — 17 200, в Тюменском — 9850, даже в Нарымском — 1098. Впоследствии, с постепенным обеднением края, значение его все более и более падало. В 1822 году Туруханск был переименован из окружного в заштатный город (при этом были сожжены все старые дела присутственных мест). С тех пор строения города стали покидаться и разрушаться, народонаселение — уменьшаться, торговая деятельность почти прекратилась. В 1870 году в Туруханске было всего 47 домов, из коих большинство — жалкие лачужки, три бедные церкви и несколько лавок. В 40-х годах в городе насчитывалось 270 жителей обоего пола, в 1874 году — 181, а позднее, по данным в календаре Суворина, их числилось только 119.

Что касается названия «Мангазея», то оно объяснялось различно. В «Сибирской истории» Фишера (с. 206) происхождение этого названия объясняется так: «Понеже при реке Тазе жил самоедский род, Моказее называемый, то новому городу дано имя Мунгазей, которое после еще больше испорчено и переименовано в Мангазею». В «Описании Сибирского царства» Миллера (с. 372) предание это передается иначе: «И понеже при реке Таз нашли некоторой род самоеди, называемой Мокасе, то сие подало повод к названию тамошней страны по российскому произношению Мангазея. Сия страна наипаче была известна обывателям около рек Двины и Печоры живущим, как русским,

так и зырянам, потому что они за соболиным промыслом и для торговли туда часто хаживали». Позже Г. Н. Спасский высказал мнение, что «город Мангазея получил свое название от бывшего там, прежде его основания (?), хлебного запасного магазина для обмена на хлеб звериных шкур, от кочующих в тех местах остяков и самоедов». Но тот же Спасский три года спустя признал высказанное им ранее мнение неверным. «Несправедливо думают, писал он на этот раз, что город Мангазея получил имя свое по поводу устроенных хлебных магазинов на самом том месте, где он находился. Кроме новизны этого слова в нашем языке взамен житницы, служат тому опровержением, во-первых, сибирские летописи, в которых упоминается еще в 1597 году о принимаемых мерах для проведения Мангазейской страны до самого Енисея и обложения тамошних инородцев ясаком; во-вторых, в наказе 1601 года воеводам об устройении Мангазейского острога с двумя или тремя при нем житницами для хлеба предписывается: «распрашивати накрепко, сколько в Мангазее и в Енисее городков и волостей... и сколько по Оби и по всем Мангазейским и Енисейским рекам Мангазейские и Енисейские Самоеды живет». Спасский склонился на этот раз к мнению, высказанному Пестовым («Записки о Енисейской губернии». М. 1833, с. 197), что название «Мангазея» произошло от имени жившего здесь самоедского князца Маказея, «вероятно, значительного, если его имя, переделанное в Мангазею русскими поморцами и зырянами, издавна посещавшими тот край, распространилось на всю страну, а может быть, также и имя обитавшего там народа Мокасе, как утверждает Миллер, неизвестно, впрочем, на каком основании».

Сопоставляя все только что приведенные толкования, нельзя не признать, что производство названия

«Мангазея» от слова «магазин» едва ли может быть допущено. В конце XVI века хлебные амбары назывались у нас житницами и слово «магазин» не вошло еще в употребление; в наказах мангазейским воеводам точно так же о хлебных магазинах нигде не упоминается, а вместо них говорится о житницах¹. Кроме того, из грамот и наказов явственно видно, что название «Мангазея» было известно еще за несколько лет до основания города того же имени и прилагалось первоначально к обозначению страны по реке Таз.

В грамоте царя Бориса Федоровича от 7109 года Березовскому воеводе князю Ивану Борятинскому и голове Григорью Векентьеву страна эта называется «Мунгазея». В наказе от того же года князю Василию Мосальскому и Савлуку Пушкину говорится также о странах Мунгазее и Енисее и о реках Мангазей и Енисей, а также о мангазейской и енисейской самоеди и о мангазейских и енисейских реках. Очевидно, под рекой Мангазеем² разумелся Таз, а под Мунгазеей или Мангазеей — страна по Тазу, подобно тому как под Енисеей — страна по Енисею. В сказании «О Сибирском царстве» (хронограф Императорской Публичной Библиотеки. Л. F. IV. № 165) говорится, что «меж теми великими реками Обью и Енисеем река рекомая Таз, сия исходить из Пегия орды и шествующи к северной стране и своим устьем течет в морскую Губу, на той же реке Тазу град зовомый Тазовский и паки *Манга-*

¹ В некоторых местностях Западной Сибири в настоящее время употребляется, однако, слово «мангазея» вместо «магазина». Но это, по-видимому, уже позднейшее искажение.

² На карте «Великой Татарии» Штраленберга 1730 г. название *Mangazea* придано небольшой речке, впадающей в Тазовскую губу, и вместе с тем показана другая *Mangazea*, впадающая в Таз с правой стороны, недалеко от города Старая Мангазея.

зая сиречь Самоядная земля, по той реке и во вся поморие язык Самояцкой»... Из какого именно туземного слова образовалось русское Мунгазея или Мангазея — сказать в точности трудно (далее мы приводим, впрочем, догадку), но, во всяком случае, сомнительно, чтобы от имени самоедского князца Маказея, как утверждал Пестов, или от названия народа мокасе (по Миллеру) или моказее (по Фишеру). Непонятно, каким образом из этих названий вместо Маказы или Макасы могло образоваться «Мангазея» со вставочным «н», переходом *к* в *г* и с окончанием на *ея*. Притом невероятно, чтобы имя какого-то самоедского князца могло дать повод к названию целой страны и затем города. Вернее предполагать, что название «Мангазея» произошло от названия страны или реки, как Енисейск от Енисея, Томск от Томи, Обдорск от Обдории и т. д. Что река Таз еще в начале XVIII века назывался Мангазеем (Монгамзеем) видно из сочинения «*Allerneuster Staat von Casan, Astracan, Siberien*» etc., изданного в 1720—1723 годах и составленного, по-видимому, пленными шведами. Там, при описании мамонтовой кости упоминается между прочим, что ее находят по берегам Енисея, Тругана (Турухана), Монгамзея, Лены и у Якутска. Еще более точное указание на происхождение названия «Мангазея» даст рассматриваемое нами сказание, именно название народа «молгонзеи». В статье Фирсова оно уже переделано в «монгонзеи», в списке из собрания Унковского даже в «Монгазеи», а отсюда до «Мангазеи» очень недалеко, и переделка вполне соответствует духу русской фонетики.

Но что это за народ «молгонзеи» и существовал ли он в действительности? В пользу существования такой страны и народа говорят многие иностранные карты конца XVI и XVII веков, в том числе карта голландского морехода Баренца, участвовавшего в трех экспе-

Часть карты к третьему путешествию Баренца, опубликованной в 1597 году и перепечатанной почти без изменений Понтаном в 1611 г. На карте видны: *Nova Zemla* (восточный берег которой оставался еще не исследованным), страны *Condora*, *Obdora* и *Molgomsaia*.

дициях к русским берегам Ледовитого моря и Новой Земли и впервые нанесшего их мало-мальски удовлетворительно на карту. На этой карте, опубликованной в 1597 году, обозначен довольно верно Лапландский полуостров, Белое море, западный берег Новой Земли, устье Печоры и указаны прилегающие страны. К западу от Печоры показана *Condora*, к востоку, по берегу Карского моря, до Оби — *Obdora*, а за Обью помещена *Molgomsaia*, область как раз соответствующая стране «молгонзеев» новгородского сказания.

Впрочем, мы встречаем этих «молгомзаев» на том же месте и на более ранних картах, а именно на карте

Антон Дженикинсона (A. Jenkinson) 1662 года, приведенной в атласе *Ортелия* (Theatrum Ortellii), издание 1573 года (Molgomsaia), и у *Меркатора*, издание 1587 года (Molgomzaia).

Особенно интересна карта А. Дженикинсона как по многим любопытным, отмеченным на ней подробностям, так и потому, что Дженикинсон был по торговым делам (через Архангельск) пять раз в России (Москве), именно в 1557, 1558, 1561, 1566 и 1571 годах, причем во вторую поездку совершил путешествие с караваном в Бухару, а в третью — в Персию (Тавриз, Казбин, Шемаху). Карта его, судя по году ее составления, появилась после третьего путешествия, но многие данные были собраны для нее Дженикинсоном, по-видимому, уже во вторую поездку. Так можно заключить потому, что к отчету об этой поездке, представленному Дженикинсоном Лондонской торговой (Московской) компании, приложены определения географических широт двенадцати посещенных им пунктов и «разные заметки, собранные Ричардом Джонсоном (который был в Бухаре с А. Дженикинсоном), из показаний русских и других иностранцев, о путях по России в Китай (Cathaya)¹ и о разных странных народах». Эти распросные сведения заключают в себе три маршрута татарских торговцев от Астрахани через Бухару в Китай, одно показание пермского торговца, будто бы ездившего туда же другим путем, «ближе к морскому берегу», и, наконец, — что для нас особенно любопытно — сведения «о некоторых странах самоедов, живущих по реке Оби и по морским берегам за этой рекой, переведенный слово в слово с русского языка». Страны эти, говорится далее, «были посещены одним рус-

¹ Под Катаем разумелся в те времена Китай, о городах которого Cambalu (или Кимбалик=Пекин) и Quinsay было известно из путешествия Марко Поло и других.

ским, родом из Холмогор, по имени Федором Товтыгиным, который, как говорят, был убит в свою вторую поездку, в одной из сказанных стран». Очевидно, переведенные Джонсоном данные были заимствованы им из какого-то русского источника и, по-видимому, судя по приведенным извлечениям, из той же самой статьи «о человецех незнаемых», которая служит предметом и нашего разбора. Так можно заключить по началу известия: «В восточной стране, за Югорскою землею, река Обь составляет ее самую западную часть. По берегу моря живут самоеды и страна их называется Молгомзей (Molgomsey); они питаются мясом оленей и рыб, а иногда и едят друг друга». Затем следует описание того, как они убивают детей, чтобы угостить проходящих к ним торговцев, как они не хоронят мертвых, а едят их, а далее следует описание их наружного вида, их езды на собаках и оленях и их торга соболями.

Следующие два известия тоже соответствуют до некоторой степени приводимым в разбираемой нами статье, хотя они несколько сокращены и именно (как увидим далее) в них пропущено то, что представляется более невероятным или преувеличенным. Дальнейшие известия, однако, не приведены, отчасти, может быть, вследствие их еще большей невероятности, а отчасти и потому, что иные из них касаются уже стран, лежащих вверху Оби, и, следовательно, не имеющих отношения к тем, о которых сообщал Джонсон в своем письме к Ченслеру. Как бы то ни было, есть серьезное основание думать, что Джонсон ознакомился, непосредственно или при помощи какого-нибудь русского, с разбираемою нами статьей и что упомянутый им житель Холмогор, Федор Товтыгин, был, может быть, именно составителем статьи «о человецех незнаемых в восточной стране».

Что «Молгомзеи» были известны по слухам англичанам в XVI веке, доказывает еще инструкция, данная сэром Роулендом Гайвардом и Дж. Бэрном, директорами английской купеческой компании, для открытия новых торгов Артуру Пету и Чарльзу Джекману, отправленным в морскую экспедицию для открытия Китая в 1580 году. В этой инструкции говорится, между прочим, что если им придется зазимовать в устье Оби или около него и они встретятся там с туземцами, «самоедами, юграми или молгомзеями», то с ними следует обращаться ласково, выведать, кто ими владеет, доставить ему одну из королевских грамот, вступить с ними в торговый обмен и т. д. То же название «Molgomzaia» встречается на многих картах XVII века, например, у Блау (Geographia Blaviana), 1668 года, в атласе Сансона 1683 года, у Витзена и др. В «Geographia Blaviana» об этих «молгомзеях» приводится даже одна черта из их религиозного быта, именно, что они поклоняются солнцу или развернутому красному знамени, — черта, которая, впрочем, на карте Дженкинсона приурочена, как увидим далее, не к молгомзеям, а к народам, жившим далее за ними.

Как бы то ни было, не подлежит сомнению, что страна по ту сторону Оби и населяющий ее народ были действительно известны в XVI—XVII веках под именем: Molgomsey, Molgomzaia, Molgomsai, Молгонзеи, Малгонъзеи, Мангонзеи — название, которое было перенесено и на прилегающую часть Ледовитого океана (Mare tartaricum olim Mare glaciale; Mangaseiche Zee; Мангазейское море), а также и на основанный в этой стране русский город, только подвергшись переделке в Мангазею¹.

¹ Витзен производил даже название города Мангазеи от Мангазейского моря: «Обь впадает в Океан или в Сибирское Мангазейское холодное море (Siberische Mangaselsche Koude Zee), отку-

По своему происхождению слово «молгонзеи», по-видимому, самоедское, юрацкое. Названия Кондория, Обдория объясняются из зырянского языка и означают устье (страна при устье) Конды, устье Оби. Но слов «молгонзеи», «молгон» или «малгон» в зырянском языке не существует; по крайней мере, я их не встретил в имеющихся списках зырянских слов Савваитова и Кастрена. Наоборот, окончание на *зеи* или *зей* встречается в названиях самоедских родов; так, среди архангельских лесовых родов есть род Хатанзеи или Хатанзей (по Иславину, из лесовых — самый большой род). С другой стороны, слово «молгон» или «малгон», по-видимому, соответствует словам *mal* — «конец», *malhana* — «конечный, краевой», приводимым Кастреном в его списке юрацко-самоедских слов. Юраками называется самоедское племя, живущее и теперь еще между Обью и Енисеем и отличаемое как ими самими,

да город Мангазея получил свое название. Город этот стоит на реке Мангазее, изливающейся в море...» На карте Штраленберга название *Mare Mangazeysco* придано Тазовской губе и ближайшей части Карского моря.

На карте Федора Борисовича (изданной Герардом) страна «*Molgomsaia*» не показана, но на ней не означен и город Мангазея, а на месте его надписано только: «Тазовский городок». На Сибирском Чертеже Ремезова, на котором обозначены как Старая, так и Новая Мангазея, вместо Молгонзеев стоит «немирная самоедь юрацкая». По-видимому, с основанием Мангазеи название народа молгонзеи стало выходить из употребления и сменилось названием юраки. Юрацкое племя долго было «немирным» и подверглось окончательному усмирению сравнительно недавно, в XVIII в. Вместо «юраки» на старинных русских картах (XVIII в.) встречается также нередко название «юраты». Так, в «Атласе, сочиненном к пользе и употреблению юношества и всех читателей ведомостей и исторических книг» (СПб. 1737) за Обскою губою показаны «юраты»; на карте, представляющей часть северной Российской Империи от устьев реки Енисея до начала Белого моря», составленной Трускотом в Архиве иностранных дел, — «Самоядь юратская».

так и всеми соседними народами от остальных самоедов по типу, языку и характеру. Если указанное нами сопоставление возможно (а оно невольно напрашивается), то «молгонзеи» будет значить: «конечные», «краевые», т. е. живущие на краю земли, на краю света, именно на окраине прочих самоедских племен. Это и применимо к юракам, кочевья которых простираются на север до моря, а на востоке соприкасаются с кочевьями тунгусов.

Таким образом, первое известие новгородского сказания оказывается справедливым. Народ молгонзеи действительно существовал, и под ним следует, очевидно, разуместь самоедов-юраков. Обратимся теперь к характеристике этого народа, приведенной в сказании. «А еда их — мясо оленье да рыба. Да между собою друг друга едят; а гость к ним откуда придет, и они детей своих закалывают для гостей, и тем кормят. А если какой гость у них умрет, то они и его съедают, а в землю не хоронят. И своих також». Что самоеды питаются оленьим мясом и рыбой, это известно всем; но чтобы они были людоедами, это может казаться сомнительным. Новейшие писатели (с XVIII века) большей частью даже категорически опровергают, чтобы самоеды были людоедами и чтобы их название было вызвано именно этим обстоятельством. Лерберг производил слово «самоед» от «семгоед»¹.

Белявский объяснял его как русский перевод самоедского родового названия Хасово (от *хаз* — сам и *ово* — один), т. е. «сам-один» или «сам-един»; большинство, однако, следуя Фишеру, принимают, что это

¹ Производство Лербергом слова «самоед» от «семгоед» может быть несколько оправдано старинным названием самоедов у Плано Карпини и Герберштейна: «Samogeti», «Samoged». Джонсон (1556) и Флетчер (1558) пишут, однако, уже «Samoeds» и «Samoites», Олеарий — «Samoieden».

название — финское и соответствует лопарскому Samejedne, прилагаяемому лопарями к обозначению своей земли (ср. Suomi, Name, Сумь, Ямь). Полагают, что русские из этого слова сделали самоедь, считая сперва лопарей и самоедов за одно племя, или что, «не зная обитателей северного побережья под собственным их названием, они назвали их самоедами от лопарского названия «Самоянда», узнанного ими, может быть, от карелов. Но некоторые сомневаются и в этом объяснении, считая его маловероятным. Как бы то ни было, название это было известно уже Плано Карпини, который передает его в форме Samogeti и рассказывает со слов татар, что они живут только звероловством, а шатры свои и одежду делают из звериных шкур. Плано Карпини, впрочем, не упоминает о людоедстве «самогетов», но представление о существовании где-то на севере антропофагов идет со времен глубокой древности. Они упоминаются, как известно, уже у Геродота в числе народов, живущих где-то за скифами. Позже, с расширением пределов известного мира, местобитание их (как и людей с песьими головами) переносилось все далее — к северу и востоку; русские же люди, по-видимому, с давних пор отождествили их с самоедами. Известие о людоедстве самоедов мы встречаем уже у Герберштейна; упоминая о Samoged, он добавляет: «т. е. сами себя едящие»; «эти племена, говорит он, дики и избегают сообщества с другими людьми». Р. Джонсон, познакомившийся в 1556 году с самоедами, жившими при устье реки Печоры, замечает, что эти самоеды находятся в подданстве у русского государя, что они занимаются много колдовством и хорошо стреляют из луков. К северо-востоку от Печоры, на острове Вайгач, продолжает Джонсон, живут «дикие самоеды, которые не дозволяют приставать к острову русским, но убивают и съедают их, как нам рассказывали русские». «Самоиты (Samoits), говорит

Флетчер, носят такое название (по словам русских) от того, что они едят самих себя, ибо в прежнее время они жили как людоеды и ели друг друга. Что это вероятно, можно заключить из того, что они и теперь еще едят всякое сырое мясо, даже падаль, валяющуюся в ямах. Но сами самоеды производят свое название от «самые» (*samoie*), считая себя коренными жителями своей страны, никогда не менявшими своей родины». Петрей (1620) сообщает, что за страной Печорой, милях в ста к северу, к Ледовитому морю, «живут народы, которых русские называют «*Samiedi*». Это — люди, пожирающие самих себя». Олеарий говорит, что русские назвали самоедов так потому, что «они (самоеды) действительно ели человеческое мясо и даже тела своих умерших друзей, которые они смешивали и ели с дичиной». Мейерберг тоже упоминает о людоедстве самоедов, ссылаясь при этом на Олеария. В русских описаниях Сибири и ее «зверообразных» людей, довольно многочисленных в космографиях XVII века, о людоедах, однако, не упоминается, а говорится только, что вогуличи, остяки, самоедь, лопане, тунгусы и проч. «аще и подобии образом человеком, но нравом и житием подобии зверям» или «живут в лесах и в земли яко звери, нравом же зело люти». Но предания о людоедстве самоедов в прежние времена еще сохранились у вогулов и остяков. В былинах их рассказывается о борьбе их прежних богатырей с самоедскими, причем богатыри эти будто бы не только убивали друг друга, но и ели печень и пили кровь своих врагов¹

¹ Н. Л. Гондатти записал у манси предание, что богатыри их отличались громадной силой и, убивая своих противников, всегда их скальпировали... Убив врага, они съедали его сердце и печень, чтобы вся сила убитого перешла к ним и чтобы он не ожил. — См. *Гондатти*. Следы язычества у инородцев северо-западной Сибири. С. 360.

Эти рассказы могут, впрочем, относиться к временам стародавним, мифическим, но у остяков (и самих самоедов) сохранились еще другие, более реальные рассказы, относящиеся ко временам сравнительно недавним, историческим, даже, можно сказать, новейшим. Вот что мы читаем у Кушелевского: «Остяки называют самоедов — *орхой* (дикий человек). В преданиях самоедов и остяков еще по настоящее время сохранилось в памяти следующее обыкновение самоедских предков. Удрученный годами самоедин, когда чувствовал себя неспособным к промыслам и езде на оленях, тогда жизнь свою считал в тягость себе и своему потомству. Вследствие этого и вследствие убеждения, что в загробной жизни он может быть купцом, приказывал себя убить в честь счастливой жизни своего потомства, а тело свое съесть. Этот обряд отцеубийства исполняли дети при шаманстве с особенным благоговением и тело съедали. Остяки, видя такое их варварское обыкновение, называли самоедов «орхой», диким человеком, и во время уно, когда остяки въезжали к ним в тундру для торговли, то приказывали самоедам при встрече с собою падать на колени, кланяться в землю и не смотреть на себя до тех пор, пока не позволят. Входя в самоедские чумы, приказывали постилать себе под ноги оленьи кожи и по ним входили. Не дотрагивались до самоедской одежды и к вещам их, а если которые брали из рук их, то через огонь. Обкуривали вещи бобровою струею, которая, по понятию остяков, очищает все от всех нечистот. В преданиях остяков сохранилась еще быль, как одного казачьего сотника Какаулина, приехавшего к самоедам за сбором ясака, самоедский старшина, желая угостить прилично, позвал к себе в чум и, при Какаулине приказав своей младшей дочери раздеться, показал ему тело ее, которое было жирное и белое. После этого тотчас убил дочь

свою и, отрезав у нее груди, вынул сердце, положил то и другое в котел и стал варить на тот предмет, чтобы этим лакомством попотчевать Какаулина, но тот, испугавшись, убежал из чума и более к самоедам за сбором ясака не приезжал, а поручил таковой производить остяцкому князю». Из этих преданий можно заключить, что самоеды получили название свое от русских казаков собственно потому, что сами себя ели, и неудивительно, что они считают это слово бранным.

Еще недавно был такой случай: лет 15 тому назад (т. е. в начале 50-х годов) самоед, руководясь убеждениями своих предков, съел свою мать, старую и неспособную к труду, за что судился и в наказание содержался в тобольских арестантских ротах.

Преследования начальства давно искоренили между ними это варварство. Но еще недавно были случаи, что самоедин, убедившись, что жена родила ему дитя, не им прижитое, убивал его и выбрасывал на съедение собакам. Наконец, нелишним считаю рассказать об одном случае, доказывающем, что самоеды действительно сами себя съедали и что поэтому и название им дано русскими казаками — «самоед» правильно. Остяки и самоеды долго между собою враждовали и ходили друг на друга войною. Но когда самоеды убедились, что не в состоянии прогнать остяков из своего отечества, то смирились перед ними и в клятву вечного мира и признания над собою владычества остяков исполнили следующий обряд: из среды своей, по жребию, избрали одного самоеда, убили его, сварили и съели. После срубили у лиственницы вершину и на оставшемся отрубке поставили то корыто, из которого ели, и эта лиственница еще по настоящее время существует недалеко от Пашерцовых юрт и села Обдорска».

Если исключить догадку Кушелевского о том, что слово «самоед» было придумано казаками (слово это

существовало задолго ранее казачества), то сообщаемые им факты нельзя не признать возможными и вероятными. Кушелевский занимался (по поручению Сидорова) исследованием путей от Печоры до Енисея, жил подолгу в тундре и мог ознакомиться довольно хорошо как с остяками, так и с самоедами. Факт убийства самоедами в прежнее время дряхлых стариков не может считаться невероятным, так как мы знаем, что этот обычай существует еще кое-где и теперь у дикарей, а в древние времена исполнялся даже предками многих культурных народов¹

Но если допустить даже, что все эти рассказы были преувеличенны и вымышленны остяками, во всяком случае, остается факт, что они существуют и были в обращении, а следовательно, могли дойти и до составителя новгородского сказания, который имел еще большие основания им верить, чем г-н Кушелевский. Таким образом, и это известие сказания оказывается верным или, по крайней мере, основанным на действительно ходивших рассказах.

Далее о тех же молгонзях говорится следующее: «Сии же люди невелики возрастом, плосковиды, носы малы; но резвы вельми и стрельцы скоры и горазды. А ездят на оленях и на собаках, а платье носят соболье и оленье. А товар их соболи». Все это вполне соответствует действительности. Малорослость северных народов, лопарей и самоедов была известна давно; первые дали повод к возникновению германских (готских) и финских (карельских) преданий о карликах, с которыми приходилось бороться предкам германцев и карел. Позже, когда пришлось убедиться, что лопари

¹ Кулишер. Очерки сравнительной этнографии (СПб., 1887. Гл. IV): «Оставление на произвол судьбы и убийство стариков»; Каллаш. Положение неспособных к труду стариков в первобытном обществе — «Этнографическое обозрение» (М., 1889. Кн. 1, 2 и 3).

хоть и невелики ростом, но все-таки не пигмеи, настоящих пигмеев стали помещать за лопарями, на самом крайнем севере и, наконец, в Гренландии (Павел Иовий, 1525; Olaus Magnus, 1567)¹.

Что касается самоедов, то они в прежнее время представлялись часто тоже карликами, как то доказывают изображения их у старинных путешественников, например у Мартиньера.

В действительности самоеды хотя и не карлики, но все-таки малорослы. Средний рост 17 взрослых мезенских самоедов был найден Н.Ю. Зографом равным 159 сантиметрам, т. е. ниже среднего. Юраки, по Третьякову, также «более низкого, чем среднего роста», и притом ниже самоедов, хотя и лучше сложены.

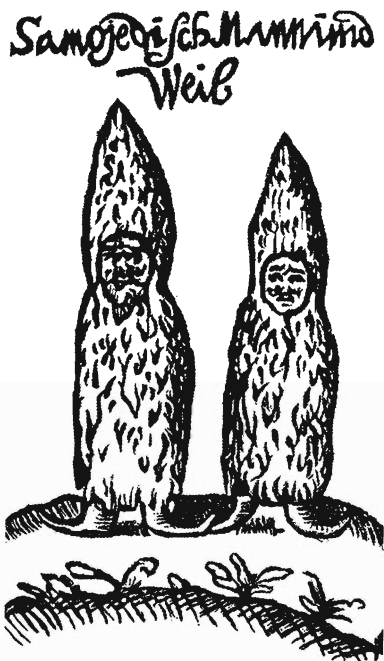
Что касается «плосковидности» самоедов, то она хорошо известна. Большинство самоедов выказывает монгольские черты лица, т. е. широкие, выдающиеся скулы, плоское (не вогнутое) переносье и малый нос, что и делает их лицо более плоским, чем европейское. «Резвость», т. е. проворство движений, точно так же приписывалась издавна как лопарям, так и самоедам, а равно и искусство стрелять быстро и ловко из лука. Наконец, езда на оленях и на собаках и употребление соболиного и оленьего платья — черты, характерные для северных инородцев. Собственно самоедский способ езды — на оленях, а езду на собаках ввели, по-ви-

¹ Пигмеи помещались классическими писателями в тропических странах Африки и Индии; но в Средние века их стали искать в Средней Азии, на границах Китая (Каталонская карта, 1375), а арабы отождествляли их с Магогом (Маджудж) и помещали где-то севернее, в пустыне. Предания о карликах приведены у Гримма, Нильсона и Кастрена.

Петрей (1 с., с. 89) рассказывает, что по ту сторону Гиперборейских гор (Урала), по словам ходивших туда русских, живут *пигмеи*, ростом не выше трехлетнего мальчика. Они по природе очень боязливы и говорят особым языком, не понятным ни для кого.

димому, остяки, но оба способа были с давних пор в употреблении на севере. Так, в походе 1499 года русские встретили югорских князей на оленях, и сами от Ляпина шли: «воеводы на оленях, а рать на собаках». Что касается до соболей, то страна молгонзеев была первоначально очень богата ими. Это явствует, между прочим, и из того, что одна река, впадающая в море между Обью и Енисеем, была названа «Собольною», как то можно видеть на Сибирском Чертеже Ремезова, где, кроме того, в разных местах показаны соболи и песцы.

В Туруханском крае, по словам Третьякова, «соболя еще в 1812—1818 годах было столь много, что жители не раз видали его во дворах и били палками; тогда добывалось этого зверя от 6 до 9 тысяч штук в год. Одни тунгусы и остяки вывозили из окрестностей Нижней Тунгуски до 4 тысяч соболей. Многие тунгусы имели соболи парки». Но с 1818 года соболь начал исчезать. В начале 70-х годов Третьяков определял годовой промысел (в Туруханском крае) в 180 соболей. Другие животные, водившиеся в этом же крае, дали повод к названиям: река Моржовка, река Китовка, Соколы Луды, Медвежий Нос.

Старинное изображение самоедов

* * *

Первое известие сказания оказывается, следовательно, верным или правдоподобным как в общем, так и в частности. Нельзя, по-видимому, сказать того же о втором известии, о «линной самоеди».

Линная самоедь

«В той же стране — иная самоедь такова же: линная словет. Лете месяц живут в море, а на сусе не живут того ради, занеже тело на них трескается. И они тот месяц в воде лежат, а на берег не смеют вылести». Дело идет о той же стране и даже как будто о той же самоеди, но она отличается как «линная», т. е. подверженная линьке, смене кожи, которая на них трескается,

вследствие чего они это время «живут в море». Можно подумать, что в данном случае имелись в виду не люди, а какие-нибудь морские животные вроде тюленей или моржей. Смешение морских животных с людьми вовсе не такая невероятная вещь; ему обязаны своим возникновением многочисленные мифы о сиренах, nereидах, Мелузине, «морских людях» и т. д., бывшие распространенными не только в древние и сред-

ние века, но даже еще в XVIII столетии. Большинство этих чудовищ приурочивалось, правда, к тропическим морям, но некоторые помещались и в северных. У Плана Карпини встречается известие, что татары во время своих походов встретили за самогетами, в стране у океана, каких-то чудовищ, которые имели во всем человеческий вид, только ноги у них были бычьи, а лица собачьи (см. рисунок); два слова произносили они по-человечьи, а третье лаяли как собаки, и таким образом, вставляя по временам лай, но возвращаясь затем к своей природе, они позволяли себя понять».

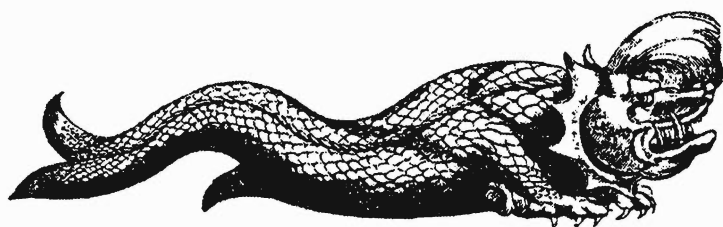
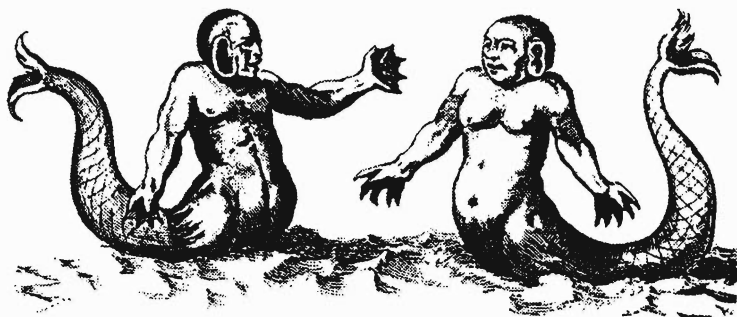
* * *

Лютер рассказывает об одной «морской девице», очень красивой, которая, будучи поймана, прижила с одним матросом ребенка, но затем, когда корабль пришел снова на то место, где она была поймана, бросилась с ребенком в воду и исчезла.

От 1618 года сохранилось известие, что в Ютландии был пойман «Seemannchen» около 40 лет, с большой черной бородой, который, полежав некоторое время на соломе, отправился в церковь и молился там, а затем исчез в лесу.

У Baring-Gould приведена любопытная переписка по поводу рисунка одной рыбы, пойманной будто бы около Молуккских островов, помещенного в сочинении *Fallours, Poissons, ecrevisses et crabes extraordinaires, que l'on trouve autour des Isles Moluquesn, Amst. 1717*. Рыба эта, названная *See-wyf* (морская женщина), представляет род сирены, с головою, руками и туловищем женщины и с большим рыбьим хвостом.

Рисунок этот еще до выхода книги был показан издателем ее, Ренаром (Renard), «царю Московии» (Петру), который заинтересовался рисунком и пожелал узнать подробности. Ренар обратился с письмом по это-

му поводу к пастору Валентину, жившему 30 лет в Ост-Индских колониях Голландии. Тот, не имея возможности сообщить что-либо о данном рисунке, доставил, однако, сведения о других подобных сиренообразных людях, виденных в индийских морях и в существовании которых он нисколько не сомневался.

На карте Олая Великого (1567) в морях, омывающих Норвегию и Англию, также представлены разные чудовища — то с большими зубами, топящие корабли, то с лошадиной головой, с телом змеи, с рогом на лбу и т. д. Герберштейн, со слов какого-то русского дорожника, упоминает о водящейся в реке Тахнин, где-то к северу от Лукоморья, рыбе с головой, глазом, носом, ртом, руками, ногами и пр., по виду совершенном человеке, но без голоса. Сомнительно, однако,

чтобы составитель разбираемого нами сказания смешивал в данном случае людей с морскими зверями¹.

Описываемые же в «сказании» люди представляются «такою же» самоедью, которая живет в море только летом, с месяц, а остальное время проводит «на суше». Естественнее предположить, что данное известие основано на неверно понятом рассказе о летних перекочевках самоедов. Известно, что самоеды, проводя большую часть года в лесной области, где не так холодно, меньше метелей и более зверя для охоты, перекочевывают летом на север, в тундру, спасаясь от комаров и занимаясь отчасти промыслом на морского зверя и рыбу. «Нельзя себе представить, — говорит Иславин, — того множества комаров, которое бывает в летнее время в тундре, в особенности в лесистой ее части... Комары и овода так беспокоят оленей, что стада их с криком бегают вокруг чумов и вскоре превращают моховые места в грязь; в предупреждение этого на лето отгоняют стада к морю: ибо чем далее от лесов, тем становится прохладнее и начинают малопомалу исчезать несносные комары и оводы...» «Весною самоедские роды (в Архангельской губернии, Пустозерские и Устьцылемские) выходят из лесов к рекам Воркоте, Сиоиде и Хузьмору; к июню и июлю приближаются к рекам Каре и Коротаихе, а племя Яутыссии для рыболовства и промысла морских зверей переходят даже на остров Вайгач; в августе и сентябре занимаются рыболовством при озерах Балбанском и Песьем и охотою на песцов, в особенности по хребту Ногосоты; к зиме возвращаются в леса». Подобным же образом поступают обдорские самоеды. По

¹ Лерберг видел в этих чудовищах моржей. Петрей приводит слухи, что около страны Лукоморья живут разные зверообразные люди: некоторые из них имеют головы «как у собак или волков».

Кушелевскому, они «летом бродят вблизи моря, на полуострове Ялмал и т. д.; с приближением осени, в сентябре месяце, подходят со своими стадами к южным частям Обской и Тазовской губы и реке Оби, и, как только станет лед в сентябре, тотчас переходят на противоположный берег, где уже находятся небольшие перелески, и чем сильнее делается мороз, тем скорее стараются попасть в густые леса и среди них распространяют свои кочевья все южнее и южнее до пределов Сургутского участка».

Откочевывая на север и доходя до моря, некоторые самоедские роды занимаются в течение месяца или двух рыболовством и боем морских зверей. «Морской зверь, — говорит Иславин, — требует большой осторожности и терпения со стороны промышленника: проходят иногда целые дни, что не покажется на поверхности воды ни одной тюленьей головки, и тогда самоед, лежа в лодке или просто на морском берегу и вооружившись терпением и винтовкой, выжидает давно желанной добычи, зная, что она, наконец, должна же явиться...» Ловля рыбы также сопряжена с немалыми трудами, и Кушелевский говорит, что, отрабатывая свои долги русским промышленникам, самоеды иногда по целым дням, «какая бы ни была погода, бродят по пазуху в воде по салмам» (ямам или старицам на мелях Обской губы). Этими откочевками к морю (даже иногда переходом через море на остров Вайгач) для занятия там рыболовством и боем морских зверей, вероятно, и объясняется известие о самоеди, живущей целый месяц в море»; толкование же такого обычая тем, что «занеже тело на них трескается», вызвано, может быть, непонятыми рассказами о страшных комарах и оводах, кусающих до крови людей и оленей. Заметим еще, что в сухом климате полярных стран, в

котором табак рассыпается в мелкую пыль и в котором летом действие лучистой теплоты солнца проявляется иногда весьма резко, солнце способно значительно жечь и вызывать даже трещины кожи.

Мохнатая самоедь

Третье известие касается людей, мохнатых в нижней половине тела. «В той стране есть иная самоедь: по пуп люди мохнаты до долу, а от пупа вверх яко же и прочии человеци. А еда их рыбы и мясо, а торг их соболи, и песцы, и пыжи, и олении кожи».

Мохнатость или волосистость в данном случае едва ли может относиться к телу, которое у северных народов всегда прикрыто, а по всей вероятности — к одежде, так что под выражением «по пуп мохнаты до долу» надо разуметь — одетые в костюм, нижняя половина которого сделана из длинношерстных шкур, волосами кверху. Известно, что северные народы пользуются для одежд звериными (оленьими и др.) шкурами, которые носятся часто шерстью вверх. Но обыкновенно шкурки эти (например, олени, беличьи и др.) с коротким волосом, не произ-

*Женский самоедский костюм
сзади. С рисунка Норденшильда*

водящим впечатления мохнатости, и только некоторые части одежды обшиваются длинным мехом.

Мохнатость от пупа до долу могла быть вызвана ношением штанов из длинного, косматого меха, но это мало вероятно, так как самоеды и другие северные инородцы Сибири не носят коротких курток, как эскимосы, а надевают обыкновенно длинную одежду, малицу, покрывающую штаны, а отчасти даже и пимы (меховые сапоги). Более вероятно, что мохнатость относится именно к этой длинной одежде, к нижней половине ее, обшивавшейся длинным мехом. Еще и в настоящее время малица обшивается обыкновенно кругом подола широкою полосою собачьей шкуры с длинными волосами (у обдорских самоедов — так называемой кундой, длинношерстой, вроде бахромы), у женщин даже двумя или тремя полосами, одна над другой, а прежде, по словам стариков (как передавал мне Н. Л. Гондатти), полосы эти доходили почти до пояса. Возможно, что какое-нибудь племя или род особенно отличались волосистой обшивкой нижних половин своих малиц (из собачьего или иного меха), так что эта особенность костюма вызвала соответственное прозвище племени у его соседей и вообще стала отличительною чертою его внешности по отношению к другим родственным народностям, а этого было достаточно для того, чтобы сведение о нем могло дойти до русских и выразиться в соответственной, хотя и не вполне точной и ясной, характеристике его¹.

¹ Енисейские тунгусы обшивают свои шубы по подолу бахромою из шкур горного барана «майгукон». Эта длинная бахрома явственно видна на тунгусских костюмах. См., например, изображение тунгусов в «Описании» Георги или у Pauly, «Les peuples de la Russie».

Любопытно, что Герберштейн, со слов русского дорожника, тоже приводит известие о людях на севере Сибири, у которых все

Самоеды со ртами на темени

Четвертое известие сказания уже кажется менее поддающимся объяснению. «В той же стране — иная самоедь: вверху рты на темени, а не говорят. А образ (видение) в пошлину (по обычаю) человечь. А коли ядят и они крошат мясо или рыбу, да кладут под колпак или под шапку. И как почнут ясти, и они плечима движут вверх и вниз».

Дело идет тоже о самоедах, и притом имеющих вполне человеческий образ, за исключением того, что рот у них на темени и они не говорят. Последнее надо, вероятно, разуметь в том смысле, что у них «язык нем», т. е. что они говорят на непонятном языке. Но каким образом объяснить существование рта на темени? Очевидно, не чем иным, как тоже особенностью костюма. Известно, что одежда самоедов шьется вроде мешка с отверстием вверху для просовывания головы и с рукавами, к которым пришиты рукавицы. К отверстию пришивается обыкновенно «триушок» (треух), род башлыка для покрытия головы, причем этот триушок на верхней одежде, парке, делается иногда из кожи головы оленя с ушами. У юраков отверстие малицы, в которое с трудом пролезает голова, имеет воротник, а

тело поросло волосами. Н. Л. Гондатти записал у манси предание, что бог Нуми, задумав создать людей, сделал сперва из лиственницы два бревна и оживил их; явились мэнквы, лещие. Увидел Нуми, что сделал нехорошо, и стал вторично создавать людей — из лиственничной сердцевины. Эти первые люди были совершенно подобны теперешним, только *мохнатые*. Они поели запрещенных ягод (голубики) и оттого потеряли свои волосы и стали голыми. Бог рассердился, дунул на них, и они рассыпались. После того Нуми создал родоначальников теперешних людей — из тальника, обмазанного глиною. Что касается до перечисленных сортов товара, то все они известны и в настоящее время. Пыжами называют шкурки с маленьких оленят.

у верхнего платья, сокуя, к отверстию пришта меховая шапка, плотно охватывающая голову. В том случае, когда воротник кругом охватывает шею и стоячий, так что закрывает рот и даже часть носа, есть в таком костюме не совсем удобно, и надо или отгибать воротник или поднимать рот кверху, чтобы класть в него пищу. Может быть, подобный костюм с жестким воротником, заставлявшим по необходимости загибать при еде голову назад и класть пищу в рот сверху, составлял особенную принадлежность одного какого-нибудь племени или рода, известие о котором, неверно понятое, и послужило поводом к возникновению кажущегося невероятным рассказа¹.

Впадающие в зимнюю спячку

Следующее известие сказания представляется еще более баснословным. «В той же стране есть иная самоедь, яко же и прочие человеци. Но зимой умирают на два месяца. Умирают же тако: как где которого застанет в том месяце, тот там и сядет, а у него из носа вода изойдет, как от потока, да примерзнет к земле; и кто человек иные земли неведанием поток тот отразит у

¹ Иславин, описывая еду самоедов, говорит, что они «берут куски сырого оленьего мяса, обмакивают их в горячую кровь и около самого рта вверх к носу отрезают куски ножом». (При этом, очевидно, рот должен быть поднят кверху, иначе кровь будет стекать мимо.) Гондатти записал предание манси о мэнквах, леших, которые отличаются большим ростом, острою головою и тем, что у них между грудью и шеей воткнут гвоздь, подпирающий голову, так что они не могут смотреть вниз, а только вперед или вверх. Такие существа, если они едят, должны, конечно, класть пищу в рот сверху. В «Сказании об Индийском царстве» упоминаются, впрочем, также «иные люди вверх рты их». См. «Летописи русской литературы». Изд. Тихонравова, 1859. Кн. IV. С. 101.

него и сопхнет с места, и он умрет, то уже не оживет, а не сопхнет с места, то оживет, и познает и речет ему, о чем мя еси друже поуродовал. А иные оживают, как солнце на место вернется; тако на всякий год оживают и умирают».

Дело идет о людях, умирающих или засыпающих на зиму или на два месяца. Рассказы о подобных людях были распространены, по-видимому, с давних пор. Уже Геродот говорит о счастливых гиперборейцах, живущих в стране, где полгода царствует ночь. В России рассказы о временно умирающих людях на севере известны в нескольких вариантах от XVI и XVII веков. Герберштейн приводит один из них, заимствованный из какого-то русского дорожника. «Сказывают, — говорит он, — что с людьми Лукоморья (по ту сторону Оби, в горах) происходит нечто удивительное и невероятное, весьма похожее на басню: по слухам, они каждый год умирают, именно 27 ноября, когда у русских празднуется память святого Георгия, и потом оживают, как лягушки, на следующую весну, большею частью около 24 апреля». Подобные же рассказы встречаются в русских космографиях XVII века. Попов напечатал один из них, помещенный в статье «О Сибирском царстве», в сокращенной «Космографии», по списку хронографа 1696 года. Космография эта «переведена с римского языка», но в ней имеются вставки переводчика, к числу которых относится и вставка о Сибири. Между прочим, в статье говорится: «В зимнее же время в странах Сибирской земли во многих местах мраза ради и тяжких воздухов никто же обитати и жительствовати может в то время, но бывают пусты и бесчеловечны. Глаголют же нецыи, яко за тою рекою Обью великою под самой север есть человеци дикие безгласни, точию рычат и шипят, зимою же, егда мразы настанут, человецы же (те) пускают от ноздрей

своих сморг или соплю, и егда сии замерзнут, тогда стоят ови яко о древесях, к весне же сия сопля расстаивают, человецы же паки оживают, егда же кто сих соплю преложит, таковые уже не оживают, но не вем о сих аще истинна суть». В конце XVII века такие рассказы возбуждали, следовательно, уже сомнения, тем не менее все-таки по старой памяти приводились в описаниях Сибирской земли. Что рассказы о сибирской стуже могли вызвать преувеличенные представления о ее влиянии на человека, это не удивительно, в особенности если принять в соображение, что на далеком севере зима сопровождается еще ночью, продолжающеюся, смотря по географической широте, от нескольких дней до нескольких месяцев. Уже Олеарий, путешественник первой половины XVII века, пытался объяснить басню о северных жителях, умирающих на зиму, особенностями их жизни, именно тем, что зимою, во время долго продолжающихся сумерек и ночи, они скрываются будто бы в своих «низких, на половину скрытых в земле, но сверху округленных и заостренных жилищах», которые заносятся тогда настолько снегом, вышиною в рост двух человек и более, что нельзя ни войти, ни выйти. Самоеды сидят тогда в своих жилищах, освещая их рыбьим жиром, а для сообщения между собою они проделывают под снегом ходы от одного жилища до другого. Толкование это, интересное как одна из первых попыток объяснить реальными фактами баснословное известие, не может, конечно, считаться удовлетворительным, во-первых, потому, что подобное прокапывание ходов под снегом не практикуется (притом трудноисполнимо, да и снегу за Уралом выпадает меньше, чем в Европейской России), а во-вторых, потому, что оно совершенно не объясняет другие подробности рассказа, в котором говорится о людях, засыпающих или умирающих на по-

верхности земли «как где которого застанет» и кои (по объяснению русского космографа XVII века) «стоят яко о древесях». Можно полагать скорее, что возникновение такого представления было вызвано видом человекообразных идолов, которые, по многим старинным известиям, существовали в Самоедской земле. Первое известие о таких идолах мы встречаем у польского писателя Матвея Меховского (1517), который (в своем сочинении о Сарматиях) говорит, что за Вятской землей, в Скифии, находится большой идол Золотая Баба, в виде старухи, которая при вопрошании ее издает звуки и которой поклоняются окрестные народы, принося ей в жертву меха убиваемых ими зверей.

Позже эта же Золотая Баба является на карте Антония Вида (Wied, издание 1555 года), но составленной между 1537 и 1544 годами, именно в стране *Abdori*, в виде статуи женщины, с ребенком на руках, перед которой изображены молящиеся и приносящие ей в жертву звериные шкуры четыре дикаря. Далее ту же Золотую Бабу мы находим на карте Герберштейна (1549), где она помещена около устья Оби и представлена в виде женской фигуры, в парадном (западном) костюме того времени, с копьем в руке, хотя в тексте приводится рассказ (подвергаемый, впрочем, сомне-

Часть карты Антония Вида

нию), что эта золотая старуха изображена с ребенком, и даже с двумя, одним побольше, которого считают ее сыном, и другим, младенцем, ее внуком. Такое изображение Золотой Бабы, с двумя детьми, отроком и младенцем, и с двумя стоящими перед ней на коленях людьми, находится на карте Дженкинсона (1562), где оно помещено между «Joughoria» и «Molgomzaia», причем в надписи к этому месту пояснено, что баба эта — старуха, и почитается обдорьянами и югричами, которые обращаются к ней через посредство жреца за советами, как к оракулу. Более подробные сведения о Золотой Бабе приведены у Александра Гваньини (1580) и Петрея де Эрлезунда (1620). Гваньини рассказывает, что баба эта, с двумя детьми, высечена из камня, что

Часть карты Герберштейна, изданной в 1556 г., с изображением Урала и реки Оби, вытекающей из Kithay lacus. Между Уралом и Обью, на севере, показана Slata Baba, в западноевропейском костюме богатой дамы с копьем в руке

ей поклоняются обдоряне, югричи, вогуличи и другие соседние народы, которые приносят ей соболиные и другие меха, а также жертвуют отборных оленей, причем мажут ей кровью лицо и другие части тела. Петрей сообщает, что Золотая Баба имела внутри пустоту, что она стояла на берегу Оби и что она издавала звук вроде трубного, когда жрецы совершали

перед ней моления, что ей приносили в жертву черных соболей и куниц, а также убивали диких зверей и мазали кровью их ее рот и глаза. Жрецы спрашивали ее о будущем, и она давала ответы, подобно Дельфийскому оракулу. Но уже Флетчер признает весь этот рассказ о Золотой Бабе баснею, хотя замечает, что в Обдории, на берегу моря, близ устья Оби, есть одна скала, которая (при определенной помощи воображения) может казаться имеющею вид женщины в лохмотьях, с ребенком на руках, как одна скала у Нордкапа — форму Фрей. Место это, продолжает Флетчер, часто посещается обдорскими самоедами из-за удобств рыбной ловли, причем они (по их обычаю) производят здесь иногда свои колдовства и гадания — о перекочевках, удачной охоте или рыбной ловле и тому подобном.

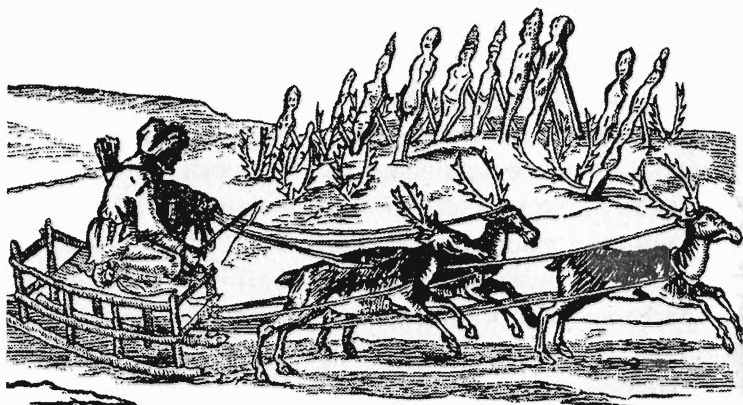
О существовании таких священных скал у самоедов говорят и новейшие исследователи; так, Иславин упоминает о камне *Неве-хэге* (т. е. «мать истуканов») и *Ню-хэге* («сын-истукан»), маленький утес, оба на Вайгаче, о *Минисее* — возвышении у Уральского хребта и др. Он же записал предание, что на Вайгаче до пришествия самоедов ничего не было, но что вскоре потом явился на берегу моря утес, который все более и более рос и наконец образовался наподобие человека. Пораженные таким чудом, самоеды стали верить в его содействие при болезнях и промыслах и приносить ему в жертву оленей. Герберштейн, со слов русского посла Гр. Истома, сообщает о священных утесах на берегах Лапландии, которым проезжавшие мимо них моряки считали обязанностью принести некоторую жертву (щепотку муки и т. п.). Что касается человекообразных идолов, то мы встречаем описания о них у нескольких иностранных путешественников XVII века, которые не упоминают, правда, о Золотой Бабе, но гово-

рят о многих деревянных идолах, служивших предметом поклонения и лица которых вымазывались кровью. Самое раннее известие имеем мы, кажется, в отчете об экспедиции к устью Оби Ст. Борро, (Burgough). 1556 года. «3-го августа, пишет он, высадились мы с Лошаком (Loshak, какой-то русский промышленник, встретившийся в море с английским судном и оказавший содействие экспедиции своими указаниями) на один остров (по-видимому, один из небольших островов около Вайгача), где Лошак показал мне кучу самодских идолов, числом около 300. Они были самой грубой и плохой работы; у многих глаза и рот были вымазаны кровью. Они представляли мужчин, женщин и детей, и то, что у них было выделано из других частей тела, также было вымазано кровью. Некоторые идолы имели вид просто палок или кольев, с двумя-тремя нарезками на них, сделанными ножом... Здесь валялись также сломанные сани и оленья шкура, исклеванная птицами. Перед некоторыми идолами стояли деревянные обрубки, достигавшие высоты их рта и все в крови; я полагаю, что это были жертвенники, на которых приносились жертвы¹.

¹ В пользу возможности существования Золотой Бабы, т. е. идола с позолоченным лицом или с какими-нибудь золотыми украшениями, говорит тот факт, что уже древние норвежские саги упоминают о богатстве Биармии золотом и о существовании там богато украшенного идола Юмалы. Позже у русских Закамская сторона славилась своим серебром, которое было, по-видимому, не местное, а привозное. Так можно заключать, во-первых, по малой культуре Приуральских инородцев, которые едва ли могли искусно обделывать металлы, а во-вторых — по находкам в Приуральском крае многих серебряных изделий (особенно — блюд восточного происхождения и Сасанидской эпохи). Эти блюда, вероятно, приобретались в обмен на ценные меха и служили для религиозных целей, судя по тому, что еще недавно в отдаленных местах в особых сараях, посвященных главным богам, хранились у

Я видел также прибор, на котором жарили мясо, и, насколько я мог понять, огонь разводился прямо под вертелом». Норденшильд приводит копию с одной старинной голландской гравюры, изображающей самоеда, едущего в запряженных оленями нартах мимо десятков идолов, поставленных на пригорке и представляющих грубое подобие человека. Мартиньер, путешествовавший к северным берегам России в 1647 году, рассказывает, что на Новой Земле (по-видимому — Вайгач) он видел «обрубленные древесные стволы, на которых грубым рельефом была выделана фигура человека и перед которыми преклонялись дикари». В описании его путешествия приведено изображение такого идола с двумя молящимися перед ним дикарями, а в тексте прибавлено еще, что, по словам русских, в идолов этих входит дьявол и произносит свои предсказания.

остяков десятки пудов старого серебра в изделиях, причем запасами этими можно было в крайних случаях пользоваться заимобразно. Подобные серебряные изделия для той же цели приобретаются инородцами иногда и теперь от русских. По словам Кушелевского, «были случаи, что русские промышленники, из корыстных своих видов, нарочно заказывали для идолов серебряные короны и, привозя их в Обдорск, тайно продавали инородцам за большие деньги». По его же словам, на реке Большой Хоров, впадающей в реку Обь, находится идол Ортик; у него человеческая голова с металлическим лицом. При живых жертвах у идола ставятся маленькие металлические тарелочки в $\frac{1}{2}$ вершка в диаметре и на эти тарелочки наливают кровь из сердца того животного, которое было обречено ими в жертву. По словам Гондатти, тарелочки эти бывают серебряные и употребляются еще и для другой цели, именно ставятся перед жилищем во время призывания ночью шаманом «Мир-сусне-хума» (Бога, заведующего людьми, младшего сына главного Бога «Нума торума») для того, чтобы конь этого бога мог стоять не на голой земле или снегу. Приобретаются эти тарелочки большею частью так же от русских, например тарелочки, употребляемые для просфор.

Самоед, едущий на оленях мимо священного места, уставленного деревянными идолами и оленьими рогами. Со старинной голландской гравюры, приведенной в «Путешествии» Норденшильда

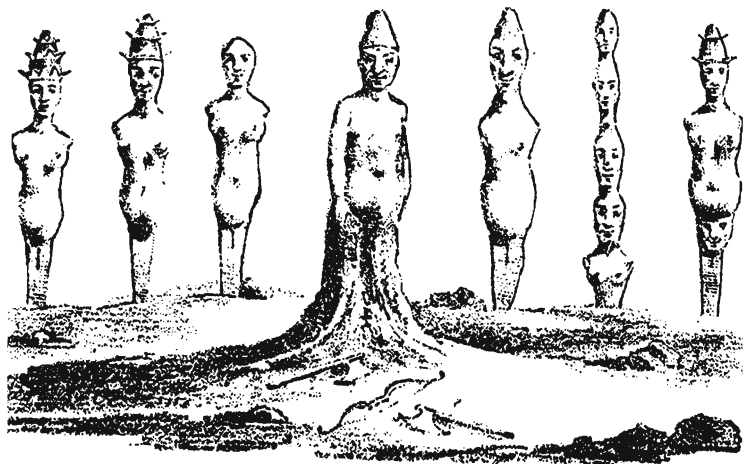
Из русских писателей едва ли не наиболее ранние известия об идолах приобских инородцев мы находим у Новицкого, составившего в 1715 году «Краткое описание о народе Остяцком». Он говорит, что остяки обвивают своих идолов холстом, сукном, шкурами, отчего идолы эти «только сими странными рубищы утолстевают, яко в пятидесяти аршин толщиною бывають; древа же самого иссеченного не вяще поларшина; весь же расшырен искони приношением тех утварей, ими же повивають». Новицкий сам видел многих остяцких идолов, помогая преосвященнику Филофею в их истреблении и в крещении инородцев. «Так, — говорит он, — обретохом в Шоркоровских юртах кумира единого; в среде поленце от пятдесят лет прикладными обвитое сукнами, а на веру с жести изваянная личина, мало что бяше подобие человека».

Подобные же идолы, одетые в сукно или «холстины» из шелковой материи или из парчи с позументом, встречаются, по словам Кушелевского, «еще и теперь у обдорских самоедов, а равно местами и у остяков».

Раз, говорит он, случилось мне видеть у остяков в Эндерских юртах идола, одетого в старый заседательский мундир и при шпаге. Все приклады идола надеваются на него так, чтобы он не терял человеческой фигуры, и оттого идолы эти год от года становятся толще». «В Шорковых юртах, — по словам Новицкого, — бе кумир изсечен от древа на подобие человеке, сребрен, имеющ лице: сей действием сатаниным проглагола бездушный и предвозвести надходящее себе близ разорение от десницы проповедника и учителя, моляше ревнителй и служителей своих, дабы восхотели поревновать древнему отцу своих зловерию и крепко противостать проповеди». Из этого известия можно заключить, что у остяков были идолы, которые говорили, вроде того, как это передавалось ранее о Золотой Бабе. Близ Пелыма, читаем еще у Новицкого, «бе кумирня, в ней же обретохом пять идолов деревянных, в подобие человеческое изсеченных, обложении рублищами»; перед ними «особь пред каждым в сосудех берестеных кости положены»¹.

¹ «Краткое описание о народе Остяцком», соч. Гр. Новицким в 1715 году (Изд. Майков, Спб., 1884): «Старик Обский, — говорится здесь, — имеюще скверное свое хранилище на усть Иртыша недалеко Самарова града. Бысть же сей по их зловерию бог рыб, изображен безстудне: дска некая, нос аки труба жестяны, очеса стекляны, роги на главе малые, покрыты различными рублищы, сверх одеян червленою одеждою с золотою грудью. Оружие — лук, стрелы, копие, панцеры и иная около его бяху положенные. На Конде, в Нахрачеевых юртах, был также кумир, «изсечен из древа, одеян одеждою зеленою, злообразное лице белым железом обложено, на главе его лисица черная положена; жилище все, наипаче же седище сего украшенно сукном червлненным; поставлен же высочае прочих; иные же нижеа около предстоят менини кумиры, их же глаголют быти служителей настоящего кумира».

Старик Обдорский — вот что о нем сообщает Иоханн Бернхард Миллер (1716 г.): «Другой шайтан был гусь с распущенными крыльями... Третьего шайтана называли СТАРИК ОБДОРС-

Идолы с острова Вайгач

Остяцкие идолы находились в кумирнях, но у самоедов подобные же идолы стояли под открытым небом. По словам Иславина, кроме домашних болванчиков, у самоедов есть еще один род истуканов, которых они сами отесывают из какого-нибудь деревянного чурбана, наподобие человека, и ставят на возвышенных местах по тундре и в лесах, и также намазывают им губы кровью, их они называют *сядеи*.... Древнейший и знаменитейший самоедский идол находился на острове Вайгач, на большом утесе, и назывался

КИЙ»; он стоял против местечка Самарова и имел два местопребывания... Он был деревянный и имел большой околоченный железом хобот... на голове стояли два маленьких рога, а глаза были из стекла... У него они клали свои панцири, которые обозначали победу, одержанную им над всеми морскими богами... Другие же идолы вовсе не имели никакой фигуры, так как представляли собой толстый длинный чурбан, положенный на землю и украшенный всякого рода лоскутами и тряпьем, а сверху лежал кусок зеркала, который при появлении солнца испускал сияние». (Из путевого журнала Lorentz Langen, 1716.)

Уэсако (старик). Он был седмичный, деревянный, отесан с трех сторон, и в 1827 году сожжен миссионерами и с ним 420 тут же находившихся деревянных истуканов, со множеством привесок, разноцветных суконных лоскутков, ушей от медных котлов, пуговиц и других украшений. Кроме того, сокрушено еще было на Вайгаче 20 каменных идолов. Верстах в 20 от Мезени, в Кузмин-перелеске, миссионеры сожгли также множество деревянных истуканов. У манси, по словам Гондатти, идолы делаются теперь из дерева, из металла и очень редко из кости; «идолы общественные, преимущественно, вырезаются в деревьях, продолжающих еще расти. Нередко идолы эти представляют просто шесты, вбитые в землю и увешанные наверху лоскутками, шкурками, блестящими безделушками и тому подобными предметами. Шесты эти, из которых средний самый высокий, посвящены каким-нибудь богам; кругом валяются кости, остатки трапезы, маленькие лопаточки, которыми едят и т. д.». «У самоедов и юраков, — говорит Третьяков, — в прежние времена делались статуи из лиственницы, стоящей на корне; на верхнем конце вырезывалось подобие человеческого лица, обращенного к западу. Чаще всего ставился простой кол с заостренным верхом и двумя или тремя зарубками; такие статуи у юраков назывались *сядый-и*. Можно думать, что такие и подобные им человекообразные идолы, стоявшие «яко о древесях» или одетые в костюм, и могли, особенно зимою, когда они стояли обледенелые и покрытые снегом, — вызвать представление, что это замерзшие люди, чему могли способствовать и неверно понятые рассказы туземцев, например, что эти идолы — их предки и родичи».

Известно, что многие изображения или даже только грубые подобию людей, как, например, причудливой формы скалы, стоячие камни или столбы камен-

ной соли (на берегу Мертвого моря), подавали повод к возникновению разнообразных легенд, в которых эти естественные продукты неорганической природы выставлялись окаменелыми людьми. Что же касается до возникновения известий о дивных народах на основании слухов об идолах, то можно указать на шестируких людей, живущих будто бы в Индии, средневековое представление о которых, очевидно, возникло на основании непонятых рассказов об индийских многоруких и человекообразных идолах.

До сих пор составитель сказания говорил только о стране и народах в нижней области Оби, прилегающей к Ледовитому морю; следующие известия относятся уже к другим областям, лежащим «вверху Оби, реки великой».

Верх здесь считается, вероятно, от страны Югров, хотя может относиться как к верховьям Оби¹, так и Иртыша, о котором в сказании не упоминается.

Страна Баид

Первое известие об этих областях «вверху Оби» касается какой-то земли Баид (или Байд). «В той же стране, вверху Оби, реки великой, есть земля, Баид именуется. Леса на ней нет, а люди, как и прочие человеци, живут в земле, едят мясо соболье, а иного у них никоторого зверя нет, кроме соболя. А носят платье все соболье, и рукавицы, и ногавицы, а иного платья у них нет, ни товару никоторого. А соболи ж у них черны весьма и велики; шерсть живого соболя по земли во-

¹ Реке Оби придавалась прежде громадная ширина. В Космографии («Изборник» А. Попова, с. 528) говорится, что «Обь — великая река, еже широта от берега до берега шестьдесят верст, а иже и больше».

лочится». В списке Синодальной Библиотеки положение этой страны поясняется еще так: «вверху Оби, реки великой, поперек ее ехать днями летними», что следует понимать, по-видимому, так, что попасть туда можно было только летом, плывя вверх по течению. Люди, описываемые в этом известии, ничем, по-видимому, от прочих людей не отличаются, кроме того, что носят платье из одних соболей, едят соболиное мясо и живут в земле, т. е. в землянках. Страна эта, следовательно, богата соболями, которые отличаются здесь особенною добротою меха, пушистого и черного. Такому богатству соболями противоречит, однако, известие, что в стране нет леса: соболь, как известно, зверь лесной и кормится белкой и другими лесными животными. Очевидно, отсутствие леса надо понимать не в том смысле, чтобы там леса совсем не было, а, вероятно, так, что лес этот отличался от северной сплошной тайги, был смешанным из лиственных и хвойных деревьев и рос в горах. (Или составитель статьи смешал известие о находящихся к югу от югры степях с известием о еще более южной стране Баид.) На горы указывает, по-видимому, и особенная доброта (чернота) водящихся там соболей, так как известно, что лучшие сибирские соболи добываются в горных местах, теперь в Олекмо-Витимском крае, а ранее и на Алтае и Урале. Необыкновенная же длина соболиного меха, волочащегося по земле, была, вероятно, преувеличением, которое могло явиться из стремления оттенить сильнее добротность соболя в описываемой земле.

Но где именно находилась эта земля и к какой части бассейна реки Оби она должна быть приурочена? Единственной опорой в данном случае может служить название страны: Баид. Это название (Baida) встречается на многих старинных картах XVI и XVII веков, как какой-то страны за Обью, на востоке. На карте

Дженкинсона в атласе Ортелия 1573 года именем Баида означена страна (народ), соседняя с Malgomtsai и лежащая за ними (к востоку); далее за нею показаны Colmask. На карте Меркатора 1587 года Baida помещена за рекою Tachnin, на берегу моря, перед меридиональной цепью гор, за которыми означены «Colmask», тоже у самого Ледовитого моря. В «Geographia Blaviana» (1663 год) Baida занимает то же положение, но несколько южнее Molgomzaia, хотя все-таки выше полярного круга; Colmask помещены по-прежнему за меридиональной цепью гор, но еще южнее и уже ниже полярного круга. Наконец, в атласе Сансона, 1683 год, названием Baida отмечены горы, идущие в меридиональном направлении к востоку от страны Malgomzaia, за Енисеем и Пясидой, и именно северная часть этих гор выше полярного круга. Эта меридиональная горная цепь соответствует, очевидно, Имаусу Птолемея, т. е. той меридиональной системе гор, которая, по представлениям Птолемея и других географов, до самого XVIII века делила азиатскую Скифию (северную Азию) на две части, западную и восточную, по сию и по ту сторону Имауса. Все эти указания, однако; по их разноречию и неопределенности не могут уяснить нам точнее местоположение описываемой страны. Видно только, что название Баид (Баида, Baida) пользовалось известностью в XVI—XVII веках и что оно помещалось где-то на востоке, перед калмыками, и соединялось с горами. Заметим еще, что в списке собрания Унковского вместо «Баид» стоит «Бад», а в Строевском — «Саид», но это, по-видимому, описки, так как во всех прочих, и особенно в двух древних, новгородских списках читается явственно: «Баид». Нельзя ли предположить, что это — название тюркского или монгольского племени *Байдалы*, имя предков киргиз. *Байдаулету*, *Беде* — по Sanang Setsen — древнее на-

звание монголов; *Байты* — одно из четырех племен, на которые распадаются западные монголы (дюрбуты, *байты*, уранга (урянхайцы) и торгоуты). В настоящее время байты (по Потанину) граничат с соитами (сойотами) в Прикобдинском Алтае и по хребту Хан-Хухей. Но Потанин приводит сведение, что ранее монголы, двигаясь вдоль южной подошвы монгольского Алтая, дошли до реки Урунгу, затем до озера Балхаш и до реки Тагаса, а отсюда стали подвигаться на север, в степную долину Черного Иртыша и до озера Зайсан, наконец, перешли «щеки» (Колбинский хребет) и распространились в долину Нижнего Иртыша, где в XVII столетии спустились до озера Ямыш и даже ниже. Урянхайцы в XVII веке также появились в наших пределах у Усть-Каменогорска, спускаясь с летонок в вершинах Бухтармы, а буряты доходили по Енисею до Красноярска. Все эти движения относятся, правда, преимущественно к XVII веку, но весьма вероятно, что подобные же движения тюркских племен происходили и ранее, подобно тому, как это было в громадных размерах в XIII веке.

Фишер («Сибирская история», с. 207—208) приводит известие, что в начале XVII века между Обью и Иртышом жили теленгуты (часть киргиз), орда князя Биня (часть калмыков) и чаты. Калмыки показаны уже на карте Вида (первой половины XVI века), где-то между Обью (которая представлена очень короткою) и Каспийским морем. Дженкинсон упоминает о калмыках в отчете о своей поездке в Бухару как о живущих близ Каспийского моря по реке *Уем* (Эмбе). Следует заметить еще, что многие родовые названия монголов встречаются у тюрков и, наоборот, что некоторые из этих разных названий являются в других случаях племенными. Так, в числе родов алтайских калмыков (монголов по типу и называющих себя

Kalmak или Oirot, но говорящих по-тюркски, с примесью многих монгольских слов) встречаются роды: Sart, Kyrgus, Mongul, Sojong и другие, названия которых мы находим и у целых племен или народностей, — сартов, киргизов, сойотов и т. д.

Возможно, поэтому и название «Байды» принадлежало не одним только современным байтам Прикобдинского Алтая, но и какому-либо другому тюркомонгольскому роду или племени, жившему в XV—XVI веках в верхнем течении Оби. Что касается до того, почему страна Баид, помещаемая разбираемой нами статьею вверху Оби, является на иностранных картах XVI—XVII веков в форме Baida, гораздо севернее и к востоку от Оби, за молгонзеями, — об этом мы позволим себе сделать догадку несколько далее.

Безголовые люди

Следующее известие относится к людям «без глав», живущим, очевидно, также в верхнем течении Оби. «В той же стране — иная самоедь: по обычаю человеци, но без глав, рты у них межи плечми, а очи в грудех. А ядь их головы оленьи сырые, и коли им ясти и они головы оленьи взметывают себе в рот на плечи, и на другой день кости измещут из себя туда ж, а не говорят. А стрельба же их трубка железная в руке, а в другой руке стрелка железна, да стрелку ту вкладает в трубку ту, да бьет молотом в стрелку. А товару у них некоторого нет».

Описываются, следовательно, люди, лишенные головы, с лицом на груди, соответствующие древним блеммиям или лемниям, о которых упоминают Страбон и Плиний, а со слов их и многие другие писатели. Обыкновенно эти безголовые народы помещались в тропической Африке; Страбон полагал их за Египтом,

между Нилом и Красным морем, рядом с нубийцами; Плиний — в тех же областях, причем он различал собственно блеммиев со ртом и глазами на груди и другой народ, позади троглодитов, далее к западу, у которого нет шей и глаза находятся на плечах. Те же два баснословных народа упоминаются позже Солином и Исидором Севильским, тогда как Авл Геллий, Помпоний Мела и святой Августин говорят только об одном которм-либо из этих народов.

О блеммиях, как о народе, жившем по Нилу, упоминает и Аммиан Марцеллин, а также Вописк, по словам которого император Проб привел несколько их пленниками в Рим, где их странный вид возбудил большое удивление. Очевидно, что это был какой-то дикий народ в Нубии, и Катрмер (Quatremere), собравший все известия о нем у европейских и арабских писателей, отождествляет его с предками нынешнего нубийского кочевого племени Беджа. В Средние века, однако, область безголовых людей переносится в Азию (Индию); люди с глазами и ртом на груди упоминаются в «Александрии» в числе чудовищ, которых победил Александр Македонский, и в числе дивных людей, подвластных пресвитеру Иоанну. Впрочем, африканские их родичи тоже не забываются: в средневековом трактате «De Monstris et Belluis», Асерхали помещаются на острове реки Бриксона, в которой Валькенер и другие комментаторы видели одну из рек Абиссинии, Марерб или Такацэ, образующую большую луку (ост-

Безголовый.

Рисунок Хульзиуса, 1559 год

«Дивьи люди»

ров), поросшую тропическим лесом. В «Луцидариях» безголовые снова переводятся в Индию; в русском переводе «Луцидарий» читаем: «Там же (во Индии) есть люди сотворени утворию (?), не имеют глав у себя, им же стоят очи в плечах, и вместо уст и носа имеют две дыры на персах»¹

¹ См. *Луцидарий* в «Летописях русской литературы». Изд. Тихонравова, 1859. Ч. I. С. 48.

Подобное же известие встречается и в «Книге Природы» Конрада фон Мегенберга, XV века, с тем только различием, что этим безголовым приписывается еще густой жесткий мех, как зверям, а также и в позднейших космографиях, в путешествии Мандевилля и др. На миниатюрах некоторых рукописей и на политипажках многих печатных книг (Луцидарий, Космографий и др.) можно видеть изображения таких безголовых людей; в западных рукописях они представлены, обыкновенно, нагими, без голов и шеи, с носом (довольно большим), ртом и глазами на груди, тогда как в некоторых русских рукописях они изображаются как бы с отрубленную головой, но с шеей, со ртом на груди и с глазами на плечах или даже на локтях. Все эти известия относятся, однако, к безголовым людям тропических стран, между тем наше сказание помещает их на севере, в верхнем течении Оби. Здесь же, на Оби, хотя, по-видимому, выше к северу, помещал этих людей и тот русский дорожник, из которого приводит сведения Герберштейн и в котором рядом с людьми, не имеющими ног, а только длинные руки, или с собачьими головами, упоминаются и такие, у которых «совершенно нет шеи и на месте головы — грудь».

В библиотеке Общества любителей древней письменности я видел рукопись (князя Вяземского, № 188), в которой описаны, между прочим, разные дивные люди, в том числе и такие, которые «без глав, а на грудех зубы, а на локтех очи». При этом приложено соответственное изображение таких людей с губами на груди и с глазами на локтях.

По-видимому, эти безголовые не имеют ничего общего с древними блеммиями и им подобными, а представляют самобытный продукт фантазии русских людей, основанный на преувеличенных или неверно понятых рассказах. Заметим прежде всего, что как ранее

Копия с рисунка Олеария, изображающая самоедов, и, между прочим, одного с наброшенной на голову одеждой, для объяснения того, как могло возникнуть представление о людях с лицом на груди

все известные сказания относились к самоедским племенам в нижнем течении Оби, так теперь они имеют, по-видимому, в виду племена, жившие к югу от югры, в верхнем течении Оби. Из этих племен упомянутое выше племя (страну) Баид мы признали тюркским или монгольским; вероятно, что и рассматриваемое теперь следует приурочить к той же группе. Но каким образом племя это могло быть охарактеризовано, как безголов и с лицом на груди? Олеарий думал найти объяснение тому в costume и в способе его ношения; в описании его путешествия приложен даже рисунок, на котором изображен «самоед» с наброшенной на голову одеждой, так что лицо приходится как бы на груди. Тейлор указал на другие поводы, которые могли вызвать появление мифа о безголовых; он приводит, меж-

ду прочим, метафорическое выражение одного туркмена: «мы народ без головы», которое, будучи понято в прямом смысле, могло бы в древнее время, переходя из уст в уста, вызвать представление о действительной безголовости.

Возможно, однако, что представление о людях, имеющих лицо на груди, с дырами вместо рта и носа, в приложении к народам Внутренней Азии явилось как крайнее преувеличение особенностей монгольского типа. Припомним, в каких преувеличенных выражениях был охарактеризован тип гуннов, например Аммианом Марцеллином: «коренастые, без шеи, с большой головой, с плоским, еле обозначенным лицом, они напоминали грубые статуи, поставляемые на мостах». Вениамин Тудельский в XII веке называет монголов «безносыми», у них, говорит он, нет носов, и они дышат двумя маленькими отверстиями. Возможно, что отчасти и костюм содействовал такому представлению. У туркмен или тибетского племени далда женщины, например, носят такой колоссальный четырехугольный (в ширину плеч) головной убор, что лицо кажется как бы помещенным на груди. Наконец, возможно, что указанное представление было вызвано еще непонятыми рассказами о лице на груди, но не о настоящем лице, а о нарисованном. На рисунках некоторых сибирских инородцев можно видеть костюм мехом внутрь, на грудной части которого изображен круг или колесо, или даже грубое изображение человеческого лица. Если такой костюм был характерным преимущественно для известного племени, то он мог вызвать соответственное прозвище последнего, вроде «с лицом на груди», а этого было достаточно, чтобы путем перевода на русский язык сложилось представление о действительно безголовом народе.

О месте жительства этого народа мы можем толь-

ко делать догадки. В описании его говорится, что «ядь их головы оленьи», но далее замечается, что «товару у них некоторого нет». Так как оленьи шкуры и пыжи ранее считались товаром, то, следовательно, у данного народа не было оленей; но этому противоречит указание, что олени доставляли ему пищу. По-видимому, надо понимать так, что северного домашнего оленя, шкуры которого составляли предмет торговли, у них не было, а водился какой-то другой, дикий олень, доставлявший мясо. Действительно, в Южной Сибири, в Алтае, водится так называемый марал, разновидность благородного оленя, мясо которого идет в пищу, но шкура не имеет ценности; по-видимому, речь и идет именно об этом олене. Любопытно, что упоминается только об оленьих головах, а не вообще о мясе оленя. У современных маралов голова действительно представляет самую ценную часть тела, именно находящаяся на ней рога, которые в свежем состоянии, т. е. покрытые еще кожей, идут в большом числе и за дорогую цену в Китай, где употребляются на лекарство. Для торговли этим продуктом русские крестьяне в Алтае занимаются теперь даже искусственным разведением маралов, так как промысел этот приносит большие выгоды. В прежнее же время пользовались исключительно дикими оленями, и, по всей вероятности, промысел этот старинный; известно, что китайцы весьма консервативны и медицина их руководствуется методами и средствами, бывшими в ходу еще за много веков до нас. Но в приведенном известии едва ли еще можно видеть хотя бы смутный намек на этот промысел; скорее можно предполагать какой-нибудь обычай «взметывания» на голову оленьей головы или оленьих рогов. У Третьякова приведено одно самоедское предание, как во время празднования так называемого «чистого чума» появился злой дух в образе челове-

ка, но с оленьими рогами на голове, результатом чего была смерть половины рода от какой-то повальной болезни. Ношение на голове оленьих рогов практиковалось тунгусскими шаманами; они надевали во время камлания оловянную или железную шапку с прикрепленными к ней рогами. При лечении больных шаманы, по описанию Третьякова, обыкновенно убивают оленя, выковыривают и проглатывают его глаза, отдают мясо его на съедение, а голову вешают около больного, причем всовывают последнему в рот кончик отрезанного оленьего языка. У Витзена в его сочинении о Татарии приведен рисунок тунгусского шамана с двумя оленьими рогами на голове. Возможно, что такие и подобные им рассказы, будучи не поняты и преувеличены, и подали повод к представлению, что описываемый народ «взметывает себе в рот на плечи оленьи головы». При этом прибавляется, однако, что «на другой день они кости из себя измещут», т. е. на другой день они как бы отрывают проглоченные кости. Единственно возможное объяснение этой подробности может, по-видимому, заключаться в крайней нечистоте описываемого народа, в жилищах и

Тунгусский шаман с оленьими рогами на голове. Копия с рисунка Витзена, 1705 год

около жилищ которого валялись кости съеденных животных. Если, как можно догадываться, дело идет об Алтае, то описываемый народ может быть алтайскими калмыками, которые имеют монгольские черты лица, охотятся за маралами и живут крайне нечистоплотно, так что, по словам Радлова, возбуждают отвращение даже в киргизах, которые и сами далеко не могут похвалиться опрятностью.

Что под описываемую страну следует разуместь, по всей вероятности, Алтай, явствует и из дальнейшего известия, что люди эти имеют для стрельбы железные трубки. В настоящее время и, по-видимому, уже с довольно давних пор алтайские инородцы пользуются китайскими ружьями, к которым они так привыкли, что даже попадающие к ним русские (кремневые) ружья переделывают обыкновенно на китайский лад. Сомнительно, однако, чтобы рассказ о железных трубках относился к ружьям, так как далее говорится о стрелках и о выбивании их из трубки молотком. По всей вероятности, это были действительно трубки, подобные которым, только деревянные, употребляются еще и теперь на Алтае, даже русскими в качестве детской игрушки. Профессор А. С. Павлов, уроженец Алтая, говорил мне, что он сам в детстве пользовался такою трубкою, из которой пускал стрелы с помощью удара молотком. Но то, что ныне составляет детскую игрушку, могло в прежние времена быть оружием взрослых. Известно, что такую же метаморфозу претерпел лук после введения огнестрельного оружия. Упоминание, что трубка была железная, доказывает, что кузнечное дело было в то время уже развито на Алтае. Но мы знаем, что в этой области оно действительно развилось рано, и память о том сохранилась в названиях города Кузнецка и кузнецких татар — названиях, которые были даны русскими при первом проникновении в страну.

Многочисленные металлические изделия (медные и железные), находимые в алтайских курганах, служат тому также подтверждением, равно как и следы древней разработки медных копей. Развитие металлического дела в Сибири Радлов приписывал ранее уграм, а теперь приурочивает к енисейским остякам; во всяком случае, полагает он, это едва ли были тюрки, которые вообще не отличаются металлическою промышленностью, а если некоторые племена татар и прославились ею впоследствии, то лишь усвоив себе нужные знания от других народов.

Если допустить, что люди без голов жили на Алтае, за страной Баид, и соответствовали алтайским калмыкам, то является возможность объяснить до некоторой степени подробности разбираемого нами известия о людях, живших вверху Оби, и согласовать их в некоторой мере с показаниями иностранных карт XVI—XVII веков. На карте Дженкинсона между «Baida» и «Colmask» изображено развернутое знамя или хоругвь и перед ним на коленях два человека. Справа от этого знамени под «Colmask» сделана латинская надпись, в которой сказано, что «этих стран жители» поклоняются солнцу или развернутому красному знамени, что они живут в шалашах и питаются мясом всяких зверей и гадов. Ниже (южнее) «Colmask» показана воинственная орда пастушеского народа, «вышедшая лет 300 тому назад», т. е. в половине XIII века, из гор (т. е. монголы), а еще ниже «Cassacki» и «Kirgessi», якобы вешающие на деревьях своих умерших¹.

¹ Некоторые сибирские инородцы имели обычай помещать своих умерших на возвышенный, поставленный на столбах, помост или клали их в развилки деревьев. Слух об этом обычае и был, вероятно, поводом к представлению, что Kirgessi вешают своих умерших на деревьях за шею.

Все эти народы помещены по ту сторону реки «Sur», в которую впадает «Amow» и которая, в свою очередь, вливается в *Kitaia lacus*, откуда вытекает Обь. По сю же сторону этой реки, между нею и Яиком, помещены кочевья ногайцев с верблюдами. Таким образом, Дженкинсон, не знавший об Аральском море и изобразивший Каспийское море вытянутым, через посредство длинного рукава, далеко на восток, где в него впадает река «Ougus», смешал бассейн Каспийского моря (с реками Аму- и Сырдарьею) с бассейном Ледовитого океана (Обью) и пришел к совершенно неверному представлению. Тем не менее его «Colmask» соответствуют, по всей вероятности, алтайским калмыкам. В пользу этого говорит как самое название народа, так и то, что эти «Colmask» помещены над местом выхода из гор монгольских орд XIII века, а равно и та подробность, что они поклоняются какому-то красному знамени. Это знамя невольно напоминает «обо» алтайских инородцев, — священные места на горах, где ставятся на шестах развевающиеся красные и другие лоскутки. Близость (на картах) имен «Colmask» и «Baida» указывает, по-видимому, что народы эти соседствовали между собою и что «Baida» жили также в горах или предгорьях; и действительно, на карте Сансона имя это приурочено к горам. Но каким образом «Баиды», о которых в новгородском сказании говорится, что они жили вверху Оби, оказываются на картах к востоку от Оби, за *Molgomzaia*? Для объяснения этого необходимо принять в соображение, что карта Ортелия (Дженкинсона) служила точной опорой для многих позднейших географов XVI—XVII веков, а сам Дженкинсон пользовался, по-видимому, отчасти сведениями разбираемой нами статьи. Возможно, что он взял отсюда и название «Баид» (*Baida*), только поставил его

неверно (не принял во внимание, что в русской статье страна Баид помещается *вверху* Оби). С другой стороны и сам Дженкинсон, и позднейшие географы считали своей обязанностью пользоваться и другими источниками — Герберштейном, Видом и древним Птолемеем, который сохранял свой авторитет до конца XVI века и даже позже. Вид же поместил «Kalmucku» так, что они приходятся к востоку от Оби и в то же время между Обью и рекой Deik (Яиком), а Птолемей принимал в Северной Азии, в азиатской Скифии существование меридионального хребта, Имауса, который делил всю Скифию на две части и соединялся на юге с другим хребтом, Паропамизом, Имаусом, Гемодом, шедшим с запада на восток и ограничивавшим с севера Индию. Если «Colmack» и «Baida» жили где-то за «Molgomzaia» и близ гор, из которых вышли орды XIII века, то весьма естественно было отождествить эти горы с меридиональным Имаусом Птолемея, что и было сделано Меркатором и Сансоном. Но калмыки в XVI—XVII веках стали известны много южнее и по близости Каспийского моря, поэтому на позднейших картах они и переносятся сюда, а «Baida» остаются на прежнем месте¹

При объяснении ошибок старинных карт необходимо вообще принять во внимание, что географы XVI и даже первой половины XVII века имели весьма смутное представление о Северной и Средней Азии и были к тому же связаны прежними авторитетами. На основании данных, собранных итальянцами и каталонцами в XIV веке, можно было заключить, что Азия омывается с севера, востока и юга морем, что в средней и северной частях ее господствуют татары и монголы и

¹ Впрочем, на карте Дженкинсона Обь показана текущею с юго-востока, из Kitaia lacus (Телецкого озера) и Baida оказываются ближе к этому озеру, чем к устью Оби.

что далеко на востоке находится богатое государство Китай с большим городом Cambaleth, Cambalech или Cambalu (Пекин). На карте Фра Мауро 1459 года, представленной в форме круга, можно видеть за Пермией к востоку «область мрака», в которой за морским заливом помещена страна или народ Mechon, а далее, за другим заливом (длинной губой), — страна Mongul, образующая выдающийся к северу полуостров. Из этой страны Mongul на юг идут горы — Mons Althay, уходящие в страну Chataj, в которой недалеко от моря (заворачивающего здесь к югу, т. е. омывающего Азию уже с востока) показаны города: Cambalech, Quanzu, Xalncu и др. Фра Мауро руководствовался при составлении своей карты, по-видимому, как данными Птолемея, так и сведениями, добытыми арабскими и европейскими путешественниками, и его карта при всех ее несовершенствах все-таки может быть поставлена выше, чем многие позднейшие карты. На некоторых картах XVI века, как, например, к новым изданиям Птолемея, на карте Th. D. Aucupario 1522 года, на карте Меркатора 1587 года, на карте J. A. Magino Patavini 1597, даже на картах Vlaeu, Sanson и др. XVII века мы встречаем не менее грубые ошибки. Прежде всего на картах XVI века заметно явное стремление следовать Птолемею в нанесении Imaus mons, Скифии, Серики, реки Ochardes, гавани Катигары и т. д. Но Птолемей не знал, как оканчивается Азия на севере и востоке, и потому обрезал здесь свою карту по суше и показал море только на юге Азии. Между тем уже в XIV веке стало известно, что море омывает Азию также с севера и востока, вследствие чего европейским географам открылось широкое поле для всевозможных догадок в отношении очертаний этой части света. На картах начала XVI века (например, Aucupario, ed. Argentorati,

1522) северный берег Азии показан идущим довольно ровно, без выступов, с запада на восток, затем постепенно клонящимся к югу-востоку и переходящим наконец в восточный. Западная часть Северной Азии отмечена как *Tartaria*, восточная как *Cathaya*, с провинциями Тангут и др.

Путешествие Герберштейна, экспедиции в Ледовитое море голландцев и англичан, открытия в Америке и Южной Азии заставили, однако, скоро значительно изменить карту Азиатского материка. На карте Меркатора, 1587 года, северный берег Азии представлен образующим за Карским морем (название это, впрочем, еще неизвестно) большой, выступающий к северу полуостров, на котором (как и у Фра Мауро) помещена область *Mongul*, также *Bargu*, *Tenduk* и, наконец, традиционные Гог и Магог.

Тангут и Китай подвинуты уже к югу, но *Mongul* и *Bargu* приходится все-таки гораздо севернее (северо-восточное), чем *Molgomzaia*, *Vaida* и *Colmak*, следующие за Обью, по берегу моря, одна за другою. Указанный полуостров подходит своим восточным берегом к Америке, от которого его отделяет Гипотетический Пролив (*Fretum Anian*). На позднейших картах того же века *Fretum Anian* остается, но полуостров изменяет свои очертания и разделяется на два: Скифский (*Scyticum*) и Табин (*Tabin promontorium* — название, заимствованное у Плиния); из них Скифский соответствует приблизительно полуострову Ямал, а Табин — Таймырскому, но очевидно, это соответствие чисто случайное, тем более что на картах XVII века, например, Влаец, Сансона, полуострова эти в их прежнем значении снова исчезают. Как бы то ни было, но начиная с XIV и до самого XVII века европейские географы продолжали смешивать среднюю часть Азии с

северной и переносили многие среднеазиатские области к Ледовитому морю. Не имея ясного представления о размерах Азии и как бы опасаясь спускаться в своих обозначениях к югу, в область Индии и Бактрии, они помещали разные азиатские страны, о которых доходили до них неясные сведения, одну за другою, к востоку, вследствие чего страны эти оказывались часто далеко севернее их действительного положения. Выше мы уже упоминали о положении *Vargu* и *Mongul* у Меркатора; они помещены там севернее устья Оби, за полярным кругом. На позднейших картах области эти спускаются несколько южнее, но все-таки оказываются севернее и восточнее, чем бы им следовало. Так, *Kithay lacus* (Телецкое озеро), помещенное сперва под 60° с. ш., переносится затем на 55° , а у Штраленберга (1730) уже на 51-й; *Vargu* и *Mongul* — из полярной области сперва под $65—60^{\circ}$, а у Штраленберга уже под $55—45^{\circ}$ и т. д. Преданность прежним авторитетам заставляла иногда долго держаться ошибочных, старых представлений и даже в случае получения новых, более верных сведений последние нередко только прибавлялись к прежним, отчего возникало немало недоразумений. Так, *Кимбалик* оказывался и у *Kythailacus* (по Герберштейну) и далеко на востоке, в собственном Китае (оба они и значатся на карте *Vlaeu*); *Colmack* — и у полярного круга, и у Каспийского моря (*Kalmuck!*) и т. п. Вообще, сравнение карт XVI—XVII веков дает нам немало доказательств тому, что многие области и народы, показанные там на севере и к востоку от Оби, находились в действительности много южнее, в верховьях Оби и Енисея.

* * *

Что касается названия *Baida*, то оно появляется, по видимому, впервые на карте Дженкинсона, а это дает

повод предполагать, что оно заимствовано из разбираемого нами новгородского сказания. Что касается калмыков, то первое обозначение их местожительства мы находим у А. Вида, на карте, составленной им между 1537—1544 годами и изданной недавно с фототипии Михова (*Michow, Die altesten Karten von Russland, 1884*). Здесь они показаны к юго-востоку от Оби и к северо-востоку от реки Deick (Daix Птолемея, позже Яик, теперь река Урал), к востоку от Kósary Horda и от Horda Nohay, с обозначением: «Kalmucky Horda. Ni longum capillitium gestant», причем изображена группа палаток и два человека — один конный, другой пеший. О прикаспийских калмыках упоминает, впрочем, еще ранее Матвей Меховский.

На карте Меркатора, на которой означены «Baída» и «Colmak», южные, прикаспийские калмыки не показаны, но на карте Blaeu 1663 года указаны как северные «Calmak», за Imaus mons, к юго-востоку от Baída, так и «Kalmuck», id est criniti Tartari, вблизи Каспийского моря. На карте Герарда 1614 года Kalmuck помещены уже только у Каспийского моря, между Turkmen и Vochar, к востоку от Яика, и северных Colmask нет, хотя Baída еще остались. Впрочем, эта карта обнимает не всю Сибирь и оканчивается на востоке тотчас же за Баидой. Все эти данные показывают, что, во-первых, калмыки уже в начале XVI века кочевали близ Каспийского моря, и, во-вторых, что кроме них были известны еще другие Colmask, которые помещались за страной Baída. А так как земля Баид, по разбираемому нами сказанию, находилась вверху Оби, то там же, но еще далее вверх (т. е. к югу), должны были находиться и Colmask, следовательно, на Алтае, что подтверждают и другие подробности новгородского сказа.

Подземная самоедь

К Алтаю же относится, вероятно, и приводимое далее в сказании известие о людях, ходящих под землею, и о существовании «над озером» мертвого «града», в котором происходит немая торговля. Рассмотрим сперва, что следует разуметь под людьми, ходящими «по-под землею». «Вверх тоя ж реки великия Оби есть люди: ходят по-под землею иною рекою день да ночь с огни, и выходят на озеро, и над тем озером свет пречюден и град велик, а посаду нет у него». У сибирских инородцев, русских и китайцев с древних пор, по-видимому, сложились предания о существовании большого зверя, ходящего под землею. Под этим зверем разумелся мамонт, остатки которого (кости и бивни), находимые в земле, и подали повод к возникновению представления о большом рогатом звере, пролагающем себе подземные ходы. В китайских и маньчжурских рукописях встречаются сведения о большой мыши, величиною с буйвола или слона, боящейся света и выкапывающей себе пещеры в земле. Якуты, тунгусы и остяки, по старинным известиям (начала XVIII века), полагали, что «мамонт постоянно, даже в самые лютые зимы живет под землею и ходит взад и вперед». Эти представления были усвоены и русскими в Сибири. В «Кратком описании о народе остяцком», сочиненном Гр. Новицким в 1715 году, в § 2, где говорится о находимых в земле костях «доброты и красоты единый с костью слоновыми и вящше», «великостью знаменитых, — бывают бо длиною в три аршина» и «подобием аки роги якия», сказано, между прочим, что о звере сем, «маманте», «различно разумеют». «Глаголют же нецыи зверя сего быти земна, иже влагою земною живет и в пещерах земных обретается, наипаче во

влажных; сухого бо и зрачнаго воздуха блюдется зело, и глаголют, яко егда киим случаем пещера его опадет, и изыидет на воздух, во влажную же не скоро обратится пещеру, тогда воздухом скоро убивается и погибает и тако оставляет кости».

Подобное же толкование встречается в одной Космографии 1696 года, где говорится, что «обретает же ся в том (Сибирском) царстве в реках зверь, его же наречют Мамант, а по их татарскому языку Кытр зело велик. Сего зверя не ведают, косте же его обретаются на брезех речных». Составитель сам «видех главу младого того зверя весом десять пуд; подобие же главы того зверя, рыло яко свиньи, верх уст его две трубы долги и широки, исподнею губу имеет ниско под трубами близко к горлу, зубов же имеет у себя восемь, един же зуб тое малые главы 12 фунтов весом; имеет же тот зверь на главе два рога подобны воловым рогом. Видех же и болшаго зверя рог толщиною у корени поларшина, а в верхней части в три вершка толщиною, а длина две сажени, а сказывают, что и больше. А весом тот рог полтора пуда. А живет тот великий зверь в земли и в воде». Впрочем, представление о большом звере, живущем под землею, существовало у русских еще задолго до знакомства с Сибирью.

Уже в Голубиной книге поется об Индрике-звере, что он:

Зверь всем зверям мать...
И он копал рогом мать сыру землю,
Выкопал ключи все глубокие,
Доставал воды все кипучие.
Живет этот зверь за океаном-морем,
И он ходит здесь по подземелью...
Проходит все горы белокаменные,
Прочищает ручьи и проточины,
Пропускает реки, кладези студеные...

Таким образом, Индрик представляется очень большим зверем с рогом или рогами, живущим под землю, прорывающим себе рогом подземные ходы и тем самым открывающим ключи и пропускающим реки. Такое представление, как заметил С. А. Усов, вполне подходит к легендам, сложившимся у северных народов о мамонте.

Усов выразил также предположение, что Индрик, Инрог, Индрога, Единорог, составляет, может быть, переделку самоедского слова «Иеньгора» или «Яньхора», означающего «мамонт» и составленного из двух:

«я» — земля и «хора» олень (самец); переделку, которая осмыслила для русских чужое и непонятное слово. Все эти поверья относятся, правда, к зверю, к мамонту, но у самоедов и других северных народов существуют предания и о живущих под землею людях. Самоеды называют их «сиртя» и говорят, что это народ, который занимал страну раньше их и который после их прихода ушел в землю и живет еще там, обладая бобрами, лисицами и стадами мамонтов¹.

* * *

«Краткое описание о народе Остяцком» говорит: некие желающие повествуемое за достоверное утвердить, так подобие его описывают: высотой трех аршин, длиною почти аршин, ноги подобны медвежьим, рога свои, крестообразно сложенные, на себе носит, и когда копывает пещеры, тогда сгибается и простирается наподобие ползающего змея. Некоторые, противореча этому, утверждают, что кости эти принадлежат единорогам или иных каких-либо зверей морских, во время потопа Ноева водою нанесенные и осохшие на земле, древностью же в землю ушедшие. Но се пустое мнение, продолжает Новицкий, ибо кости эти находят светлыми, чистыми, по ветхости не истленными, множество же по всякое время собирается; какой бы вины ради вода такое множество во едину Палестину собрала. Разумею же так: не земля ли ес-

¹ У юраков, по Кастрену: *janhora* — мамонт, *ja* — земля, *hora* — олень-самец.

Заметим, однако, что Мочульский («Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге», Варшава, 1887, с. 149 и след.) сближает Индрика с Еньдропом славянских «Физиологов» и с Индрией Азбуковников, маленьким зверьком, похожим на пса, который живет в реке Нил и убивает крокодила, т. е. с ихневмоном.

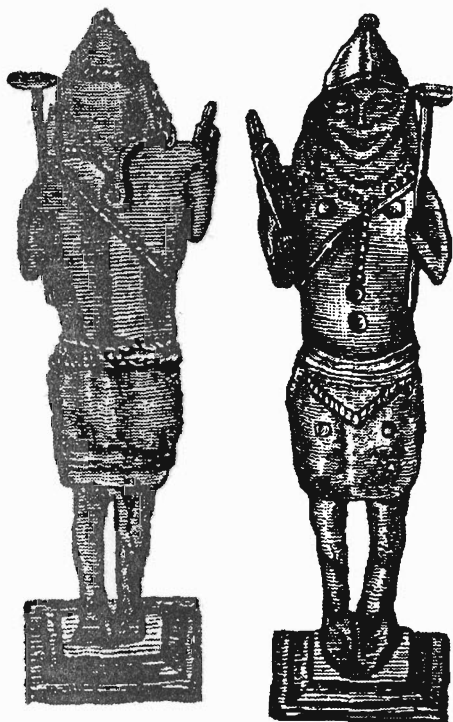
тественно и самородно из себя производит кости сии и т. д., короче сам Новицкий склонен видеть в этих костях *lusus naturae*, произведение неорганической природы.

Сочинением Новицкого, в извлечении, воспользовался неизвестный автор (может быть, швед) в статье «о нравах и обычаях остяков», помещенной в «*Nouveaux Memoires sur l'etat present de la grande Russie*», 1725. О мамонте там говорится, между прочим: «Другие утверждают, что это рога большого животного, живущего под землею, в местностях низких и болотистых, что оно питается только грязью и рогами роет себе дорогу в земле и грязи, когда же он попадает в почву песчаную, то пески осыпаются и сдавливают его со всех сторон, вследствие чего, не имея возможности проложить себе путь рогами, животное гибнет на этом месте. Многие лица уверяли меня, что за Березовом они видели этих животных в пещерах тамошних гор. По описанию этих лиц, мамонты чудовищны, имеют 4—5 аршин в вышину и около 3 сажень длины. Они серого цвета, имеют длинную голову, широкий лоб и рога по обе стороны, прямо над глазами. Они двигают рогами, как хотят, даже скрещивают их».

Кастрен сопоставляет это предание с русскими рассказами о чуди на севере, которая также представляется завалившей себя добровольно в землянках с приближением русских или ушедшей в землю. Шренк приводит следующий рассказ о сиртях (по Шренку — *siirte*), слышанный им от одного самоеда Малоземельской тундры. «Сииртя живут теперь внутри земли, потому что они не могут выносить света солнца. Они имеют свой язык, но понимают и язык ненцев (самоедов). Один ненец (самоед), роясь однажды в земле,

напал на пещеру, в которой жили сииртя. Один из них сказал: «оставь нас в покое, мы боимся света и любим мрак земли; но здесь есть ходы, ступай к нашим богачам, если ты ищешь богатства, а мы бедны». Самоед побоялся, однако, идти темными ходами, снова завалил открытую им пещеру. Известно, впрочем, продолжал рассказчик, что эти сииртя богатый народ; у них есть серебро и медь, железо, свинец и олово в изобилии, да и как им не иметь всего этого, если они живут в земле, а ведь все эти вещи добываются из земли». Енисейские самоеды тоже верят в подземный темный и холодный мир и в его обитателей, бывших людей, но они признают, что люди эти хотя имеют человеческий образ, однако не вполне: «у одного нет руки, у другого ноги, иной же имеет только половину головы, да и та покрыта мхом. Все они живут в чумах, которые иногда прикрыты только с одной стороны... Они едят мышей, считая их за оленей, греются перед небольшим синим огнем или просто сидят около кучки незажженных дров».

Таким образом, верование в существование под землею людей было с давних пор в ходу у северных инородцев. Новгородское сказание помещает их, однако, в страну у верховьев Оби и не говорит, чтобы они жили в земле, а только, что они «ходят по-под землею... иною рекою день да ночь с огнем», но все-таки «выходят на озеро». Какие же это люди, ходящие с огнем под землею, по особым рекам (или ходам), и для чего они могли это делать? По всей вероятности, в этом известии передан слух о той чуди, которая пролагала в Алтае под землей свои копи для добывания из них медной руды. Известно, что как на Алтае, так и на Урале русские открывали рудники большей частью по следам какого-то древнего народа, который был знаком

*Бронзовая статуэтка,
изображающая, по-видимому,
одного такого древнего рудокопа*

с металлургией и открыл в этих горах почти все более замечательные в них медные месторождения¹. В некоторых коях находили даже покинутые или потерянные прежними рабочими орудия, каменные, костяные или медные кайлы (кирки) и молотки, деревянные ковши, остатки кожаных мешков, даже огарки грубых сальных свечей и кости самих погибших рудокопов.

В Сибири найдена была даже бронзовая статуэтка, изображающая, по-видимому, одного такого древнего рудокопа, с молотком и еще каким-то орудием в руках, с башлыком на голове и с кожаным мешком для руды у пояса. Несомненно, что слух об этой древней горной промышленности должен был распространиться и среди соседних народов, живших еще в состоянии дикости и звероловства, хотя и не всегда мог быть правильно понят ими. Доходил этот

¹ По словам Иславина: «самоеды твердо уверены, что существуют подземные жители «парны», и многие видели даже, как из их подземных чумов выходит дым».

слух, вероятно, еще в XV веке (может быть, и ранее; припомним рассказ Гюраты Роговича о просекающих через горы людях) и до русских, но так как инородцы не могли рассказать путем, для чего люди эти ходят «по подземелью с огнем», то и остался только один этот факт, который сам по себе должен был казаться чудным.

Но что это за озеро, на которое выходят люди из подземных ходов? На этом озере, рассказывается дальше, стоит какой-то большой город, но без посада и людей. «И над тем озером свет пречюден и град велик, а посаду нет у него. И кто поедет ко граду тому и тогда слышит шум велик¹ в граде том, как и в прочих градах (живущих); и как приидут в него, и людей в нем нет, и шуму не слышити никоторого, ни иного чего

¹ Весьма трудно объяснить, как понимать в разбираемом нами известии «Свет пречюден» и «шум велик». Нечто подобное встречается в послании XIV в. Новгородского архиепископа Василия к Тверскому епископу Федору о рае, уцелевшем на земле. Здесь рассказывается, что один новгородец с сыном нашли место рая где-то на высоких горах, у отдаленных берегов моря, хотя взойти туда оказалось невозможным. На тех горах написан Деисус «лазоревым чудным» и вокруг всего места «свет самосиянен». Хотя солнца и не было, но «свет бысть многочастный, светлеяся паче солнца, а на горах тех ликование много слышахут и веселия гласы втщающе». От новгородцев же дошло известие и об аде: «на дышущем море червь неусыпающий, скрежет зубный и река смоляная Морг; вода входит в преисподнюю и паки исходит трижды днем». Здесь «свет самосиянен», может быть, надо понимать как северное сияние, а ад — как какой-нибудь водоворот в море. Герберштейн, со слов Григория Истома, говорит, что в северном море есть мыс, называемый Святым Носом (Sanctus Nasus). «Это — огромная скала, вдающаяся в море, наподобие носа; под нею видна водоворотная пещера, которая каждые шесть часов поглощает морскую воду и с большим шумом изрыгает ее обратно. Одни говорили, что это середина моря, другие, что это Харибда. Сказывал он (Истома), что сила этой пучины так велика, что она притягивает корабли и другие предметы, крутит их и поглощает...»

животна, но во всяких дворах ясти и пити всего много и товару всякого, кому что надобно; и он положит в цену противу того да возмет, что кому надобно, и прочь отходят, а кто что бес цены возмет и прочь отыдет, и товар у него погыбнет и обрящется паки в своем месте. И как прочь отходят от града того, и шум паки слышети, как и в прочих градех живущих».

Позволяем себе высказать предположение, что озеро это — Колыванское, находящееся в рудоносном западном Алтае, в 30 верстах к северо-востоку от Змеиногогорска. Озеро это выпускает из себя речку Нижнюю Колыванку, впадающую в Локтевку, которая относится к системе реки Чарыша, притока Оби... Близ озера находятся месторождения медных руд, разрабатывавшиеся уже чудью и вызвавшие основание здесь в 1727 году Демидовым первого медеплавильного завода. Озеро, в окружности около 7 верст, имеет значительную глубину, очень прозрачную воду и расположено в горах (на высоте около 1200 футов), в чрезвычайно живописной местности, у подошвы гранитных скал, отличающихся необыкновенными, причудливыми формами. Скалы эти имеют вид башен, террас, пирамид, развалин замков и поднимаются над озером ме-

Объяснение этого «водоворота» заключается в том, что у Святого Носа действительно сталкиваются два течения, отчего образуется так называемый сулой, или толчая. Классическая Харибда находилась, как известно, в Мессинском проливе, где также существует сильное течение. Тот же Герберштейн, со слов норвежцев и русских послов, сообщает о высоких горах на севере, подобно Этне постоянно извергающих пламя и заключающих в себе, по утверждению некоторых, чистилище. Но, как известно, никаких огнедышащих гор ни в Норвегии, ни на севере России нет. Вулканов нет также ни в Алтае, ни во всем Туркестане, и хотя про Туркестанские горы и ходила прежде молва, что там есть вулканы, но слухи эти, как дознано потом, вызваны были, вероятно, самовозгоранием залежей каменного угля.

стами до высоты 600—700 футов. Рассказы о таком озере, с чудскими около него копиями, легко могли подать повод к возникновению представления о выхождении на озеро людей из подземных ходов и о существовании на нем большого мертвого «града» (кремля, крепости) без посада (ибо имеются одни только развалины стен и башен, а жилых домов нет)¹.

Возможно, что такое необыкновенное место было выбрано соседними народами и для взаимного обмена товаров с помощью немого торга, или же составитель сказания смешал здесь рассказы о двух различных фактах и местностях.

Обмен товаров без переговоров и даже без того, чтобы торговцы видели друг друга, засвидетельствован многими древними и позднейшими свидетельствами. Геродот рассказывает, со слов карфагенян, что так торговали эти мореплаватели с народами Африки по ту сторону Геркулесовых столбов (Гибралтара). Они выгружали свои товары на известном месте берега, потом возвращались на суда и разводили на них огонь.

¹ Географическо-статистический словарь Российской Империи. СПб., 1859—1889. Т. 11. С. 698. По Щуровскому («Геологическое путешествие по Алтаю». М., 1846. С. 92), Колыван-озеро залегает между Саушкинскими гранитами... «От первых гранитных обнажений до Колыван-озера считается около 10—11 верст. На всем этом пространстве горы неистощимо разнообразны... С одной возвышенности открылось особенно очаровательное зрелище. Без всякого преувеличения, найдете тут все возможные сравнения с древними замками, с развалинами готических зданий, с падающими башнями, со многими искусственными произведениями, с некоторыми животными и человеческими фигурами. При первом взгляде на Колыван-озеро, на эту величественную картину, невольно обращается к нему все внимание».

По Ледебуру («Reise durch das Altaigeb». I В. 1829. S. 332), с северной и северо-западной стороны озеро представляет «в высшей степени романтический пейзаж».

Туземцы замечали дым, выходили на берег и клали рядом с товарами золото. Тогда карфагеняне снова высаживались на берег и смотрели, довольно ли золота; если было довольно, они брали его и оставляли товар, если нет, возвращались обратно и ждали. Туземцы снова приходили и добавляли золота, если находили товар того стоящим. При этом ни с той, ни с другой стороны не было несправедливости; одни не касались золота, покуда количество его не становилось соответственным ценности товара, а другие не трогали товара, покуда за него не было взято золота. Помпоний Мела и Плиний рассказывают о подобной же немой торговле, производившейся в уединенном месте, на берегу одной реки, — между сингалезцами (жителями острова Тапробаны) и римскими торговцами с одной стороны и народом серами (под именем которых были известны грекам и римлянам китайцы) с другой. Эти древние известия могли казаться баснословными, покуда не были получены подтверждения тому в новейшее время как из Африки, так и из Азии. Хест, Винтерботтом, Граберг фон Хемзо и другие путешественники конца прошлого и первой половины нынешнего столетия констатировали подобный же торг между маврами Марокко и неграми, живущими по реке Нигеру, между португальцами и неграми на берегу Сьерра-Леоне в Западной Африке и на границах Мозамбика в Восточной, наконец, между самыми негритянскими племенами, например между береговыми неграми и живущим внутри Лоанго малорослым племенем бабонго. Относительно Азии известно, что подобный торг существовал еще недавно на Суматре между малайцами и диким лесным племенем оранг кубу; в южной части острова Тимора — между приезжающими на лодках малайцами и тузем-

цами; между айнами острова Сахалин и курильцами, между чукчами и жителями острова Св. Лаврентия. Особенно обыкновенен был, по-видимому, этот способ торговли в Америке, где индейские племена распадались в отношении языка на множество различных наречий. Маршус собрал сведения о подобном торге между некоторыми племенами Бразилии; Картрайт — между европейскими колонистами и первобытным населением Нью-Фаундленда. Известны также свидетельства прежнего времени относительно мексиканцев и новейшего — относительно индейцев Новой Гренады.

В пределах нынешней России такой способ торговли описан многими средневековыми арабскими путешественниками как происходивший в «стране мрака». По словам Ибн Баттуты, «страна мрака («юра» — арабских писателей X века) лежит в 40 днях пути от Булгара и путешествия совершают туда в небольших повозках на собаках... После 40 дней пути мерзлую степью путешественники останавливаются в Стране Мрака, выкладывают привезенные товары и уходят на место своей стоянки. На другое утро они возвращаются туда, где оставили товары, и находят там для обмена соболей, белок и горностаев. Если торговец доволен меной, то берет ее тотчас с собою, в противном случае оставляет ее на месте вместе со своим товаром. На следующий день жители делают прибавку к мехам, и купцы берут их, оставляя взамен свои товары. Таким образом происходит их купля и продажа. Те, которые там бывают, не знают, с кем они ведут торговлю, с людьми или духами; они никого не видят в лицо». Подобные же известия мы встречаем у Абульфеда, Бакуи и других арабских писателей, причем Абульфеда приписывает немой торг народам, живу-

щим к северу от русских, а Бакуи говорит, что такой торг ведется болгарами в стране Ualsua или Ualsa, находящейся в трех месяцах пути на север. Павел Иовий (1537), со слов русского посла Дмитрия Герасимова, сообщает о таком же торге у лопарей со своими соседями. «Лопари, говорит он, народ дикий, подозрительный, избегающий следов чужого человека, разбегающийся даже при виде кораблей; они меняют меха, отличающиеся своею белизной, которые мы называем горностаевыми, на различные предметы, однако так, что избегают всякого разговора с купцом и даже его вида. Сложив в одно место предметы, которые хотят обменять, и оставив посредине мехб, они совершают обмен самым добросовестным образом с отсутствующими и неизвестными им лицами». Несколько позже у Циглера мы находим известие, что «лопари ведут торговлю при помощи обмена, а не деньгами, и лишь киваньем головы, а отнюдь не речью высказывают свое согласие, и это не оттого, что у них недостаток ума или дикие нравы, но оттого, что они имеют особый язык, непонятный соседям». Во второй половине XVII века такой немой торговли уже не существовало: Шеффер (1657) замечает, что «они (лопари) ведут торговлю не знаками, как прежде, а при помощи слов, так как между ними встречаются многие, которые говорят на языке соседей, либо объясняются с соседями при помощи переводчиков, которых между ними много».

Свидетельство о немом торге мы имеем также в рассказе летописца со слов Гюряты Роговича (в XI веке) и в описании Герберштейна, заимствованном из русского дорожника. Герберштейн приурочивает известие о немом торге к людям Лукоморья (Lusomogua), умирающим на зиму. «Жители городов Грустины

(Grustina) и Серпонова (Serponovu) ведут с ними (людьми Лукоморья) торговлю необыкновенным, неизвестным в других странах способом, ибо, когда у них наступает определенное время умереть или заснуть, они складывают товары в известном месте, а Грустинцы и Серпоновцы уносят их, оставляя вместо них свои товары и делая равный обмен. Возвратясь к жизни (Лукоморцы) требуют назад свои товары, если находят, что им сделана несправедливая оценка; оттого возникают между ними весьма часто споры и войны». Лукоморье Герберштейн помещал в горах, по ту сторону Оби, по-видимому, до моря, так как в другом месте он замечает, что «приморские места Лукоморья лесисты». Но на картах XVII века положение Лукоморья определяется южнее, в средней части Оби, между нею и Енисеем.

Как бы то ни было, в существовании некогда немого торгового пункта в Сибири нельзя сомневаться. Гондатти слышал в Обдорске от стариков, что такой торг существовал еще сравнительно недавно с самоедами, а г. Турбин передавал мне, что он практиковался еще в конце 50-х и начале 60-х годов в Амурской области с тамошними инородцами.

Герберштейн прибавляет еще, что от устья реки Иртыша до крепости Грустины два месяца пути, а от нее до озера Китаи (Kitai) рекою Обью (которая вытекает из этого озера) более чем три месяца пути. «От этого озера приходят в большом числе черные люди, лишенные дара слова (т. е. имеющие «язык нем»); они приносят с собой много товаров, преимущественно же жемчуг и драгоценные камни, которые покупаются грустинцами и серпоновцами». Озеро Kitai, Kitaisko встречается почти на всех картах XVII века, как место начала Оби. Очевидно, оно соответствует Телецкому

озеру¹, из которого вытекает река Бия (по соединении с Катунью составляющая Обь). Но какие такие «черные люди» могли приходиться оттуда и приносить жемчуг (или раковины) и драгоценные камни? Витзен видел в них индусов, Лерберг — бухарцев; последнее более вероятно, так как позже, с проникновением в Сибирь русских, торговцами с юга оказались там именно бухарцы. По всей вероятности, они заходили для торговли и в более раннюю эпоху, а вместе с ними иногда и индусы, которые и теперь являются нередко для торговых целей в Туркестан и Кульджу.

В сказании говорится, что немой торг на озере должен был происходить честно; в противном случае, если кто «без цены» что брал, товар исчезал у него и оказывался снова на прежнем месте. На севере с давних пор практикуется обычай, что если кто (охотник, странник, торговец) найдет где в лесу пустую избушку и в ней какие-либо вещи, которые могут ему понадобиться, то он берет что ему нужно, но оставляет взамен взятого предметы соответствующей годности и ценности или деньги. Обычай этот, по крайней мере в прежнее время, соблюдался свято, к общей для всех пользе, так как нарушение доверия кем-либо одним могло отозваться весьма невыгодно на всех других, которые бы оказались в том же положении. Эта же общая для всех выгода заставляла несомненно придерживаться справедливости и при немом обмене товаров с сибирскими дикарями, который иначе был бы невозможен, а равно повела, вероятно, и к возникновению поверья, что неправильно произведенный обмен не способен идти на пользу торговца.

¹ Телецкое озеро (Алтын-нор) находится в поперечной долине Алтая, между Телецкими и Абаканскими горами, и занимает пространство в 250 кв. верст. Местами оно обставлено отвесными, поросшими лесом скалами, с которых шумят звенящие потоки.

Каменская самоедь

Последнее известие сказания касается «каменской самоеди», которая «облежит около югорские земли». «А живут по горам высоким, а ездят на оленех и на собаках, а платье носят соболие и оленье». «Каменскими» называются и теперь еще те из обдорских самоедов, которые «своими кочевьями занимают места на Уральских горах и на полуострове Ялмале», в отличие от «низовских», кочующих между Обскою и Енисейскою губами. Что касается до названия Уральских гор «высокими», то следует заметить, что в прежние времена имелось вообще преувеличенное о них представление или что Северный Урал производил на жителей равнин впечатление гораздо большей вышины, чем он имеет ее в действительности. Князь Курбский, ходивший походом в Югру, говорил Герберштейну, что он 17 дней взбирался на какую-то гору «Столп», «которая вдается в океан» и простирается до самых устьев Двины и Печоры». Впрочем, Курбский разумел, по-видимому, не одну какую-нибудь вершину, а говорил, вероятно, о переходе поперек всей горной системы. Ранее, в XI веке (в рассказе Гюряты Роговича), об Урале имелось понятие как о горах «им же высота аки до небесе».

Далее о каменской самоеди говорится: «А ядят мясо оленье, да и собачину, и бобровину сыру ядят, а кровь пьют человечю и всякую¹. Да есть у них лекари: у которого человека внутри не здраво, и они брюхо режут, да нутрь вынимают и очищают и паки заживляют». Употребление самоедами сырого мяса известно всем; даже архангельские самоеды всему предпочита-

¹ По словам Кушелевского, «видеть как Самоеды жрут оленье мясо, макая его в кровь, и пачкают кровью и без того противные свои физиономии — переходит за пределы самосильнейшего отращения».

ют сырое, дымящееся оленьё мясо и теплую кровь только что убитого оленя. Иславин говорит также, что самоеды не гнушаются есть и падаль, особенно бедняки. Неудивительно, что в прежнее время они ели и собачину, и бобровину, тем более что ранее бобр был, наверное, более обыкновенен в Приуральском крае, чем теперь. Относительно употребления человеческой крови, напомним снова вогульские и самоедские предания об их древних богатырях. Что касается «лекарей», то под ними, очевидно, понимаются шаманы. По словам Кушелевского, шаманы каменных самоедов выдывают «разные штуки, вроде чудес, например, прокалывают себя ножом или саблей; кровь не идет и жив остается... Сидя на земле, шаман берет бубен, начинает в него бить, тяжело вздыхать, втягивает в себя воздух, кривляется, после прокалывает себя ножом в живот, грудь и в изнеможении падает на землю»... По Иславину, самоедский шаман во время вдохновения делает вид, будто вонзает себе шомпол или нож в один бок, а из другого вынимает. Подобные штуки они проделывают и над больными. «Наружные болезни или наросты, — говорит Иславин, — они или срезают ножом или скусывают зубами, а о внутренних говорят, что это завелся червь в животе, и чтобы найти место, где он сидит, водят по животу божком с острым носиком... и когда найдут больное место, то или вскрывают живот, или просто, прикладываясь к нему зубами, делают вид, будто призывают червя и всасывают его в себя и, вынув изо рта, показывают излеченному».

По словам Третьякова, самоедский шаман, «чтобы исторгнуть из тела злого духа... хватает зубами за больное место и через несколько минут вытаскивает из своего рта кишку какого-нибудь зверя, червяка или просто волосок. Понятно, что такое «вскрытие живо-

та» и вынимание кишки могло вызвать представление, что самоедские лекари режут больному брюхо, нутро вынимают и очищают и паки заживляют».

По-видимому, первое известие о самоедских шаманах и их камлании встречается у Джонсона, в его письме к Ченслеру, 1556 год. Джонсон описывает гадание и жертвоприношение самоедов, виденных им близ устья Печоры. При этом он говорит, что шаман (жрец) был одет в странный костюм, бил палкой в бубен, испускал дикие звуки, пришел, наконец, в иступление и упал на землю, как мертвый. Затем он очнулся, взял меч и воткнул его на половину в свой живот, но так, что раны не было.

В заключение о той же самоеди сказано: «Да в той же самоеди видали, скажут, самоедь же, старые люди, за горы подле море, мертвых своих: идут, плачущи, множество их, а за ними идет велик человек, погоняя их палицею железною». Здесь передается, очевидно, рассказ стариков-самоедов, выдавших будто бы своих мертвых. Для объяснения этого рассказа следует принять во внимание поверье самоедов и остяков, что загробный мир находится на севере, у Ледовитого моря. По словам Н.Л. Гондатти, манси (вогулы) верят, что тень человека отправляется в подземное царство, расположенное в Ледовитом море, за устьем Оби, и находящееся в распоряжении подземного бога Куль-одыр (куль — дьявол), который получает записи от Нумиторума (старшего сына Корс-торума, главного бога), кому следует умереть. Куль-одыр, отличающийся большим ростом, берет тени записанных и гонит их большою дубиною через тундры в свое царство. Каменские самоеды, по словам Кушелевского, «находившись с давних пор под влиянием остяков, усвоили себе многие религиозные их понятия о нуме (боге), о загробной жизни человека и о сотворении мира». Если это

так, то они могли усвоить и верование в Куль-одыра большого роста («велик человек»), который гонит тени умерших дубиною через тундры и рассказы о котором могли дойти и до составителя новгородского сказания¹.

Любопытно, что в сказании не говорится ни об одном сибирском народе, который бы употреблял исключительно каменные и костяные орудия, т. е. находился бы в стадии каменного века. Если упоминается оружие: трубка для стрельбы, стрелы, палица, то только железные.

Судя по рассказу Гюряты Роговича (в конце XI века), зауральские народы еще находились тогда в переходной стадии от камня к железу. О них говорится: «кажут на железо и помавают рукою, просяще железа; и аще кто даст им нож ли, или секиру, и они дают шкуру (в летописце Переяславля Суздальскаго: «соболи, куницу, белку») противу». Но к XV веку народы эти, по-видимому, уже хорошо ознакомились с железом.

Очевидно, русские еще не знали тогда тунгусов и других инородцев Восточной Сибири, с которыми встретились позже и у которых оказалось оружие из камня и кости, как то и было отмечено в «сказках» служилых людей XVII века. Так, в сказке служилого человека Нехорошка Иванова Колобова, от 7154 (1645) года, воевавшего с тунгусами на реке Улье, об оружии и орудиях этого народа говорится так: «а бой у них лучной, копейца и рогатины все костяные, а железных мало, и лес, и дрова секут и юрты рубят каменными и костяными топорки». У чукчей, юкагиров, камчадалов, курильцев, алеутов — каменные орудия и оружие

¹ В списке Унковского после слов «мертвых своих» вставлено «несут»; очевидно, переписчик не мог понять, как это мертвые могут идти, и предположил, что тут пропущено слово «несут» и что слово «идут» относится к провожатым.

употреблялись, как известно, еще в XVIII веке и встречались даже местами еще в начале нынешнего столетия¹.

Заканчивая рассмотрение сказания, нельзя не повторить снова, что многие известия его совершенно согласны с действительностью, другие вероятны или возможны, третьи основаны тоже, очевидно, на действительных, хотя и преувеличенных или неверно понятых, фактах, и только некоторые представляются явно мифическими, но и то едва ли придуманными нарочно, а скорее передающими ходившие между югрой и посещавшими их русскими поверья и рассказы. Если бы составитель сказания выдумывал явные небылицы, он мог бы припомнить и Гога и Магога, и каких-нибудь свирепых псоголовцев, поместить в неизвестной стране разных чудных зверей, людей с хвостами, страшных ушканов и тому подобное, чего, однако, он не сделал.

Как ни мифичен, например, рассказ об умирающих на зиму людях, однако его далеко перещеголяли некоторые легенды о влиянии мороза, составившиеся в средневековой литературе Запада, например, о звуках голоса и труб, застывающих на морозе и звучащих снова после оттаивания, о всадниках, примерзающих к седлу лошади, об отрезанной на морозе голове, прирастающей потом снова к телу и т. п. У многих старинных путешественников, не только средневековых, но и XVI—XVIII веков, можно встретить большее число баснословных известий, чем в этом простом рассказе о виденном и слышанном новгородского торгового человека.

Наоборот, положительные стороны разбираемой статьи заслуживают полного внимания с историко-эт-

¹ Написано в конце XIX века.

нографической точки зрения. В нем мы находим первый сколько-нибудь связный рассказ о народах по нижнему течению реки Оби и по реке Тазу, об юраках, каменных самоедах и других племенах, им родственных, первые слухи о странах в верховьях Оби, о некоторых племенах тюркомонгольских, их быте, древней разработке алтайских копей, немом торге, шаманстве и т. д. В некоторых отношениях статья представляет интерес и для общей этнологии или истории первобытной культуры. Здесь мы встречаем известия о людоедстве, о стрельбе из железных трубок, одну из древнейших легенд о мертвом городе и т. д. Наконец, статья заслуживает внимания и в историко-географическом отношении, ввиду того что некоторые данные ее дали материал для иностранных карт XVI века и что отсюда, по-видимому, были заимствованы понятия о странах *Molgomzaia*, *Vaida* и о каменных самоедах.

Что касается до того, каким образом неверно понятые и преувеличенные рассказы могли давать повод к возникновению среди русских в Сибири даже в конце XVII века баснословных слухов, любопытный пример представляет отписка енисейского воеводы князя К. О. Щербатого в Сибирский приказ о диких людях чюлюгдях, 1685 года, найденная в выписках из столбцов Сибирского приказа, сделанных в 1776 году в Сенатском разрядном архиве (ныне находящихся в Московском архиве Министерства юстиции), и опубликованная недавно А. А. Гоздаво-Голомбиевским в «Чтениях Общества истории и древностей» за 1888 год. В отписке говорится, что в феврале 1685 года «почала быть словесная речь меж всяких чинов, будто в Енисейском уезде, вверх по Тунгуске-реке, явились дикие люди об одной руке и об одной ноге». Узнав об этом и воспользовавшись прибытием в Енисейск «сверх Тунгуской реки... Чодобских разных волостей ясачных

тунгусов», воевода велел «про тех выше писанных диких людей тех тунгусов расспросить, где те дикие люди и в каких местах живут и каковы они в роже, те люди, и какое на себе платье носят». На допросе тунгус с Каты-реки Богдашка Чекотеев сказал: «вверх-де по Тунгуске-реке идучи, на левой стороне против деревни Кужемской, где живет енисейский пашенный крестьянин Васька Панов с товарищами, на высокой горе, в камене от Тунгуски-реки версты с три видел он, Богдашко, яму, а та-де яма во все стороны кругла, шириною аршина по полтора и из той-де ямы исходит дух смрадный, человеку невозможно духа терпеть, и у той-де ямы состоять он, Богдашко, долго не мог от того смрадного духа и одшед-де от ямы, лежал от того духу головою болезнью день, а какова-де та яма пошла в землю шириною и в глубину, того-де он, Богдашко, не ведает, потому что-де он в ту яму не заглядывал, а около-де той ямы мелкий и большой стоячий лес на кореню, по местам знаки строганы ножом или иным чем во многих местах, а у своей братьи у тунгусов он, Богдашко, слышал, что живут-де в той яме люди, а имена тем людям чюлюгдей, а ростом-де те люди среднему человеку в груди, об одном глазе и об одной руке, и об одной ноге, а глаз-де у него, чюлюгдея, и рука с левую сторону, а нога с правую сторону, а зверя-де всякого и птицу они, чюлюгдей, стреляют из луков, а режут-де зверя и дерево стружат пилою, а каким-де образом лук и стрела и пила, того-де он, Богдашко, не слышал и не видал, а торг-де у них, чюлюгдеев, с ними, тунгусами, такой: приносят-де тунгусы на их дороги, по которым дорогам они, чюлюгдей, ходят, дятлевое птичье перье и то-де перье втыкают они около стоячего листовничного дерева в листовничную кожу, а те-де чюлюгдей, придя, то перье емлют без них, тунгусов, а тем-де тунгусам вместо того перья кладут на то

же место стрельные всякие птицы и посуду своего дела, а какую-де посуду кладут медную или железную или иную какую и для чего-де дятлевое перье себе емлют, того-де он, Богдашко, не слышал, да он же де, Богдашко, слышал от брацких ясашных тунгусов, которые живут по Ангаре-реке в Брацком уезде, ставили-де тунгусы на зверей самострелы и из тех-де тунгусов тунгус в самостреле своем вынул застреляного того дикого человека, а платье-де на том диком человеке тулупец кожейной опушен белою козлиною, а в руках-де у него пила железная, а какой-де кожейной тулуп теплой или холодной и каким обрасцом пила сделана, про то-де он, Богдашко, не слышал, а на которой-де стороне глаза нет и та-де сторона лицо и бок весь черен, что уголь, а родимая ль де та черность или черненная, про то-де он не слышал, а другая-де сторона лицо и бок как у человека, и того-де мертвого дикого человека тот тунгус кинул у того самострела, и после-де те дикие люди того застреленного взяли к себе, а ино-де ничего он, Богдашко, про тех диких людей не слышал, а подлинно-де про то ведают братские ясашные тунгусы, а он-де, Богдашко, против той выше писанной Кежемской деревни, что живет пашенной Васька Панов, видел сам на горе в камени ту яму и от той-де ямы видел же след тех диких людей на снегу хожено одною босою ногою, а тот-де их след гораздо мал, как пяти лет ребенка». Другой тунгус, Имарги, показал по тому же вопросу следующее: «в прошлых-де годах шел-де он, Имарги, с соболиного промыслу из лесу весною по малому снегу и против деревни-де Кежемской, где живет пашенной крестьянин Васька Панов с товарищами, в камени, в том же месте, где видал яму вышеписанной Кацкой же тунгус Богдашко Чекотеев, нанесло-де на него дух смрадный с того места с камени, невозможно человеку терпеть, а тот-де дух таков, как железо горит, и

мимо-де то место он, Имарги, прошел скоро, а около-де того места на таком лесу, от дерева кожа кругом рукою обтерта до дерева по одному месту, от земли человеку в пояс, и пришед-де он к своей братье к тунгусам и про тот дух смрадный и про обтертое деревье сказывал, и тунгусы-де про яму говорили, чайт-де, что тут живут дикие люди чюлюгдей, да он же де слышал у своей же братьи у тунгусов, что в прошлых недавних годах ставливали-де тунгусы на коз самострелы, а такого дикого человека один тунгус вынял в самостреле своем застреленого, а каков тот дикой человек ростом и рожей и вприметы и какое на нем платье, про то-де он ни от кого не слышал». После того воевода вызвал к допросу «Кужемской деревни пашенного крестьянина Ваську Панова», который на тот же вопрос показал: «по Тунгуске-де реке вверх идучи на левой стороне против его, Васькиной деревни в горе в камне, где будто видел он, Богдашко, яму и такой-де ямы он, Васька, не видал и духу смрадного в тех местах никаких никакого не слышал, а Кужейские-де тунгусы сказывают, слышали у дедов и у прадедов своих, что близ-де той его нынешней Васькиной Кужемской деревни жили дикие люди во Каменю и в земле, а называли-де их чюлюгдеями, а те-де дикие люди ростом среднему человеку в груди, поперек толсты, об одной руке, об одной ноге, об одном глазе, а платье-де они носят будто-де тунгусского переводу, а шапки на них маленькие круглые, а теплое ль де то платье носят или холодное, того не слышал, а след-де деды и прадеды их тунгусские видали гораздо мал, а тот-де их след видали летом на песку около их, где они живут, хожено босою ногою, а от тех-де ям смрадной дух великий, невозможно человеку терпеть, и в виде-де их видали, а ходят-де те дикие люди гораздо скоро, буде от них бе-

жать против солнца и они-де постичь человека не могут, а буде-де в который день сонца нет, и в те-де дни носят они, тунгусы, особое дерево, которое бьет громовою стрелою и тем-де деревом от них отбиваются, а как-де тех дерев с ними не живет и они-де, чюлюг-деи, их, тунгусов, давят, а торгуют-де они, дикие люди, с тунгусами, приносят-де на их ямы птичье перье дятлевого и сойное и делают из прутья деревянные колца и те-де кольца кладут у ям их с перьем вместе для того, как-де они сделают колцо малое и те-де дикие люди за то перье против того кольца малого положат на то ж место своего дела котел большой, а как-де положат кольцо болшое и то-де против того положат котел малый, а говорят-де те люди по-тунгусски, да те ж де дикие люди будто вынимали у дедов и у прадедов их из ловушек их зайцев и коз, а какое-де у них ружье есть ли и для чего дятлевого и сойное перье они емлют и какие у них котлы медные или железные, того-де он, Васька, от них, тунгусов, не слыхал, да видали-де его, Васькины, внучата против своей деревни в ближних местах знать стоячее дерево человеку в пояс обтерто неведомо чем кругом дерева мало не до самого дерева, а тунгусы-де им сказывают, что будто то деревье обтерли те дикие люди, а он-де, Васька, сам того деревья не видел, да он же де Васька слыхал от тех же тунгусов, что в Илимском де уезде, вверх идучи по Илиме-реке на посторонней реке на Тубе ставили-де в прошлых давних годах тунгусы на зверей самострелы и одному-де тунгусу попал на самострел такой же дикой человек, а каков-де он возрастом и приметы и какое на нем было платье, того-де он, Васька, ничего не ведает и от их тунгусов не слыхал».

В результате допроса оказалось, следовательно, что у тунгусов есть старинное предание, будто в горах, в земле, живут дикие люди чюлюг-деи, небольшого рос-

та, об одной руке, об одной ноге и об одном глазе; что они имеют пребывание в ямах, из которых исходит смрадный дух («как железо горит»), что тунгусам случалось прежде с ними воевать, но что они вели также с ними немой торг и обменивали птичьи перья на котлы (неизвестно, медные или железные) и что есть слух, будто однажды такой дикий человек попался в звериную ловушку. В этих смутных рассказах смешались, по-видимому, два предания или поверья; во-первых, что тунгусы вели прежде немой торг с каким-то народом, который занимался железною промышленностью, обжигал железную руду и обменивал металлические котлы на перья, нужные, может быть, для стрельных древков, а во-вторых, что, по рассказам стариков-тунгусов, в земле живут «чюлюгдеи», полу-люди, имеющие только одну руку, одну ногу и один глаз. Последние, очевидно, соответствуют теням умерших енисейских самоедов, которые представляются имеющими человеческий образ, но не вполне, без руки, без ноги или без половины головы, или злым духам (в первоначальной основе тоже, по-видимому, душам покойников), которые также походят на человека, но не совсем, имеют, например, один глаз или два рта и т. п. Возможно, что у самих тунгусов предания о немом торге с каким-то народом, жившим в землянках и занимавшимся обжиганием руды, смешались впоследствии с поверьем о подземных обитателях холодного, загробного мира и в таком виде дошли до русских, у которых и стал распространяться миф о диких людях чюлюгдеях, живущих в ямах.

В заключение нельзя не обратить внимания на язык рассмотренной нами статьи, представляющий несомненные следы архаизма и придающий произведению новгородского писателя-торговца своеобразный отпечаток отдаленной старины.

* * *

А теперь пора перейти от текста Д. Анучина к рассказу о племенах, проживающих в Сибири в наше время. Самыми первыми из народов Западной Сибири русским людям стали известны ненцы, которых русские и называли самоедами.

Ненцы

Ненцы — в настоящее время самый крупный из самодийских по языку народов. Название «ненцы» происходит от слова «ненец» — «человек». Это самоназвание основных групп ненцев европейских и сибирских принято после революции как официальное название всей народности. Архаическое самоназвание *не-нэй ненэц* («настоящий человек») распространено преимущественно к востоку от Оби, частично в ее низовьях и на Ямале.

До революции русские называли ненцев самоедами и юраками. Первое название было распространено на Европейском и Обском Севере, второе — на Енисейском. До XIX века первое название бытовало в форме «самоядь», «самоди» и распространялось на всех ненцев, а также на энцев и нганасанов.

Напомним, что у русских и иностранных исследователей встречаются различные объяснения названия «самоед». Были попытки связать этот этноним со словообразованием «само-ед» (т. е. сам себя едящий), «сам-один» (т. е. одиноко живущий), «семго-ед» (т. е. едящий семгу) и др. Некоторые исследователи сопоставляли название «самоед» с лопарскими (саамскими) словами «самэ-едне» («земля саамов»). Это сопоставление основано на том, что территория расселения

ненцев севера Европейской части России, с которыми впервые встретились русские, была в более древние времена областью распространения лопарей (саамов). Однако окончательное объяснение этого названия еще не найдено.

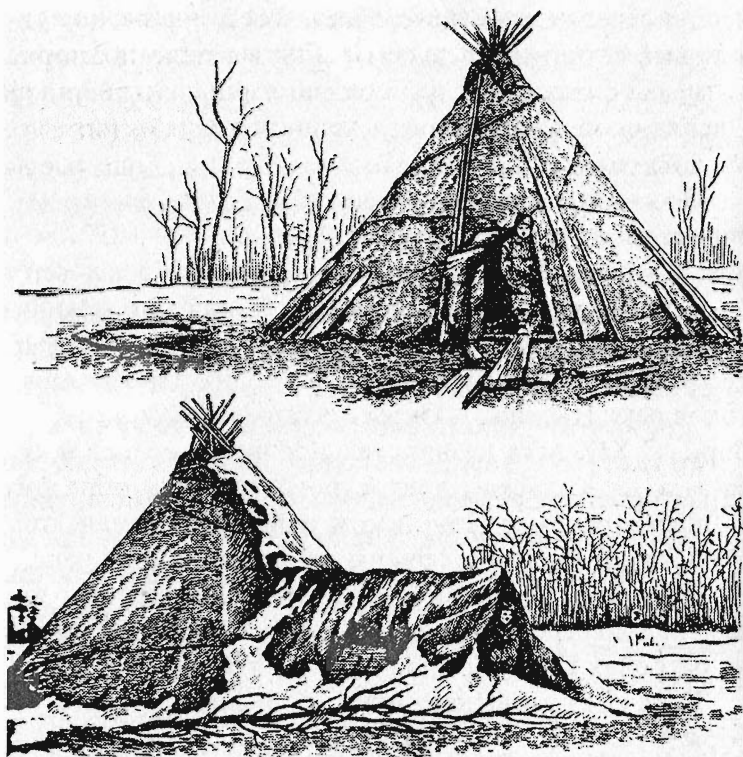
По далеко не полной переписи 1897 года, ненцев насчитывалось 9427 человек, по переписи 1926—1927 годов, охватившей все группы ненцев, — 16 375 человек.

Территория расселения ненцев была очень велика и почти целиком охватывала европейскую тундру и лесотундру от реки Мезени на западе и до левых притоков реки Пясины — Пуры и Агапы на востоке в Сибири. С XIX века незначительное число ненцев проживало на Кольском полуострове (главным образом в Североозерском и Понойском районах Мурманской области). Небольшие группы их заходили и на запад от Мезени до Северной Двины. На севере ненцы расселялись до берегов Баренцева и Карского морей, жили на островах Колгуев, Вайгач, Новая Земля.

Хотя уже довольно ранние летописные сведения говорят о самоедах-оленеводах, имеющих упряжное оленеводство, однако некоторые группы самодийцев (пянахасаво, селькупы), по-видимому, имели вьючно-верховое оленеводство, предшествовавшее современному санному. Исследователи середины XIX века еще застали у южных групп самодийцев вьючное седло.

Основным типом старого ненецкого жилища является конический чум (мя). Чум сооружался из 30—50 (в зависимости от размера чума) шестов, покрывался двумя слоями покрышек, сшитых из оленьих шкур с подстриженной шерстью. Внутренние покрышки клали шерстью внутрь чума, верхние — шерстью наружу. Летом чум покрывался покрышками, сшитыми из вываренной бересты.

Размеры чумов были различны. Богатые хозяйства

Ненецкий чум

ставили большие, постоянно подновляемые чумы. Летние берестяные покрывки могли использовать также только зажиточные хозяева, которые имели возможность выменивать у таежного населения нужную для летних покрывок бересту.

Чум полностью перевозился при перекочевках. Таежные ненцы оставляли остовы чумов на местах стоянок, так как в тайге легко найти материал для шестов. Установка и разборка чумов производилась женщинами, мужчины помогали только при плохой погоде.

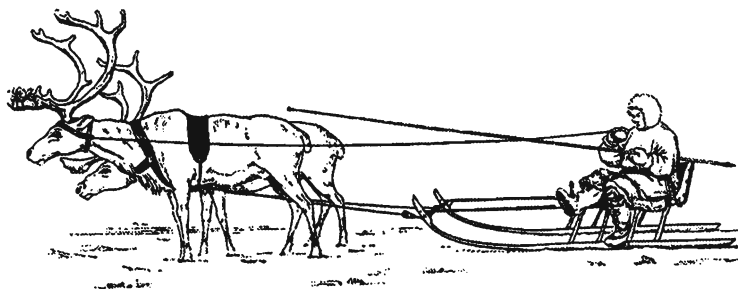
В лесотундре и тайге, а иногда и в тундре, на путях кочевков сооружались амбары на высоких подпорках (тин). В них оставляли временно зимний охотничий инвентарь, меховую одежду, пушнину, продукты.

На зимних и летних стоянках строили дощатые настилы на высоких столбах-подпорках (паре), куда складывали запасы мяса, рыбы, упряжь.

Топливом служили в тайге и лесотундре валежник и сухостой, а в тундре — плавник или кустарник. В местах, где редок даже кустарник, топливом служил черный мох (вид лишайника).

Освещался чум жировыми светильниками, свечами из оленьего жира, замороженного в формах из оленьего пищевода, а чаще всего только огнем из очага, за которым присматривала женщина

Семья спала на оленьих шкурах за пологом, защищавшим спящих от сквозняков. Спали раздетыми, так как в чуме было достаточно тепло. Если кто-либо хотел справить малую нужду, то протягивал из-за полога руку, и женщина подавала миску. Затем содержимое миски выливалось на специально подготовленный блок снега. Утром этот снег выставлялся у нарт, и олени приходили сюда, чувствуя нужду в солях, отсутству-

Ненец в саних, запряженных оленями

ющих в чистом снеге Севера. Здесь их легче было ловить при помощи веревочного аркана.

Первые письменные сведения о ненцах относятся к 1096 году. В летописи Нестора есть следующее упоминание: «Сказа ми Гюрята Рогович, новгородец: послах отрока своего в Печору, людие же суть дань дающе Новугороду, и пришед отрок мой к ним, оттуду иде в Югру, югра же суть язык нем и соседят с самоядью на полунощных странах». Следовательно, в XI веке ненцы были известны новгородским промышленным, торговым людям, проникавшим в глухие окраины. После падения Великого Новгорода инициатива освоения богатых сибирских земель перешла к Московскому княжеству. Целый ряд походов организует Москва за Урал, приводя под «высокую руку» московского князя народы Сибири.

В XVI веке начинается широкое движение русских промышленных людей на восток. Царское правительство строит на ненецких территориях ряд опорных пунктов — острогов, городков. В 1499 году основан Пустозерский острог, а примерно через столетие — Березов (1593), Обдорск (1595), Сургут (1594), Мангазея (1601) и Туруханск (1607). Население этих острогов состояло из служилых людей, крестьян и промышленников. Во главе стояли назначаемые правительством воеводы, управлявшие приписанными к острогу землями. Остроги и городки являлись не только первыми административными пунктами, но вместе с тем и первыми культурными центрами в глухих сибирских землях. Здесь начались регулярные торговые сношения ненцев с русскими. Здесь ненцы знакомились с русской культурой.

У ненцев считалось, что землю и все живущее создало божество Нум, от которого зависело благополучие людей. Сын Нума, Нга, считался злым богом

болезней и смерти. Нум, по верованиям ненцев, не входил сам в нужды людей и помогал им, защищая от Нга, только в случаях обращения к нему с соответствующей просьбой. Эти просьбы и ответы на них Нума передавали небесные духи *тадебцю*, общаться с которыми могли только шаманы. Кроме Нума в представлении ненцев было еще доброе божество Я-небя — «мать-земля», которая тоже помогала людям, в частности покровительствовала женщинам, оказывая им помощь при родах.

Умилостивление духов и божеств совершалось с помощью жертв, приносимых непосредственно духам (например, опускание жертвы водяному хозяину в воду) или их изображениям из дерева и камня, водружаемым в определенных урочищах. Нуму приносили жертвы весной и в начале зимы. Жертвы приносили бескровные — *ханггор* (хлеб, вино, сукно, деньги и т. п.) и кровавые — *хан* (олень, собака).

Жертвоприношения выражались также и в «кормлении» изображений духов (например, духов — хранителей жилища); при неисполнении обращенных к ним просьб их наказывали и «оставляли без пищи».

Шаманство играло у ненцев значительную роль. Шаман считался избранником духов и мог якобы общаться с ними. Функции шаманов были весьма разнообразны: «лечение» больных, «предсказания» будущего, «помощь» в промысле, «нахождение» утерянных или похищенных предметов, похороны и проводы души покойного. В зависимости от выполняемых определенных функций существовали различные категории шаманов.

Основным атрибутом шаманов был бубен. Бубен представлял собой неширокий деревянный обод, на который натягивали оленью кожу; ударяли в бубен деревянной колотушкой. С помощью бубна шаман вы-

зывал духов-помощников, и они, передав Нуму вопросы шамана, сообщали его ответы. Специальное полное шаманское облачение сохранилось в XIX веке лишь у восточных ненцев, у западных имелась только особой формы шапка. Шаманы взимали плату за камлание. Размеры платы (*хасо*) колебались от пары рукавиц или оленьей шкуры до нескольких оленей.

Соседи ненцев — угрофинские народы ханты и манси.

Ханты (югра) и манси (вогулы)

Древнее самоназвание хантов — *кантах*, *хантэ*, что означает и «народ», и «человек». *Югра* — это коми-зырянское и русское название предков хантов и близкородственных им манси, которых прежде называли вогулами. Их языки относятся к более широкой лингвистической общности — финноугорской группе уральской языковой семьи. Термин «югра» обладает какой-то притягательной силой для современной хантыйской и мансийской интеллигенции, он становится символом собственного языка и культуры.

Вещный и духовный мир хантыйского этноса складывался веками, если не тысячелетиями. За столь долгую историю было выработано два фонда культуры: один — общехантыйский, а другой — групповой. Реалии общехантыйского культурного фонда: способ приготовления жарено-копченой рыбы, большие крытые лодки, закрывание лица женщины перед старшими родственниками мужа, медвежий праздник, богатейшее декоративно-прикладное искусство и др. Нужно заметить, что многое из этого фонда известно не только у хантов, но и у других народов. Особенности же объясняются тем, что расселился народ очень ши-

Ханты (югра) в национальных костюмах

роко и у отдельных его групп оказались разные географические условия, неодинаковыми были и традиции соседних народов. Неудивительно поэтому, что ханты Томской области, например, вообще не знали оленеводства, а в Ямало-Ненецком округе тот же народ подстраивал свою жизнь под привычки оленя; первые могут по-настоящему насытиться только рыбой, а вторые — мясом; первые никогда не жили в чумах, а у вторых это основное жилище.

В социальной организации, религии и фольклоре северных хантов большую роль играет деление народа на две половины — Пор и Мось; у восточных же хантов на их месте выступают три группы — Лося, Бобра и Медведя. У первых было обыкновение изготавливать изображения умерших людей, а у вторых — нет. В фольклоре северян у священного зверя медведя

больше подчеркивали его небесное происхождение, а на востоке — земное.

Особенности занятий, традиций, верований требуют долговременного и тщательного изучения каждой группы в отдельности. Пока наука не выполнила такой задачи. И, видимо, поэтому до сих пор нет солидной работы общего характера о традиционной культуре этого народа, хотя подобные книги о соседях — ненцах, кетах, татарах — уже изданы.

Следует отметить, что те моменты истории и культуры хантов, которые привлекали внимание своей яркостью, необычностью, были отмечены уже в ранних описаниях, а позднее нашли отражение в специальных исследованиях.

Уклад семейной жизни хантов был в целом патриархальным. Главой считался мужчина, а женщина во многих отношениях подчинялась ему, при этом каждый имел свои обязанности, свою функцию, благодаря чему регулировались межличностные отношения, создавалась гарантия от конфликтов. Бревенчатый дом строил мужчина, а чум из легких шестов воздвигала женщина; рыбу и мясо добывал мужчина, а готовила их на каждый день и впрок женщина; нарты и лыжи изготовлял мужчина, а одежду — женщина. В некоторых сферах существовало и более тонкое разграничение: например, посуду из бересты делала женщина, а из дерева — мужчина; почти всеми приемами орнаментации владела женщина, но штампованные узоры на бересту наносил мужчина. Конечно, распределение обязанностей было не абсолютным. Мужчина при необходимости сам мог приготовить пищу, а среди женщин были замечательные охотницы.

Когда в хантыйской семье появлялся на свет новый человек, здесь его ждали сразу четыре мамы. Первая мама — которая родила, вторая — принявшая

роды, третья — та, что первой подняла ребенка на руки, и четвертая — крестная мама. Ребенок очень рано начинал ощущать и свою роль будущего родителя. У северных хантов считалось, что в новорожденного вселяется душа кого-либо из умерших, и нужно было определить, чья именно. Для этого проводилось гадание: называли поочередно имена умерших родственников и каждый раз поднимали люльку с новорожденным. На каком-то из имен люлька как бы «прилипала», ее не могли поднять. Это было сигналом, что к ребенку «прилипла» душа названного человека, чье имя и получал ребенок. Вместе с именем к нему как бы переходила и родительская функция. Дети умершего человека считались теперь детьми новорожденного. Они называли его мамой или папой, делали подарки и относились как ко взрослому.

Девочка в два-три года уже умела собрать из бисера браслетик, а мальчик — набросить аркан на любой предмет, напоминаящий ему оленя. В шесть лет ребенок мог получить в самостоятельное управление оленью упряжку, набрать за сезон десятки килограммов ягод. С 12 лет девочка умела самостоятельно вести домашнее хозяйство, а мальчик ходил один на охоту.

Историк С. В. Бахрушин написал специальную работу об остяцких и вогульских княжествах, где доказывал, что в XV—XVI веках здесь складывались уже феодальные отношения. У этой точки зрения были свои сторонники, но еще больше противников. Относительно князцов известно, что должность эта была выборной и ее носители почти не отличались от простых людей; в архивных документах встречаются сообщения такого рода: «Князец... с голоду помре». В военное время они становились предводителями, «богатырями», о которых сложено немало героических сказаний и песен. Одни князья-богатыри отличались

силой, и тело у них было «как бы из сплошной массы серебра и золота», а другие — красотой, главным признаком которой считались белизна и прозрачность тела. Под одежду они надевали кольчуги из металлических колец, известны были и панцири из рыбьего клея. Оружием богатырей были меч, копье, лук со стрелами, боевой топор и дубинка.

С детства из них воспитывали бойцов. Их любимым занятием была охота на крупного зверя — лося и оленя. Во время военных игрищ они состязались в стрельбе из лука в цель, прыгании через ремни, в борьбе, беге, метании каменных глыб ногами. Уверенные в своей силе богатыри смело шли навстречу врагам и любили опасности, преодоление которых доставляло им новую силу. Они были рыцарями по духу: свято соблюдали данную ими клятву, проявляли великодушные к врагу, просившему пощады, мстили за убитых родственников, заботились о рядовых воинах и простых людях. Им были доступны тайны природы, скрытые от простых смертных. О многих из них сложены былины, а сами богатыри почитаются как духи-покровители и по сей день.

Поскольку главными отраслями хозяйства основной массы хантыйского населения были охота и рыболовство, важнейшую роль играла собственность на промысловые угодья. До завоевания Сибири царской Россией они, естественно, принадлежали местным жителям. В целом это положение сохранилось по отношению к наиболее важным угодьям и в XVIII—XIX веках. У властей тогда не раз возникала идея об обложении угодий оброком, однако до осуществления ее дело так и не дошло, ибо власти признавали, что в таком случае аборигены понесут «немалое отягощение и останутся с семействами без пропитания». Например, в первой половине XIX века жители Березов-

ского края имели в своем владении рыбные участки протяженностью в 9 тысяч верст. Они принадлежали, как правило, жителям близрасположенных юрт и были поделены между семьями. Границы угодий точно определялись по речкам и мысам.

Владение угодьем означало не частную собственность, а только право пользования. Уважая это право, хант считал чужое угодье неприкосновенным и не позволял себе охотиться там или ловить рыбу. Когда во время охоты зверь перебежал на чужое угодье, то охотник прекращал преследование, если же все-таки убивал зверя, то шкуру отдавал владельцу территории, а мясо брал себе. Даже срубить дерево для долбленной лодки на чужом угодье считалось проступком. Однако в этих нормах обычного права были разумные границы. Голодный человек не только мог наловить себе рыбы на чужом угодье, но даже взять ее из чужой ловушки — правда, лишь столько, чтобы поесть. Владение территорией не давало права закладывать или продавать ее, можно было лишь сдать ее в аренду, да и то с согласия других жителей селения. Арендаторами были преимущественно русские рыбопромышленники, которых особенно влекли «пески» — удобные места для лова; дающие устойчивую прибыль в течение многих лет. По договору владелец угодья и арендатор делили добычу пополам и, кроме того, первый получал от второго плату деньгами. Ее размер зависел от качества, удобства «песка».

Многие столетия ханты добывали пропитание небольшими коллективами — семьями, в отдельных случаях — несколькими семьями, но чаще все-таки в одиночку. Чтобы свести к минимуму экологический урон, вызванный необходимостью существования только за счет природы, приходилось жить маленькими поселениями. Они были удалены друг от друга на многие де-

сятки и сотни километров, разделены болотами, тайгой и реками. Реки разъединяли людей, но благодаря лодкам одновременно и соединяли; тайга и тундра разъединяли, но лыжи, олени и нарты соединяли. Не будь этих средств передвижения, непреодолимы были бы реки, тайга и болота. Именно в таких малых разобщенных коллективах сформировался и развился обычай таежного сибирского гостеприимства, который так украшает хантов и по сей день. Сохранялся он и позднее, когда значительная часть народа была втянута рыбопромышленниками в большие артели, а поселения стали крупнее прежних.

В традиционных условиях при коллективном лове рыбы или охоте добыча делилась на равные части, т. е. это была коллективная собственность. Собственностью семьи считались большие сети и неводы, большие крытые лодки, жилище, часть оленьего стада. В личном владении находились орудия труда, часть оленей, у женщины — изготовленная ею печь и утварь. Юридическим знаком собственности была тамга. Ею помечали предметы и животных, например у оленя делали вырез на ухе, а также «подписывали» сообщения на затесе дерева либо официальный документ. Такой «подписью» служили изображения зверей, птиц, предметов, шайтана, земли, человека, дерева и пр. Тамги были личными и коллективными. Например, в XVII веке личные тамги хантов Березовского уезда — это черточки, расположенные особым образом, а коллективные — изображения птицы, дятла, оленя, воробья, орла, медведя, журавля, тетери, выдры, белки, россомахи, соболя, лисицы.

Г. Новицкий писал, что остяк «в лютыя зимы время... в снегу или разселинах ледоватых утворяет себе жильье... Как это делается? При ночевке в пути, особенно если охотник плохо одет, он делает снежную

нору *согым*. Снег на стоянке сбрасывается в одну кучу, и в ней сбоку выкапывается проход. Внутренние стены нужно быстро закрепить, для чего их вначале немного подтаивают с помощью костра и бересты. Спальные места, т. е. просто землю, покрывают еловыми ветками. Ветки пихты мягче, но их нѣ то что стелить — даже рубить нельзя; считалось, что это дерево злого духа.

В старых письменных источниках рассказывается и о больших зданиях, в которых проводились общественные культовые церемонии. Это, собственно, жилища, но большие. В них проводились моления и жертвоприношения, медвежьи праздники. Для хранения медвежьих черепов в лесу строили небольшие срубы на столбах.

Особые постройки связаны у хантов с рождением и смертью человека. На время родов, а также в период менструации женщина переходила жить в так называемый «маленький дом». Это избушка или чум, но меньших размеров. Невысокие дощатые, реже бревенчатые постройки, тоже своего рода «маленькие дома», ставили на местах захоронений — как наземных, так и подземных. Там, где существовал обычай изготавливать изображения умерших, для них строили миниатюрные дома или просто ящики на высокой подставке.

Как велики были традиционные поселения хантов? Это мог быть и один дом, и селение *пугол*, *курт* «до ста дымов», и городок-крепость *вош*, *ват*. В фольклоре нередко рассказывается о женщине из одинокой избушки либо о герое, живущем с бабушкой и не видевшем с детства людей.

Что необходимо для любого поселения? Источник воды поблизости, дрова и ягель. При истощении сухоостоя и ягельника люди переселялись и ставили новые избушки, в 10—15 км от прежних. Вероятно, так шло

постепенное освоение необжитых пространств и в древности.

Этот процесс не всегда шел мирно. Бывало, предки хантов заходили на уже обжитую территорию или, напротив, к ним приходили чужаки, стремясь поживиться оленями, уничтожить мужчин и забрать женщин. Для спасения от врагов старались селиться в укромных местах, строили жилища с подземным выходом к реке. С давних пор предками хантов разрабатывалась и система оборонительных сооружений. Укрепленные городища найдены археологами у поселков Шеркалы, Перегребное, в других местах, но более всего — на Барсовой Горе вблизи Сургута.

Если бы две тысячи лет назад коневодам степей провидец сказал, что их потомки будут жить в таежных дебрях и ходить по глубокому снегу на подбитых мехом лыжах, то коневоды подняли бы на смех такого провидца. Но судьба сложилась именно так: сейчас ханты и лес неразделимы. Во всех случаях здесь мера вещей — сам человек. Человек себя знает лучше, чем другого, поэтому для себя он все должен сделать сам — от рукояти ножа до жилища. При первом взгляде на хантыйские изделия можно поразиться: до чего все одинаково! Одинаковы лыжи, ножи, ловушки, берестяные коробки. Но — стоп! Это ошибка! Все — разное. Любой хант-охотник из тысячи ловушек найдет свою и отличит от многих других не только свои лыжи, но даже их след.

Все это потому, что предметы, сделанные человеком для себя, очеловечены. Он их сделал так, чтобы они нравились. Если вещь нравится человеку, значит, между ними имеется незримая нить, которая прочно их связывает. Хант никогда не делает заготовки для десятка топорищ, как и никогда не делал заготовок для десятка охотничьих луков. Что это будет за нить,

которая связывает тебя одновременно с десятком луков! Поэтому хант делает одно топоричье от начала до конца: выбирает дерево, срубает, сушит, строгает, опять сушит и опять строгает. Вещь готова. Теперь можно браться за другую, если она тебе нужна.

В старинных источниках хантов называют рыбо-ядцами. Какими же способами добывали они рыбу? Один из древних приемов — установка запоров *вар* в виде щитов, сплетенных из длинных сосновых дранок или прутьев. Отсюда возник термин «запорное рыболовство». В некоторых местах оно являлось основой жизнеобеспечения, и это нашло отражение даже в названиях периодов, на которые распадается хантыйский год: период малых запоров, период больших запоров. В зависимости от погоды и общего уровня воды эти периоды лишь приблизительно соответствуют июню—июлю. Пользоваться понятием «период» рыболову, конечно, удобнее, чем понятием «месяц»: ведь подъем и спад воды не обязательно приходился ежегодно на одни и те же числа календарного месяца. Далее следуют периоды линной утки, выхода рыбы из лесных соров, период щокура, замерзания малых лужиц, замерзания рек, коротких дней и т. д. Всего периодов было 13. Каждый из них отражает характерную особенность года или хозяйственной деятельности.

«Олени — наши друзья», — говорят ханты. Первую специальную работу о роли этих животных в жизни народа написал в 1772 году В. Зуев — солдатский сын, ставший академиком. «Щастлив из них тот, — пишет он, — коего Бог благословил стадами оленей; такой уже почти никогда ни о чем не думает, хотя ходит также и за звероловством; однако сей труд принимает на себя от безделья, либо от великой скуки; оленей же кто стада содержит, тот у них и богатым на-

зывается, ибо никогда голоден не бывает». Это суждение относится к северным хантам, но оленеводством занимались и в более южных районах. По фольклорным данным, оно было известно на широте Конда — Иртыш — Демьянка, а сейчас южная граница проходит по реке Юган. Больше всего науке известно о традиционной системе оленеводства восточных хантов.

Откуда и как появились у хантов домашние олени? В устной традиции народа это объясняется и естественным, и сверхъестественным образом. Например, кочующие по Полярному Уралу оленеводы сязи рассказывают, что у них олени повелись от дикого олененка, прирученного прадедушкой. У дедушки было уже сто самцов-хоров, не считая самок-важенок. Есть также предание о споре между казымскими хантами и народом *ахус-ях* по поводу оленей, принадлежащих казымской женщине-духу. В конце концов стадо было поделено так, что кому достался один олень, кому — десять. По представлениям юганских хантов, домашних оленей создал или пригнал с Казыма их местный дух *Ягун-ики*.

Олень ханту жизненно необходим. Утилизация оленьих туш, как и рыбы, у них практически безотходна. Необработанные шкуры оленя — это подстилки на спальные места и нарты, а из обработанных шьется одежда и утварь. Шкура, снятая целиком с головы олененка, идет на капюшон детской одежды, а со лба взрослого оленя — на подошвы обуви и сумки; уши — это напалечники для рукавиц. Из туловищной части шкуры выкраивается стан мужской и женской одежды. Из камусов — шкур с ног оленя или лося — шьют полотнища для подклейки лыж, а также обувь и рукавицы или же обтягивают шаманскую колотушку. Оленья «щетка» — кусочек шкуры с крепким ворсом на

копыте — вшивается в подошву обуви. Обработанная оленья кожа (замша) служит для многих бытовых поделок и для обтягивания шаманского бубна. Шерсть оленя — подтирочное средство для детей. Длинный подшейный волос используется для расшивания по коже. Из сухожилий изготавливаются нити и струны для музыкальных инструментов. Олень — это целый набор пищевых продуктов, а жир, печень и содержимое желудка идут на обработку шкур. Рога и крупные кости — материал для топора и ножа, различных рукояток, наконечников стрел и хореев. Из них же делали ножевидные пластины для чистки рыбы, скребки для шкур, проколки и иглы, игольницы и крепилки для ниток, блоки к оленьим нартам и пряжки для упряжи и мужских поясов, чесалки для спины и ухочистки, пистонницы и пороховницы, губной музыкальный инструмент и многое другое.

Впрочем, все это можно получить, убив и дикого оленя. А домашний имеет еще одну важную функцию — тягловой силы, транспортного средства. Он везет нарты по глубокому снегу и по летней тундре, переходит топкие болота и горные реки. Такому вездеходу не нужны ни дороги, ни фары — его глаза видят в темноте. Его «мотору» не нужно покупать горючее, и он не заглохнет в критическую минуту, не оставит хозяина замерзать в пургу. Олень имеет огромное преимущество перед другими домашними животными, находясь круглый год на подножном корму. Летом его пища — листья, молодые побеги, трава и грибы, а зимой он разрывает снег копытами и добывает мох-ягель. Это и многое другое объединяет домашнего оленя с диким, которого называют также *вели*, *вули*, но с определениями «лесной», «божий» олень. Во время гона дикие самцы заходят иногда в стадо домашних и ходят с ним

некоторое время. Один из способов охоты на дикого оленя — подпустить к нему домашнего обученного манщика с арканом на рогах. Во время боя оленей рога дикого запутываются на аркане. Характеры у них разные. Одни остаются полудикими и избегают человека, другие легко приручаются и даже тянутся к людям — их привлекает возможность поесть сухую рыбу и сухари,лизать мочу — она соленая. Отбившиеся от стада животные быстро дичают, иногда их приходится приручать снова. Ханты различают диких и домашних оленей по окрасу, длине ног и форме рогов.

Что умела делать хантыйская женщина? Обработать шкуру животного — будь то олень, птица или рыба, сделать из шкуры замшу. Изготовить нитки из сухожилий, крапивы или овечьей шерсти. Из крапивных нитей соткать полотно, а из шерстяных сплести пояс либо носки. Из самодельных и покупных материалов сшить покрытие для жилища, полные комплекты одежды для всех членов семьи и различную мягкую утварь. Заготовить и обработать бересту, сшить из нее покрытие к жилищу и различную посуду. Обработать траву для стелек в обувь и сплести из нее циновки. Приготовить составы для смягчения шкур, окраски различных материалов и их склеивания. Выполнить причудливые узоры из меха, ровдуги, бересты, ткани, бисера, пуговиц, металла. Все работы выполнялись вручную, с применением простых и удобных инструментов.

О заготовке и обработке бересты тобольский краевед Гр. Дмитриев-Садовников написал в начале XX века специальную статью. Для утвари бересту заготавливали женщины, а для покрытия жилища — мужчины. Ее снимали трижды в году: весной по насту, в пору цветения шиповника и осенью, когда опа-

дает лист. Выбирали березы, растущие в глубине леса среди высокого осинника, где они стройнее и имеют от корня высокий и гладкий ствол. Вначале ножом делали вертикальный надрез, углубляясь до луба, затем два горизонтальных надреза по высоте снимаемой части. У надреза слегка отделяли ножом бересту от луба и отдирали руками. В свертках ее уносили домой и обрабатывали в зависимости от назначения. Для посуды, охотничьих манков, поплавок и т. п. с бересты удаляли белую пленку и разрезали на куски нужной формы. Для покрытия жилищ, лодок и на пологи нужно было сшить большие полотнища и требовалась гибкая, эластичная береста. Для этого ее проваривали в воде и даже рыбьем жиру, поставив свертки в большой котел и накрыв сверху мхом и пихтовой корой. Кипятили на костре не менее дня, и такую нагрузку выдерживали, не прогорая, лишь старинные котлы. Сшивали бересту, пользуясь проколкой из ребра молодого оленя или лося, а позднее — обычным шилом. Шов выполнялся пластинками из черемухового прута.

Ханты поклонялись своим богам. И свою веру сохранили до сих пор. Один из основателей мировой этнографической науки американский ученый Льюис Морган писал: «Религия в столь широкой мере связана с воображением и эмоциональной природой человека... с неопределенными предметами знаний, что все древние религии оказываются странными и до известной степени непонятными». Эти слова были произнесены во второй половине XIX века, когда многие естественные науки делали большие успехи. Л. Моргану как бы вторил К.Ф. Карьялайнен: «У современных остяков мир духов очень богат, настолько богат, что, наверно, никогда никому не удастся выявить число и

имена всех этих духов». Проблемами религии северных народов занимались русские, финские, венгерские ученые. Не прекращается исследовательская работа и в настоящее время.

Основная сложность, с которой встречаются исследователи, связана с необходимостью определить, сменялись ли верования или одни дополняли другие. Какие верования являются общими для всех коренных народов Сибири, а какие можно считать только хантскими? Как происходила и происходит замена различных верований современным материалистическим мировоззрением?

При исследовании подобных вопросов недостаточно одних лишь этнографических сведений, полученных от представителей разных поколений. Как давно возник и стал распространяться тот или иной обычай, можно установить по археологическим данным. Варианты толкования обычая дают мифы, предания и сказки — смотря по тому, какую древность они отражают. Первым из угроведов, кто применил комплексный метод, в частности для исследования представлений о душе, был советский ученый В. Н. Чернецов.

Когда работы В. Н. Чернецова были дополнены исследованиями других ученых, выяснилось, что представления о невидимых душах и духах — хозяевах предметов — в воззрениях хантов не являются первоначальными, а следовательно, единственными. Этим представлениям предшествует еще более древний пласт верований, который в специальной литературе называется фетишистским. Суть его заключается в том, что сами предметы на какой-то стадии развития общественного сознания наделялись сверхъестественными свойствами. Живыми и способными оказывать влияние на человека (помогать или, наоборот, вредить)

считались предметы, похожие на какого-либо зверя, рыбу, птицу, человека и т. д. В далекие времена возник обычай подбирать и бережно хранить такие предметы-амулеты, и не только подбирать, но и делать самим. Идолопоклонство, которое сквозь многие тысячелетия донесло до наших дней обычай грубо вытесывать человеческие фигуры, обязано своим происхождением именно этим представлениям. Неизвестно, когда, как и где зародился подобный обычай: он широко распространен у всех народов мира. Особенность хантской культуры состоит в том, что этот пласт верований относительно слабо деформирован более поздним — анимистическим.

Анимизм основан на признании духов и душ. В культуре же хантов сохранился тот древний пласт верований, который не связан с представлениями о духах. Следовательно, когда-то давно помощниками предков хантов в их нелегкой охотничьей жизни были не духи, а сами животные или фигурки этих животных.

К тому же далекому периоду относят тотемистические представления, предполагающие веру в родство той или иной группы кровных родственников (рода) с каким-либо животным. Возникает запрет убивать и есть это животное, формируются различные варианты его почитания или даже культ. В различных местах проживания хантов фиксировались отдельные формы почитания и запрет употреблять в пищу некоторых зверей и рыб. Н. Харузин, В. Н. Чернецов, З. П. Соколова считают, что это и есть указание на существование в прошлом тотемизма. Другие ученые, как, например, К. Ф. Карьялайнен, полагают, что причин почитания может быть много и вовсе не обязательно их связывать с верой в прямое родство человека и зверя.

Медведя в прошлом почитали повсеместно, приписывая ему способность охранять членов семьи от болезней, разрешать возникшие между людьми споры, подгонять лося к самострелу охотника. В прошлом каждая хантыйская семья имела медвежий череп, и сейчас, когда молодежь с недоверием и скепсисом стала относиться к древним святыням, наверное, на чердаке каждого дома можно найти медвежий череп, заботливо упрятанный кем-то из стариков. Исследователи, побывавшие у хантов в начале нашего века, видели своими глазами, как медведь «выступает» в роли судьи и поборника справедливости. Обвиняемый в краже держал в руках медвежью лапу или стоял перед черепом и говорил: «Если я взял зверя из чужой ловушки, то ты, лесной старик, разорви меня вот этими когтями».

Лесным человеком медведя называли неслучайно. В отношении к этому зверю сочетались два противоположных взгляда: с одной стороны, он зверь, объект охоты, источник пищи, а с другой — бывший человек, родственник, родоначальник. Это даже сверхчеловек, потому что когда-то он был младшим сыном бога *Тору́ма*, но последний за непослушание спустил его с небес на землю. По наказу бога-отца медведь вмешивается в людские судьбы, наказывая виновных и освобождая от наказания безвинных.

Отношения между людьми, добывшими медведя, и самим медведем раскрываются на так называемом медвежьем празднике. Его назначение исследователи усматривают в стремлении помирить медведя (его душу) с убившими его охотниками. В обрядах праздника он тоже выступает в двух упомянутых ипостасях: как зверь — источник пищи (туловище без шкуры) и как родственник человека, его предок, возвышенное существо (в этом качестве выступает шкура с

неотделенными головой и лапами). Церемонии в течение всего праздника были направлены в адрес родственника-предка.

Представления о медведе схожи у всех групп угров, исследователи предполагают их общую основу. Если учесть, что распад угорской общности, т. е. начало обско-угорского времени, относится к рубежу II и I тысячелетий до н. э. то нетрудно представить, сколько исторических эпох отражает медвежий праздник. Здесь прослеживается древний автохтонный сибирский пласт, проявляющийся в запрете убивать предка. В костюмах танцоров на медвежьем празднике и в кукольном театре выявляются формы, хорошо известные по иранскому миру. В драматических сценках праздника обнаруживается сходство со знаменитой итальянской комедией дель арте.

Почти везде почитался лось. Это был символ достатка, благополучия. На Васюгане зафиксировано поверье о неожиданно появляющейся из земли белокаменной фигурке лося. Считалось, что она может появиться не перед всеми, а только перед тем, кого ожидает удачная охота. Большим почитанием пользовалась лягушка, которую называли «между кочек живущая женщина». Ей приписывали способность дарить семейное счастье, определять количество детей, облегчать роды и даже играть заметную роль при выборе брачного партнера.

Но не только с животными люди связывали свою судьбу, а и с предками. Современный обычай чтить память умерших уходит корнями в глубочайшую древность. На заре истории людям было чуждо представление о полной смерти, и смерть понималась как переход из одного состояния в другое, из одного мира в другой. Поэтому люди полагали, что ушедшие в дру-

гой мир небезучастны к судьбе оставшихся, и если по отношению к ним проявлять заботу, то такую же заботу проявят и они к своим потомкам. Некоторые религиоведы предлагают даже считать культ предков самостоятельной формой верований.

Предки хантов искали поддержки и у деревьев. Пару растущих рядом больших деревьев называли дедушкой и бабушкой; кроме того, дерево мыслилось как лестница, которая связывала земной, подземный и небесный миры. Дедушками и бабушками называли не только деревья, но и отдельные мысы — как на Васюгане мыс *Пяй-ими* «Старушка», вдающийся в озеро Тух-эмтор. Проповедники христианства удивлялись, когда узнали, что ханты такой мыс почитают больше, чем Иисуса Христа.

Много тысячелетий насчитывает почитание огня, особенно домашнего очага. Считалось, что огонь предсказывает ближайшие события, разговаривая треском, писком. Были даже особые специалисты, которые могли с ним общаться. Место очага в жилище было специально огорожено, и внутри границы находился таинственный мир *най* (очажного огня), тогда как просто огонь — горящую палку, горящий лес ханты называли *ту гут*. В огонь, по поверьям хантов, нельзя бросать мусор или плевать, нельзя трогать железными предметами — все это оскорбляет его или причиняет боль.

Богами были и фантастические человекоподобные существа. Из них наиболее известен «хозяин рыб» — Обской Старик, высеченный из дерева, у которого нос был «аки труба жестяны, очеса стекляны... Его изображение стояло у впадения Иртыша в Обь и «притягивало» рыбу носом, как хоботом. У иртышских хантов была известна своей неограниченной властью богиня

Санге, которая пребывала в стороне восходящего солнца и вообще ассоциировалась со светом. (У восточных хантов на нее похожа *Анки-Пугос*, а у северных — *Кал-тась*.) Считалось, что с лучом солнца она посылает душу новорожденного, и только благодаря ей происходит зачатие.

С существами более низкого ранга, которых почему-то на русском языке называют духами, отношения строились на принципе взаимной услуги, по формуле: «Дай, и тебе будет дано». Домашние духи различались по своим силам и способностям. Нередко добычливость какого-нибудь человека объяснялась способностями его домашнего духа, который приобретал славу, и к нему начинали обращаться из других семей. Так семейный дух приобретал статус общественного. Хозяин угощал своего духа, просил у него благополучия семье, удачи в промысле.

Духами-хозяевами мест наделялись примечательные участки окружающей природы: берега больших озер, пещеры, возвышенности, острова среди болот. Духи эти имели видимый образ — будь то красивое дерево, диковинный камень, поставленный человеком столб либо вырезанная из дерева антропоморфная фигурка. К ним обращались за помощью по конкретному поводу либо приносили жертву «на всякий случай» — и поодиночке, и коллективно. Жертвоприношение с молением происходило на священных местах, там, где «жил» дух — природный или рукотворный. Существовало деление на мужские и женские священные места, но были и общие. Нужно отметить, что коллективные святыни не были закрыты и для поклонения представителей других народов. Однако последние нередко грабили и разоряли святилища, поэтому ханты стали скрывать их местонахождение.

Несмотря на все старания миссионеров, христианские догматы не были усвоены хантами так, как хотелось бы деятелям русской церкви. Охотники и рыбаки считали древних идолов и шаманов куда более надежными помощниками, чем Иисус Христос или Богородица. А учение о блаженстве одних умерших в раю и вечном мучении других в аду и вовсе никак не вязалось с привычными представлениями о том, что живые на земле и мертвые под землей одинаково занимаются охотой и рыбной ловлей. В. Н. Татищев, наблюдавший быт новокрещеных, не случайно писал в начале XVIII в.: «Митрополит Филофей Лещинский не более сделал, как их перекупал, да белые рубашки надел, и оное крещение почитал».

И все-таки за два с лишним века, прошедших с начала христианизации, традиционные воззрения затейливо переплелись с некоторыми элементами христианства. Например, к христианским иконам ханты стали относиться так же, как к духам воды и леса: им приносили жертвы в виде кусков ткани и украшений. Бог *Торум* ассоциировался со святым Николаем. Ханты так его и называли: *Микола-Торум*. Считали, что по небу он ходит на подбитых лыжах (по Млечному Пути), следит за миропорядком, наказывает за нарушение древних норм поведения. Возвращаясь с добычей, *Микола-Торум* сам распределяет ее поровну между членами своего рода. Хантыйская богиня *Анки-Пугос* стала восприниматься как Богородица. А Богородица, в свою очередь, оказалась наделенной функцией ясновидения. Это произошло потому, что в хантыйской среде были уважаемы женщины, которые по сновидениям предсказывали будущее.

В настоящее время традиционные ритуалы отправляют в основном только лица самого старшего возраста.

ста. Лучше всего сохранились обряды погребального комплекса и все то, что связано со здоровьем и личным благополучием. Отсутствие общественных культовых мест для пожилых людей компенсируется наличием индивидуальных. И далеко не все среди хантов встали на позиции атеизма по той причине, что он полностью разрушает привычную для них систему взглядов. Одновременно идет поиск компромиссов, которые поддерживают контакт прошлого с настоящим и сохраняют психологическую устойчивость индивида. Например, молодой охотник с реки Пим рассказывал, что раньше люди были неграмотные и верили, будто мамонт, который живет под водой, может проглотить целый пароход. Сам охотник в это не верил, но допускал, что мамонт может перевернуть лодку. Действительно, не только у этого человека, но и у других очень устойчивы представления о живущем в воде чудовище-мамонте, рога-бивни которого находят по сей день в береговых отложениях. Однако религиозными эти представления можно назвать лишь с большой натяжкой, и параллели им легко найти в современном так называемом «цивилизованном» мире.

История хантыйского шаманства не поддается расшифровке, несмотря на старания венгерских, финских и советских ученых. Ясно лишь одно: когда Сибирь была присоединена к Русскому государству, да и в последующие времена шаманство у разных народов этого обширного края было развито в разной степени. Его наиболее развитые формы, включая богатый костюм, сложную символику деталей и рисунков, длительный обряд камлания и разные способы приобретения шаманского дара, многие исследователи наблюдали у народов Алтая, Нижнего Амура, тунгусов, но только не у хантов.

В лексиконе хантов есть термин для обозначения человека, который бьет в бубен, созывает духов-помощников и лечит больного. Этот термин — *ел, ел-та-ку* (у северных хантов *чертан-ку, терден-хой*), что буквально означает «ворожит человек». «Ела!» — не то просят, не то приказывают люди, собравшиеся вечером у костра возле жилища шамана. «Поворожи!» — так это звучит на русском языке. И шаман должен выполнить их просьбу. А если не выполнит, то его собственные духи-помощники, которые под видом зверей, птиц и букашек беспрекословно подчиняются и разбегаются в поисках души, вдруг выходят из повиновения и хлещут своего хозяина по лицу ремнями, царапают когтями.

Нелегко шаману отказаться от своего призвания. Стоит хотя бы раз отвернуться от духов, прогнать их, как придет их еще больше. Они будут являться во сне, заглядывать в окна, красть пищу, вернее, не саму ее, а то, что насыщает едока, — дух пищи. Избранник будет недосыпать, недоедать и, наконец, умрет. Уж лучше согласиться!

Вот это и есть одна из особенностей хантыйского шаманства. У других народов шаман повелевает людям, т. е. стоит над обществом, а здесь он сам находится под контролем общества. Хантыйский шаман занимался охотой, рыбной ловлей и вообще обеспечивал полностью себя сам. Никаких привилегий: на медвежий праздник — наряду с другими, на похороны — наряду с другими, а после камлания получал лишь небольшой подарок в виде кисета, рубахи, трубки. Не то что у алтайцев, где одно камлание стоило чуть ли не стада баранов. Отсюда и роль, вес, место хантыйского шамана: он не носитель идеологии общества, а скорее отражатель ее. Да и об идеологии говорить

здесь надо с известной осторожностью, так как это понятие относится к обществу социально расчлененному. О каком же расслоении можно говорить, если шаманы работали наряду со всеми? Поэтому историки-первобытники чаще пользуются терминами «мировоззрение», «миропонимание» и т. д.

Основной обязанностью шамана было лечение: различные состояния человека объясняются состоянием его души и действиями всевозможных духов. Общество находит особых лиц, которые якобы видят духов, невидимых для прочих людей. Они и становятся посредниками между людьми и духами.

Северные ханты полагали, что излечивает местный дух — Вежакорский Старик, а шаман может лишь перевести его слова людям и указать, какую жертву просит этот старик. В других местах, например на Вахе, шаманство было развито больше, поэтому упомянутый нами *Муйт-ики* имел возможность общаться с шаманом, который улетал сам (вернее, душа) к богу *Торуму*.

Своеобразной категорией были лица *исылта-ку*. Своими фокусами они могли заставить людей плакать, почему и получили такое необычное название. Рассказывают, что они могли проколоть себя насквозь, вскрыть живот и достать кишечник, поймать на лету стрелу и ружейную пулю. Такое умение позволяло им лечить многие болезни. «Вскрыв» живот пациенту, *исылта-ку* якобы удалял причину болезни: показывал больному извлеченного духа — носителя болезни в виде червяка или чего-то в этом роде. Носителя болезни он немедленно съедал, потому что все духи считались бессмертными и могли быть уничтожены только шаманом...

Много еще остается белых пятен в тысячелетней

истории хантов, но ее основные вехи в науке все-таки обозначены.

Хантыйская земля сегодня — это страна контрастов. Здесь есть такие места, где, как и много столетий назад, охотник в спокойном сосредоточении читает замысловатую вязь соболевых следов. Здесь время сохраняет свой прежний темп. Но в отдельных местах от хантыйской культуры не осталось и следа. Там на охотничьих угодьях высятся буровые вышки, а на местах рыболовных запоров установлены мощные дренажные системы. Много из того, что являлось необходимой частью бытия, из чего состояла культура в целом, ушло безвозвратно. Кое-что уходит прямо на наших глазах¹...

Манси как этнос сложился в результате слияния племен уральской неолитической культуры, угорских и индоевропейских племен, двигавшихся через степи и лесостепи Западной Сибири и Северного Казахстана. Двухкомпонентность (сочетание культур таежных охотников и рыболовов и степных кочевников-скотоводов) в культуре манси сохраняется и поныне.

Первоначально манси были расселены на Южном Урале и его западных склонах, но под влиянием коми и русских (XI—XIV века) переселились в Зауралье. К концу XVII века количество русских превышало здесь число коренного населения. Манси постепенно переселялись на север и восток, часть их была ассимилирована.

Основные традиционные занятия — охота и рыболовство, у части манси оленеводство. На Оби и в низовьях Северной Сосьвы преобладающим занятием было рыболовство. Жители верховьев рек занимались

¹ Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск: ВО «Наука», Сибирская издательская фирма, 1992.

преимущественно охотой, некоторые выезжали на Обь для сезонной рыбной ловли. Охота была мясная (олень, лось, боровая и водоплавающая птица) и пушная, имевшая в значительной степени товарный характер. Из пушных зверей на первом месте стояла белка, в прошлом соболь. В верховьях рек Лозьва, Северная Сосьва и Ляпин, где была возможность уйти для летнего выпаса в горы на Урал, основным занятием было оленеводство, сложившееся в XVIII веке под влиянием ляпинских ненцев. Количество оленей было невелико, их использовали в транспортных целях.

В 1923 году территория манси вошла в Тобольский административный округ Уральской области. В 1930 году был образован Остяко-Вогульский (с 1940 — Ханты-Мансийский) национальный (с 1977 года — автономный) округ. Коллективизация 1930-х годов и особенно кампания 1950—1960-х годов по укрупнению поселков манси сильно отразились на состоянии их национальной культуры.

Традиционная женская одежда — платье на кокетке, халат хлопчатобумажный или суконный, зимой сахи — двойная меховая шуба. Одежда была богато украшена бисером, аппликацией, цветным сукном и меховой мозаикой. Большой платок с широкой каймой и бахромой, сложенный неравным треугольником, носили наброшенным на голову и плечи, со свободно свисающими концами на груди. Концом платка женщина (как и у хантов) закрывала лицо в присутствии мужчин — старших родственников мужа (свекре, старшем брате, дяде и др.) или зяте (обычай избегания). Мужчины надевали рубахи, по покрою похожие на женские платья, штаны и пояса, к которым подвешивали мешочки и футляры с охотничьим снаряжением. Верхняя одежда из сукна или оленьих шкур — глухая с капюшоном (малица, гусь).

Традиционной пищей служили рыба и мясо. Рыбу ели сырой, вареной, мороженой, вяленой, копченой, сушеной. Из внутренностей рыбы вытапливали жир, который употребляли в чистом виде или смешивали с ягодами. Мясо промысловых животных (преимущественно лося), боровую и водоплавающую дичь вялили и коптили. Домашних оленей забивали в основном по праздникам. Чернику, черную смородину, черемуху, морошку, бруснику и клюкву заготавливали впрок.

Наиболее известным празднеством у манси, как и у хантов, является медвежий праздник. Многие торжества приурочены к датам православного календаря. Из весенних праздников наиболее значителен Ури-не хотэл эква — Вороний день, отмечающийся на Благовещенье (7 апреля). Считалось, что в этот день ворона приносит весну, выступает покровительницей женщин и детей. Этот праздник связан со стремлением к воспроизводству жизни, благополучию семьи, в первую очередь детей. В конце мая — начале июня отмечали дни рыбаков, включавшие соревнования на лодках, разжигание костра, жертвоприношения, совместные трапезы, шаманские камлания с целью выяснения, в какое время появится рыба и в каких местах ее лучше ловить. С охотничьим промыслом, особенно с началом пушной охоты, связаны осенние праздники, в первую очередь Покров (14 октября). У оленеводов наиболее почитаем был Ильин день (2 августа), совпадающий с окончанием линьки у оленей.

В богатом мансийском фольклоре жанры делятся на священные и обыденные. Священные жанры чаще всего исполнялись после захода солнца, преимущественно поздней осенью и зимой, их исполнение обычно было приурочено к праздникам и ритуалам.

Наиболее раннее известие о хождении новгородцев в Югру относится к 1032 году. В XI веке Новгород

достаточно прочно овладел Печорским путем в Югорскую землю, а в конце века русские уже побывали за Уральским хребтом.

Поездки новгородцев в Югру продолжались и в XII веке. В это время население Югры платило новгородцам дань (в летописях она обычно называлась «югорщиной») в виде звериных шкур, «рыбьего зуба» (моржового клыка), а также «узорочья» (вероятно, различных украшений). Примерно с 1264 года Югорская земля официально числится в числе новгородских волостей, как это устанавливается из договорных грамот между новгородцами и новгородскими князьями. Из одного летописного сообщения видно, что новгородцы побывали «по Оби реки до моря» в 1365 году.

Трудность пути из Поморья на Обь, суровые климатические условия часто заставляли поморов зимовать в Сибири. Некоторая часть русских торговых и промышленных людей жила там не одну зиму. Поэтому строились не только простые зимовья, а острожки, пригодные для длительного и безопасного житья. Подобные острожки были своеобразными местами торгова, где шел обмен русских товаров на «остяцкую и самоедскую руку» и производилась закупка сибирской пушнины.

Постоянное общение с жителями Северо-Западной Азии привело к тому, что русские промышленные люди стали использовать для езды оленей и собак, заимствовали приемы охоты, практикуемые нерусскими жителями. В свою очередь привозимые русскими железные изделия (наконечники стрел, ножи, топоры и др.) помогали сибирскому населению совершенствовать приемы охоты, рыбной ловли и морского промысла. Длительное общение русских со своими северо-восточными соседями приводило к тому, что среди промысловиков, ездивших в Зауралье, появились

умеющие говорить на самодийском и угорском языках. В свою очередь самодийцы и угры овладевали русской разговорной речью.

Со времени покорения Новгорода и включения его в состав централизованного Русского государства (1487 год) заботу о сношениях с Югрой, о развитии и укреплении экономических и культурных связей русского народа с Сибирью, а также охрану государственных интересов берет на себя Москва — центр Русского государства (ибо это было очень выгодно материально). В XV—XVI веках очаги русской народной культуры возникают в Печорском крае, где появляется ряд сел и слободок (Ижемская, Усть-Цилемская, Пустозерск и др.), население которых налаживает торговлю с самоедами, остяками и вогулами.

Московское правительство снаряжает во второй половине XV века три похода за Урал. Первый поход был совершен в 1465 году при царе Иване III. Возглавил поход устюжанин Василий Скрыба. В составе его отряда были «хотячие люди, а также вымичи и вычегжане». В результате этого похода Василий Скрыба и его люди «Югорскую землю за великого князя привели, а князей югорских, Калпака да Течика, к великому Ивану Васильевичу и на Москву привели, и князь великий их пожаловал Югорским княжением и отпустил их в Югру, а на них дань возложил и на всю землю Югорскую».

В 1483 году была снаряжена новая экспедиция в Югру. На этот раз во главе экспедиции были воеводы «князь Федор Курбский Черный да Иван Иванович Салтык Травин, а с ними устюжане и вологжане, вычегжане, вымичи, сысоличи, пермяки». Из сообщения летописи следует, что экспедиция побывала на реках Пелыме и Тавде, прошла по Иртышу, с Иртыша продвинулась на «Обь-реку великую», в Югорскую землю.

Окончательное включение Югорской земли в состав Московского государства совершилось лишь в 1499—1500 годах, после третьей военной экспедиции в Югру, состоявшей из 5 тысяч устюжан, вятчан и двинян. Разрядные книги, описывающие этот поход, содержат сообщение о том, что экспедицией командовали трое воевод — Курбский, Ушатый и Заболоцкий-Бражник.

По свидетельству Герберштейна (начало XVI века), русские регулярно бывали в Югре для сбора ясака и торговли. По его же сведениям, платили как вогулы и остяки, так и «самоядь».

Несмотря на то что русские люди часто посещали Западную Сибирь, большинство читателей вообще ничего не знает ни о походах туда поморов, ни об экспедиции князя Курбского. В царское время князь считался «предателем», бежавшим в Литву, вместо того чтобы быть казненным в Москве, а в советское время его подвело чуждое социальное происхождение. Так что все лавры достались более позднему забияке — Ермаку¹.

Ермак

Южным соседом Югры в XVI веке было Сибирское ханство. До середины XVI века между Русским государством и Сибирским ханством непосредственных связей, по-видимому, не было. Установлению их мешало лежавшее на Волге Казанское ханство. Присоединение народов Поволжья и Приуралья к России и

¹ Обычно считают, что Ермак открыл Сибирь, однако из следующей главы читателю станет ясно, что никакого отношения к открытию Сибири он не имеет.

разгром казанских ханов в 1552 году произвели большое впечатление в Сибирском юрте. Правившие в нем тайбугины (представители местной татарской знати) братья Едигер и Бекбулат решили завязать с русским правительством дипломатические отношения. Они рассчитывали получить поддержку в Москве и склонны были стать вассалами русского царя.

В это время тайбугинам с юга угрожал сын узбекского правителя Муртазы Кучум. Используя военные силы узбекских, ногайских, башкирских кочевников, он начал борьбу за подчинение Сибирского ханства.

В январе 1555 года послы сибирских правителей Тягрул и Панъяды прибыли в Москву. Они поздравили Ивана IV со взятием Казани и с успешными действиями царских отрядов в районе Астрахани. На приеме у царя сибирские послы «били челом государю ото князя Едигера и ото всей земли, чтобы государь их князя и всю землю Сибирскую взял на свое имя, и от сторон ото всех заступил, и дань свою на них наложил, и дорогу своего прислал, кому дань собирать».

Принятие этого предложения означало включение территории Сибирского ханства в число земель, зависимых от царского правительства. Эта зависимость подкреплялась обязательством Едигера и Бекбулата вносить в царскую казну дань с жителей ханства.

Размер дани первоначально был определен в 1000 соболиных шкурок в год. Царским представителем в ставке Едигера Иван IV назначил Дмитрия Курова Непейцина. Непейцин отправился в столицу Сибирского ханства Кашлык с «жалованным ярлыком» русского царя, где привел к присяге на верность Ивану IV сибирских правителей Едигера, Бекбулата и других.

Вассальные отношения между сибирскими правителями и Россией оказались непрочными. Постоянные

усобицы между татарскими улусами, набеги на земли ханства кочевников из ногайских и других орд, притязания узбекских чингисидов на власть в Сибирском юрте, нарастающее недовольство «черных людей» и покоренных угорских и башкирских племен делали положение Едигера и Бекбулата неустойчивым. Этим воспользовался Кучум, который в 1563 году разгромил войска Едигера и захватил власть в Сибирском ханстве. Провозгласив себя сибирским ханом, Кучум обложил данью в свою пользу башкирские и угорские племена, ранее подчиненные сибирским правителям, завоевал угорские группы по нижнему течению Иртыша и его притоку Конде и тюркоязычное население Барабинской степи.

Кучум уничтожил прежние вассальные отношения сибирских правителей к России. Правда, на первых порах дело не доходило до открытых столкновений, шел обмен посланиями между Иваном IV и Кучумом. Занятый борьбой с местными татарскими мурзами, мансийскими и хантыйскими князьями, а также с казахскими военачальниками, Кучум пытался упрочить свое положение в Сибирском ханстве, выиграть время и собрать вооруженные силы для борьбы против России. В 1571 году он даже прислал в Москву свое посольство, которое подтвердило договор, заключенный Едигером, и принял в своей ставке царского представителя Третьяка Чубукова, обязавшись внести дань в царскую казну и подписать присяжную грамоту.

Возобновление переговоров с Иваном IV было своеобразным дипломатическим маневром со стороны Кучума, рассчитанным на то, чтобы выиграть время и усыпить бдительность русского правительства. Посольство Кучума приехало в Москву после разорения и сожжения крымскими отрядами Девлет-Гирея мос-

ковского посада. Среди жителей столицы распространялись также слухи о неудачах и поражениях русских отрядов на фронтах Ливонской войны.

Возвратившись в Кашлык, участники посольства сообщили Кучуму о своих наблюдениях, сделанных в Москве, рассказали об усилении агрессивности крымских татар, за спиной которых стояла султанская Турция. Все это было в интересах Кучума, не желавшего допустить восстановления вассальных отношений Сибирского ханства к России. Но, по-видимому, в 1572 году Кучум еще не имел достаточных сил для открытой борьбы против Русского государства, поэтому он согласился на вассальную зависимость от русского царя.

Открытые враждебные действия Кучума начались летом 1573 года. Его вооруженные отряды стали группироваться на восточных склонах Уральских гор, на границе кочевий Кучума и ногайских мурз. В июле сибирские татары во главе с племянником Кучума, Маметкулом, вторглись в вотчины Строгановых. В Сибирском ханстве по указанию хана был убит Третьяк Чубуков. Начались набеги на селения «данных людей» Русского государства — хантов и манси, которым военачальники Кучума запретили платить дань в царскую казну. Часть взрослого угорского мужского населения была привлечена в военные отряды сибирского хана.

Кучум полностью ликвидировал отношения вассалитета Сибирского ханства к русскому царю. Возникла угроза отторжения от России тех районов Зауралья, население которых считалось данниками России с конца XV — начала XVI веков.

Правительство Ивана IV 30 мая 1574 года направило Строгановым новую жалованную грамоту, зак-

реплявшую за ними земли по восточным склонам Урала, по реке Тоболу, его притокам и область «Тахчеев». Строгановы обязывались поставить в новом районе крепости, в которых «снаряд вогняной и пушкарей и пищальников и сторожей от сибирских и от нагайских людей держати», и собирать походы против сибирского хана, используя для этой цели наемных казаков и отряды, набранные из местных жителей строгановских вотчин.

Царская грамота разрешила строить сторожевые опорные пункты на берегах Иртыша и Оби, где «пригодитца для береженья и охочим на опочив» (т. е. для отдыха). Жителям этих крепостей разрешалась безоборочная охота и рыбная ловля. Таким образом, намечалось распространение строгановских земельных владений в пределах Зауралья, а вместе с тем и укрепление позиций правительства в Западной Сибири. Выполнение этой задачи было делом довольно сложным.

*Ермак. Из «Истории Сибирской»
С. У. Ремезова*

Набеги в район Прикамья продолжались. Используя недовольство манси Строгановыми, мансийский мурза Бегбелий Агтаев в 1580 году разграбил русские селения на берегах реки Чусовой, а в 1581 году князек Кихек захватил и сжег Соликамск, разорил в Прикамье слободы и деревни, увел их жителей. Вотчины Семена и Максима Строгановых тяжело пострадали.

В этой обстановке Строгановы, используя данное им правительством право набирать ратных людей, сформировали наемный казачий отряд. Командовал отрядом атаман Ермак Тимофеевич. В истории похода Ермака в Сибирь много до сих пор остается неясного и спорного. Сведения о биографии самого Ермака скудны и противоречивы. Одни историки считают Ермака донским казаком, пришедшим со своим отрядом к Строгановым с Волги, другие — жителем Приуралья, посадским человеком Василием Тимофеевичем Алениным-Повольским.

Далеко не ясны хронология похода и количество его участников. По мнению большинства исследователей, поход начался в 1581 году. Но недавно В. И. Сергеев, основываясь на анализе Ремезовской летописи, предложил новую хронологическую схему похода. Он считает возможным датировать начало похода 1 сентября 1578 года и намечает его отдельные этапы на протяжении последующих лет.

Так или иначе, Ермак, поднявшись по реке Чусовой и перевалив Уральский хребет, двигался дальше вниз по течению рек восточных склонов Уральских гор — сначала по Тагилу, а затем по Туре. В районе Епанчинских юрт казаки после трехдневного сражения одержали победу над отрядами мурзы Епанчи, а затем заняли бывшую ставку тюменского хана Чимги-Туру. Сибирские летописи отмечают крупное сражение на берегу Тобола у юрт Бабасана (в 30 верстах

ниже устья Тавды), где против казачьей дружины выступили отряды Кучума во главе с Маметкулом. Серьезное сражение произошло и у Долгого яра. Недалеко от устья Тавды у озера, соединенного с Тоболом протокой, дружине Ермака пришлось выдержать сражение с отрядами мурзы Карачи.

В. И. Сергеев считает, что, укрепившись в городке Карачи, Ермак направил группу казаков во главе с Иваном Кольцо к Строгановым за боеприпасами, продовольствием и служилыми людьми. На нартах и лыжах, приобретенных у местных жителей, казаки добрались до вотчины Максима Строганова. Весной 1582 года Строгановы направили с Иваном Кольцо 300 служилых людей, дали продовольствие, какое-то количество боеприпасов и даже пищаль, отлитую в Орле-городке.

Между тем казачья дружина не предпринимала наступательных операций ни весной, ни летом 1582 года, ожидая прибытия подкреплений из строгановских вотчин. Только с возвращением Ивана Кольцо казаки в сентябре 1582 года двинулись по Тоболу. Дойдя до впадения Тобола в Иртыш, отряд начал подниматься вверх по Иртышу. Здесь после ряда сражений казаками было захвачено укрепление Атика-мурзы, и в 20-х числах октября начались бои на Чувашевском мысу (мыс Подчеваш). Предводитель Кучумовых войск Маметкул был ранен и переправлен в лодке на противоположный берег Иртыша. Среди татар началось замешательство, оно усилилось, когда подвластные Кучуму хантыйские и мансийские князьки отвели своих воинов с поля сражения и тем самым облегчили казакам победу.

О дальнейшей борьбе с Ермаком на подступах к Кашлыку не могло быть и речи. В ночь на 26 октября 1582 года Кучум с ближайшими родственниками и

мурзами, захватив наиболее ценное имущество и скот, бежал из своей ставки в степь. Казаки Ермака тотчас заняли опустевший Кашлык (городок Сибирь).

Весть о разгроме и бегстве Кучума быстро распространилась среди коренного населения Западной Сибири. Хантыйские и мансийские предводители территориально-племенных объединений, татарские мурзы поспешили явиться к Ермаку с дарами, заявив о своем желании принять русское подданство. Уже на четвертый день после взятия Кашлыка к Ермаку прибыли ханты с реки Демьянки (притока Иртыша) со своим князем Бояром. Затем явились мансийские посланцы из Яскалбинских волостей, князец Ишбердей со товарищи. Приехал татарский князек Суклем и некоторые татарские мурзы.

Принимая привезённые подарки (пушнину и съестные припасы), Ермак награждал прибывших представителей знати ответными дарами и договаривался с ними о включении подвластной им территории в состав Русского государства.

В декабре 1582 года Ермак отправил группу казаков во главе с Иваном Кольцо с донесением о взятии русскими ратными силами ставки Кучума. Жители Яскалбинских волостей доставили казакам олени упряжки и сопровождали их «волчьей» дорогой через горные перевалы до Прикамья.

Между тем бежавший в степи Кучум не сложил оружия. Маметкул в ноябре 1582 года неожиданно напал на небольшую группу казаков, возвращавшихся с рыбной ловли на Абалацком озере, и почти полностью истребил ее. Ермак организовал погоню за Маметкулом и нанес ему поражение в Шаншинском урочище. Весной 1583 года казаки разгромили ставку Маметкула на берегу Вагая и пленили его самого.

Разгром ставки Маметкула значительно ослабил силы Кучума, положение которого осложнялось еще и тем, что против него начал борьбу уцелевший сын Бекбулата тайбугин Сейдяк. В то же время от Кучума «отъехал» его приближенный мурза Карача, захвативший кочевья по реки Оми. Карача, притворно называя себя союзником Ермака, попросил у него помощи в борьбе с Кучумом и Ногайской ордой. Ермак, посоветовавшись с товарищами, направил к Караче 40 казаков во главе с вернувшимся из Москвы Иваном Кольцо. Осенью 1583 года прибывшие в ставку Карачи казаки были убиты. В марте 1584 года Карача, собрав в татарских улусах значительные силы вооруженных конных воинов, двинулся к Кашлыку и осадил казаков Ермака в плохо укрепленном городке. Положение осажденных оказалось тяжелым. Продовольствия не было. Карача рассчитывал «их уморить голодом». Казаки предприняли смелую вылазку из осажденного городка и напали на лагерь Карачи. Нападение было произведено внезапно ночью, и прежде чем татары успели взяться за оружие, в их рядах началась паника. В бою были убиты два сына Карачи. Сам Карача с немногими татарами едва успел спастись бегством.

Силы казачьего отряда постепенно уменьшались. Правительство Ивана IV, получив донесение о взятии Кашлыка, решило направить в Сибирь отряд из 300 служилых людей под начальством С. Д. Волховского и И. Глухова. Комплектование отряда, проходившее в Прикамье, было закончено в конце 1583 года. Не рискуя отправлять служилых людей зимним путем на конях, царь приказал задержать их до весны. Строгановым предписывалось подготовить к весне 15 стругов «со всем судовым запасом, которые б струги подняли по 20 человек с запасом».

Весной 1584 года отряд выступил из строгановских вотчин в далекий путь и только к осени прибыл в Кашлык, истощив в пути взятые с собой продовольственные запасы.

Зимой 1584/85 года в Кашлыке начался сильный голод. Летописцы сообщают: «Мнози от гладу изомроша московстии вои и казацы; и воевода князь Семен Волховской тож умре». Число казаков и служилых людей в бывшей столице Сибирского ханства резко сократилось. Только весной положение несколько улучшилось. Автор Строгановской летописи пишет: «Мнози языцы окрест живущий татаровя и остяки и вогуличи приношаху к ним многия запасы и от ловитв своих от зверей и от птиц и от рыб со всякое доволство изобилие».

Кочевавший со своим улусом в степях Кучум собирал силы, вызывал к себе татарских мурз, требуя от них помощи для борьбы с русскими. Стремясь выманить казаков из укрепленного городка и напасть на них внезапно, Кучум стал распространять слухи, что им задержан торговый караван бухарцев, направлявшийся в Кашлык. Эти провокационные слухи дошли до Ермака. С отрядом в 150 человек Ермак на стругах спешно двинулся вверх по Иртышу и дошел до татарских юрт Шиштамах, расположенных у впадения реки Шиша в Иртыш. Из расспросов татар выяснилось, что бухарского каравана на Иртыше не было. Казаки предположили, что бухарские купцы задержаны Кучумом на Вагае; они повернули обратно, поплыли вниз по течению Иртыша до устья Вагая, а затем по Вагаю поднялись до Атбашского селения. Здесь окончательно выяснилась ложность известий о бухарском караване. Казаки двинулись в обратный путь. Во время ночевки на берегу Иртыша близ устья Вагая отряд подвергся неожиданному нападению Кучума. Почти все

казаки были перебиты. Раненный в рукопашной схватке с татарами, Ермак пробился к берегу, но неудачно прыгнул на край струга. Струг перевернулся. В тяжелом панцире Ермак не смог плыть и утонул. Это событие, по сведениям летописцев, произошло в ночь на 6 августа 1585 года.

Когда в Кашлыке были получены вести о гибели Ермака и находившихся с ним казаков, команду над оставшимися принял Матвей Мещеряк. Остатками московского отряда командовал помощник С. Д. Волховского Иван Глухов. В общей сложности в Кашлыке оставалось не более 150 человек. Сибирские летописи сообщают, что казаки с М. Мещеряком и стрельцы с И. Глуховым покинули Кашлык и двинулись вниз по Иртышу и Оби до притока Оби реки Соби, а оттуда северной дорогой вернулись в Россию. Автор Строгановской летописи (по списку Спасского) называет другой путь продвижения русских, покинувших Кашлык, — по Иртышу до Тобола и вверх по течению Тобола до реки Туры. Здесь казаки встретили новый русский отряд, направленный правительством в Сибирь под командой И. Мансурова, вернулись с ним на Иртыш и зазимовали в устье Иртыша в поставленном укрепленном лагере (Обском городке). Обской городок просуществовал с 1585 по 1594 год. О нем говорится в летописи Саввы Есипова, в царской грамоте 1586 года угорскому князьку Лугую, в «Наказе» 1594 года Ф. П. Барятинскому и В. Аничкову. После уничтожения Обского укрепления соратники Ермака, очевидно, переселились в другие русские городки, построенные в конце XVI века в Западной Сибири. Сохранились документы, повествующие о том, что в 20-е годы XVII века в Тюмени, Тобольске и других сибирских городах жили конные казаки, находившиеся в Зауралье с «самого Сибирского взятия». Известно, что

тобольский архиепископ Киприан, составляя Синодик, расспрашивал участников похода Ермака «как они приидоша в Сибирь и где с погаными были бои и ково где убили погании на драке». Казаки составили «Написание», в котором рассказали о борьбе казачьей дружины против сибирского хана Кучума.

Колонизация Сибири

После гибели Ермака и ухода казаков из бывшей Кучумовой ставки Кашлык занял сын Кучума Алей, пытавшийся восстановить власть узбекских шейбанидов над населением Западной Сибири. Против Алея выступил потомок тайбугинов Сейдяк. Борьба шейбанидов и тайбугинов разгорелась с новой силой, нанося урон хозяйству местного населения. Сейдяку удалось выбить Алея из ханской ставки и завладеть Кашлыком. Он завязал связи с мурзой Карачей и султаном одной из казахских орд, враждовавших с Кучумом.

Малочисленный отряд И. Мансурова не вступал в борьбу с Сейдяком. Соотношение сил изменилось с появлением в 1586 году в Сибири нового отряда с воеводами В. Сукиным и И. Мясным во главе. На берегу реки Туры, на месте старого татарского укрепления Чимга-Туры, была построена русская крепость, названная Тюменским городом. Участники отряда В. Сукина и И. Мясного были направлены в Сибирь на постоянную службу; многие из них в Тюменском городе «поставиша дома себе».

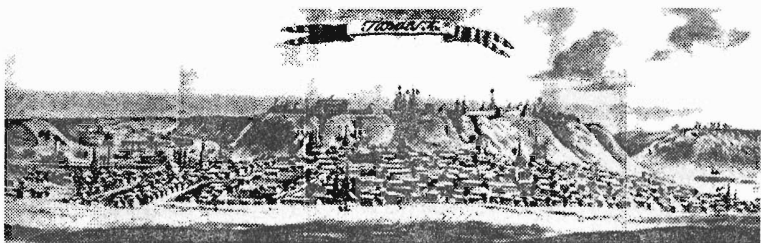
Тюменские воеводы обложили ясаком татарские улусы по Туре, Исети, Пышме и Среднему Тоболу. Расположенный на старинной караванной дороге из Средней Азии в Поволжье, Тюменский город стал быстро

заселяться русскими людьми и сделался торговым центром Западной Сибири.

По указанию из Москвы, воеводы Тюменского города В. Сукин и И. Мясной скомплектовали отряд во главе с Даниилом Чулковым и двинули его вниз по Тоболу для строительства нового русского укрепления неподалеку от бывшей ханской ставки — Кашлыка. Местом для возведения русской крепости Д. Чулков выбрал высокий берег Иртыша против устья Тобола. Построенный здесь в 1587 году городок, названный Тобольским, представлял собою небольшое укрепление с деревянными стенами, под защитой которых располагались избы служилых людей.

Отсюда началось наступление против Сейдяка и его сторонников, в котором принимали участие служилые люди, прибывшие с Д. Чулковым для строительства Тобольска, а также стрельцы И. Мансурова и казаки М. Мещеряка, находившиеся в Обском городке. После ряда сражений Сейдяк был пленен и отправлен в Москву, а Кашлык постепенно перестал существовать.

Поскольку одним из основных стимулов русской колонизации Сибири на начальном этапе была пушнина, то, естественно, продвижение шло в первую очередь и главным образом в таежные и тундровые районы Сибири, наиболее богатые пушным зверем. Продвижение именно в этом направлении было обуслов-

Тобольск. С гравюры XVIII века

лено также исключительно слабой заселенностью тайги и тундры и угрозой опустошительных набегов для лесостепных и степных районов Южной Сибири со стороны кочевников казахских и монгольских степей.

В начале 1593 года развернулось наступление против враждебного России пелымского князька Аблагирима, союзника Кучума. Для этой цели в Чердыни началось комплектование отряда, воеводами которого были назначены Н. В. Траханиотов и П. И. Горчаков. Кроме строгановских ратных сил в его состав вошли служилые люди, собранные в северных уездах русского государства, а также манси, живущие в Приуралье. Соппротивление Аблагирима было сломлено, подвластная ему территория вошла в состав России; младший сын Аблагирима Таутай и внук Учет в качестве пленников были отправлены в Москву. Летом 1593 года участники отряда начали строительство на берегу реки Тавды, около устья Пелыма, нового русского укрепления, получившего название Пелымского городка. Тем самым был обеспечен путь между Лозьвинским городком и Тобольском.

Между тем в 90-е годы XVI века в лесостепной полосе Западной Сибири продолжалась борьба с остатками орды Кучума. Кучум со своими сторонниками кочевал в бассейне Иртыша, совершая набеги на татарские улусы, признавшие власть русского царя. Для предотвращения разорительных набегов Кучума правительство решило построить на Иртыше у впадения в него реки Тары новый опорный пункт. Сооружению крепости на Иртыше придавалось большое значение. Экспедиционный отряд, который был направлен для строительства этой крепости, насчитывал свыше 1500 человек. Кроме того, в него были широко привлечены для борьбы против Кучума представители коренного сибирского населения. Возглавлял отряд

А. В. Елецкий. Основные строительные работы по сооружению крепости закончились летом 1594 года. Русская крепость на Иртыше возле речки Аркарки получила название Тарского города. В составе постоянно тарского гарнизона было оставлено 320 человек.

Татарские улусы по Иртышу от Тобольска до Тары были включены в состав вновь образованного Тарского уезда. До основания Тары жители ряда иртышских улусов были двоеданцами: они платили ясак пушниной тобольским властям и дань Кучуму. Сборы дани обычно сопровождались разорительными вторжениями Кучумовых сборщиков в юрты местного населения. Под защитой Тарской крепости жители Прииртышья получили возможность избавиться от господства Кучума.

Основное назначение Тарского города заключалось в организации обороны русских владений в Прииртышье от притязаний степных кочевников, окончательном разгроме Кучумовой орды и взимании ясака в царскую казну с местного населения. Служилые люди Тары выполняли военно-сторожевую службу в пограничном со степью районе, наносили ответные удары Кучуму и его сторонникам, расширяли подвластную русскому царю территорию.

Тарские воеводы, выполняя указания правительства, пытались завязать с Кучумом переговоры. В 1597 году ему была отправлена царская грамота, которая призывала Кучума прекратить борьбу с Россией и принять русское подданство. Русское правительство обещало закрепить за ним кочевья по Иртышу. Переговоры не дали положительных результатов. Тарским воеводам стало известно, что Кучум готовится к набегу на русские селения и ведет переговоры о военной помощи с Ногайской ордой и Бухарским ханством. После этого воеводы Тарской крепости получили из

Москвы распоряжение организовать военный поход против орды Кучума. Скомплектованный Андреем Воейковым отряд из русских служилых людей и служилых татар Тары, Тобольска и Тюмени вышел в поход в августе 1598 года. После ряда небольших сражений со сторонниками Кучума и зависимыми от него людьми в районе Барабинской степи отряд Воейкова внезапно напал на главное стойбище Кучума, находившееся недалеко от устья речки Ирмени, левого притока Оби. Жившие по соседству в левобережье средней Оби чатские татары и телеуты не успели оказать ему помощь. Ставка Кучума была разгромлена, а члены ханской семьи взяты в плен. В бою погибли многие представители знати, родственники Кучума и свыше 150 рядовых воинов. Около сотни татар, оттесненных к Оби, пытались переплыть ее, но многие из них утонули. Кучуму с небольшой группой воинов удалось бежать.

Дальнейшие сведения о Кучуме носят разноречивый характер. В некоторых источниках говорится о том, что Кучум утонул в Оби, другие сообщают, что бухарцы, заманив его «в колмаки, оманом убили». С. У Ремезов же в своей летописи упоминает о столкновении Кучума с калмыцкими тайшами на Иртыше, после которого Кучум бежал с «малыми людьми в Нагайскую землю жити», где и был убит.

Чатские татары спешили заявить о своем желании принять русское подданство и объяснили, что раньше не могли этого сделать потому, что боялись Кучума. Полный разгром Кучумовой орды произвел громадное впечатление на зависимое и полузависимое от нее население, занимавшее район Барабы. Приняли русское подданство барабинские и теренинские татары, ранее платившие дань Кучуму. В составе Тарского уез-

да были закреплены улусы, располагавшиеся в бассейне реки Оми.

В начале XVII века эуштинский князец Тоян приехал в Москву и обратился с просьбой к правительству Бориса Годунова взять под защиту Русского государства селения томских татар в нижнем Притомье и поставить в их земле русскую крепость. Со своей стороны Тоян обязался помогать царской администрации нового города в обложении ясаком соседних с томскими татарами тюркоязычных групп.

В марте 1604 года в Москве окончательно было принято решение о строительстве города на берегу реки Томи. Воеводы сибирских городов получили указания о комплектовании экспедиционного отряда под начальством Г. И. Писемского и В. Ф. Тыркова. Формирование отряда происходило в Сургуте. В него были включены тобольские и тюменские служилые люди, пелымские стрельцы, тобольские татары и кодские ханты. С началом навигации 1604 года отряд отправился из Сургута на судах вверх по Оби до устья реки Томи и далее вверх по Томи до земель томских татар князца Тояна. Местом для сооружения укрепленного пункта был избран высокий мыс горы на правом берегу Томи у впадения в Томь речки Ушайки против Тоянова городка, расположенного на левом берегу Томи. К концу сентября 1604 года строительные работы по сооружению Томского города в основном окончились.

Часть прибывших с экспедиционным отрядом людей была отправлена к прежнему месту службы, другая оставлена в новой крепости на постоянное жительство. Вслед за ратными людьми в Томске, как и в других сибирских городах, появились русские крестьяне и ремесленники. В начале XVII века Томск был самым

восточным городом Русского государства. Прилегающий к нему район нижнего течения Томи, средней Оби и Причудымья вошел в состав Томского уезда.

В 1618 году служилые люди Томского города, собирая ясак с тюркоязычного населения Притомья, zaloжили в верхнем течении Томи новое укрепление — Кузнецкий острог. В бассейне правого притока Оби реки Чулым были поставлены небольшие острожки — Мелесский и Ачинский. В острожках находились казаки и стрельцы, выполнявшие военно-караульную службу и оберегавшие местных жителей от вторжений киргизских князьков и монгольских алтын-ханов.

Как на Иртыше, так и в Приобье продвижение в степи Южной Сибири и предгорья Алтая столкнулось со встречным движением кочевников. Здесь шла упорная борьба отдельных ойратских объединений и союзов как между собой, так и с монгольскими алтын-ханами и казахскими жузами за пастбищные угодья и зависимых данников.

Из сообщений иностранцев следует, что русские люди хорошо знали и морской путь от Архангельска и Печоры в Обскую губу и устье Енисея по крайней мере уже с начала XVI века. Поэтому вполне естественно в беседе с английским послом Е. Боусом 24 октября 1583 года царь Иван Грозный упоминал об Оби и Енисее: «а те места в нашей земле от Двинского устья от морского пристанища с три тысячи верст».

На Енисее русские встретили кетоязычные племена, кыргызы и тунгусов. Кеты, котты, асаны, яринцы и байкотовцы говорили на языках близкородственных, но в корне отличных от остальных сибирских наречий. Лингвисты считают их языки близкими к древнекитайскому, а не к самодийским или тюркским. На 1926 год кетоговорящего населения насчитывалось всего 1225 человек.

Подробнее же здесь мы остановимся на кыргызах и тунгусах — племенах более многочисленных и широко распространенных в Сибири. Несомненный интерес в этом плане представляет статья С. В. Киселева «Письменность енисейских кыргызов», которая далее приводится целиком.

Письменность енисейских кыргызов¹ **(по С. В. Киселеву)**

«Высокому уровню хозяйства и сложному общественному и государственному устройству кыргызов вполне соответствовало их культурное развитие. Его высота наиболее ярко проявилась в письменности.

Относительно ее возникновения существует несколько точек зрения.

После работ О. Доннера и В. Томсена большинство исследователей признали, что в основе орхонского алфавита лежит арамейский. Помимо этого, О. Доннер убедительно доказывал, что знаки енисейско-орхонского алфавита ближе всего к знакам, выбитым на аршакидских монетах II—III веков. В связи с этим П. Мелиоранский считал возможным предполагать, что на востоке арамейско-аршакидский алфавит держался и позднее III века. В настоящее время его предположение нашло себе вескую поддержку в исследовании С. П. Толстовым хорезмийского алфавита по надписям на монетах шахов Хорезма. Выяснилось, что хорезмийский алфавит восходит к III—IV векам, причем древнейшие «его знаки целиком укладываются в вариации арамейского шрифта, как такового». Однако и позднее, вплоть до VIII века, хорезмийский шрифт

¹ Краткие сообщения Института археологии. Т. 25.

«сохраняет крайне архаический облик, во многом сближающий его с арамейскими шрифтами парфянского и даже ахеменидского времени». Такое наблюдение над хорезмийской письменностью, подтверждая устойчивость архаических арамейских черт в алфавитах Средней Азии, еще более подкрепляет гипотезу В. Томсена о проникновении арамейского письма дальше к Востоку, на Енисей и Орхон, через посредство пехлевийского, согдийского и хорезмийского. Глубоко знающий орхоно-енисейскую эпиграфику, С. П. Толстов именно так и ставит вопрос.

Однако едва ли он прав, когда относит это к сравнительно позднему времени, ссылаясь на широкое распространение тюркского рунического алфавита лишь к VIII веку н. э.

Как известно, орхонские эпитафии были высечены в 30-х годах VIII века. Но уже в то время орхонский «классический» стиль был близок к изменению. Оно выразилось в сложении нового рунического «устава» второй половины VIII века, образцом которого являются письмена Селенгинского камня. Подобная перемена совершалась на далеком северо-востоке, но охватила и западные области тюркского рунического письма. В этом убеждают рукописные рунические тексты начала IX века из Китайского Туркестана, изданные В. Томсеном. В том же позднейшем варианте руническое письмо помнили и писцы Дун-Хуана в XI—XII веках. А.Н. Бернштам совершенно правильно отметил близость их начертаний к «уставу» Селенгинского камня.

Все изложенное не позволяет считать VIII век временем, близким к возникновению тюркского рунического письма. Предположение П. Мелиоранского, реализованное исследованиями С. Толстова, лишь сни-

мает с нас необходимость подтягивать время зарождения тюркской руники обязательно к III—IV векам до н. э. и тем самым становиться на путь Е. Блоше, предполагавшего, что руника была заимствована тугю через посредство жуан-жуан у хуннов, которые в свою очередь заимствовали свою письменность из какого-нибудь арамейского алфавита III века до н. э. При всей заманчивости такой гипотезы она не имеет пока надежных оснований.

Однако остается в силе высказанное еще В. Радловым и поддержанное П. Мелиоранским наблюдение о значительно большей древности енисейских рунических письмен сравнительно с орхонскими. В. Радлов относил их к VII веку, а П. Мелиоранский нашел возможным «отнести их вообще к VII, а может и к VI веку». В 1926 году эту же точку зрения поддержал С. Малов. В докладе на Туркологическом съезде в Баку он высказал мнение, что енисейские памятники «датируются даже двумя-тремя столетиями раньше орхоно-сенгинских», т. е. тем же VI веком.

В этой связи следует вспомнить важное указание В. Радлова на то, «что между Хануем и Танну-Ола мы не находим никаких следов надписей». По его мнению, это также не позволяет считать, что древнетюркское письмо достигло истоков Енисея, распространяясь от Орхона на Запад. Вместо этого В. Радлов предполагал другой путь проникновения письма тугю к кыргызам. На Кемчике много рунических надписей. В VI веке «орда тюркских князей» могла находиться на Черном Иртыше. От Черного Иртыша сравнительно близко до Кемчика. Поэтому, по В. Радлову, именно отсюда и проникла к кыргызам на Кемчик руника тугю. Но едва ли такое построение правильно. Прежде всего, оно не снимает вопроса, откуда появилось руни-

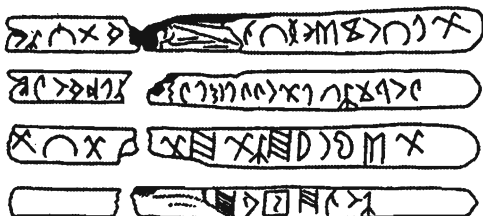
ческое письмо на Черном Иртыше, — ведь известно, что на Южном Алтае нет образцов его раннего развития. Затем, правильно придавая значение отсутствию рунических надписей между рекой Хануем и областями современной Тувинской автономной области, следовало бы отметить и полное отсутствие сведений о наличии надписей на всем протяжении от Кемчика до Черного Иртыша и на самом Черном Иртыше. Локализация «орды тюркских князей», т. е. центра державы тугю в VI веке, на Черном Иртыше также пока не подтверждается источниками. Наоборот, Кошо-Цайдамские тексты и памятник Тоньюкука традиционным центром на Востоке считают реку Орхон. Что же касается Запада, то уже в VI веке опорой тюркской экспансии являлось там Семиречье. Считают также, что около Кульджи, под горою Ак-таг находилась в 568 году ставка западнотюркского хана Дизабула.

Однако, если гипотеза В. Радлова о роли предполагаемых тюркских кочевий по Черному Иртышу в передаче кыргызам рунической письменности и не может быть принята, все же это не снимает вопроса о проникновении руники к кыргызам от западных тюрков. Ведь рядом с их центрами в Семиречье на реке Таласе и на Иссык-Куле были открыты рунические надписи. Напомним эти находки.

В 1896 году В. Каллаур обнаружил около села Дмитриевского на Верхнем Таласе первую руническую надпись, изданную и переведенную В. Радловым, а позднее Неметом и С. Маловым. Тогда же В. Каллаур видел рунические строчки среди уйгурских писмен в ущелье Терексай Александровского хребта, но судьба копии этой надписи, дошедшей до В. Радлова, в дальнейшем неизвестна. В 1898 году В. Каллаур открыл около села Дмитриевского еще две рунические надпи-

си, изданные П. Мелиоранским, прочитавшим, однако, лишь одну из них (так называемый «первый» камень). Позднее эту надпись также переводили Немет и С. Малов. Второй же камень впервые был переведен Неметом, а затем подробно рассмотрен С. Маловым. После открытия В. Каллаура около села Дмитриевского было найдено еще две надписи на камнях, стоявших над погребениями, исследованными Г. Гейкелем в 1898 году. По мнению Г. Гейкеля, могилы эти относятся к V веку н. э. Стоявшие над ними надписи были изданы тем же Г. Гейкелем в 1918 году и дважды переведены Неметом и С. Маловым. За советский период в Семиречье обнаружены новые рунические надписи. В 1926 году благодаря понижению уровня Иссык-Куля около урочища Койсара выступил из-под воды камень с арабскими и руническими письменами, изданными С. Маловым.

В 1930 году в Тераксае, около села Дмитриевского, Е. Массон открыл новую наскальную руническую надпись, впоследствии переведенную С. Маловым. Наконец, в 1932 году в древнем шурфе, на месторожде-

.....>A O X 3.f O I 3 M 8 > O J X
 ...1c > 3 4 3) .. 3} O J 3 J C O > X J A A 3 9 > C ...
X O X O X M X A M O J O M X
 M 3 > 2 O M f > A ...

ниисерного колчедана в окрестности села Дмитриевского была обнаружена еловая палочка, покрытая резными рунами. В 1936 году этот исключительный памятник был издан С. Маловым с переводом и важнейшими комментариями.

Таким образом, до настоящего времени в Семиречье известно девять рунических надписей, причем большинство обнаружено около села Дмитриевского на Верхнем Таласе и лишь одна на берегу Иссык-Куля. Эта находка имеет очень большое значение, так как не позволяет видеть в надписях у села Дмитриевского случайное, узколокальное явление в Семиречье. Наоборот, не подлежит никакому сомнению, что определенная часть Семиречья представляет такой же очаг рунической письменности, какими были области Верхнего и Среднего Енисея и Монголия.

Благодаря последним раскопкам и разведкам А. Н. Бернштама удалось выяснить, что в VI—VII веках на территории Семиречья развивались два параллельных процесса — складывался западнотюркский каганат, имевший тесные связи с Согдианой, и вновь проникали в Семиречье значительные массы согдийского населения. При этом удалось определить границы согдийских колоний и тем самым выяснить, что «центрами распространения тюрков оказались горные долины: Верхний Талас, Чон-Кемин и Иссык-куль. В долине Чон-Кемин открыт город Суяб и могильники тюрков с балбалами. На Иссык-Куле обнаружены каменные бабы, в Верхнем Таласе, по реке Кенкол, около урочища Терскул — тюркский могильник». Тюркские племена этих районов — пять дулу и пять нушиби или, как их называют рунические тексты, «десятистрельный народ», потеряли свою политическую самостоятельность в 704 году, когда сложилось новое

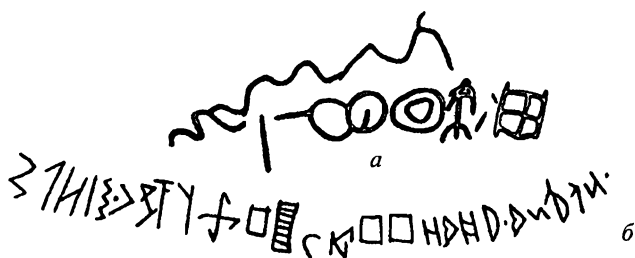
государство тюргешей. Таким образом, не подлежит сомнению, что памятники VI—VII веков, исследованные Г. Гейкелем, С. Теплоуховым и А. Бернштамом в горных районах Семиречья, принадлежали именно западным тюркам. Нет никаких оснований исключать из комплексов этих памятников рунические надписи на камнях и скалах, найденные на Верхнем Таласе и на Иссык-Куле. Дело в том, что все исследователи этих надписей отмечают их большое сходство по характеру букв и по содержанию с енисейскими VI—VII веков и заметное отличие от орхонских и тем более селенгинских VIII века. Отнесению их к VIII веку препятствует также и то обстоятельство, что в тюргешском государстве получила развитие уже другая, уйгурская письменность. Это доказано легендами тюргешских монет. На них, и то лишь в качестве тамги, удерживается в VIII веке всего один рунический знак. Это доказано также господством уйгурской письменности в документах VIII—IX веков, найденных в Китайском Туркестане. Рунические тексты встречаются там лишь изредка. Таким образом, можно считать вполне установленным наличие в Семиречье в районах, занимавшихся в VI—VII веках тюрками, рунической письменности и притом более архаического типа, чем орхонская. Такой вывод позволяет поставить вопрос о месте формирования рунического алфавита. Если не подлежит сомнению арамейская основа большинства таласо-енисейских литер, воспринявших ее через среднеазиатские варианты, через согдийское и хорезмийское письмо, то Семиречье, связанное с Хорезмом, колонизованное в значительной части согдийцами и в то же время в VI—VII веках занятое западными тугю, становится наиболее вероятным местом первого применения рунической письменности, приспособления

арамейского алфавита к тюркской речи. Оттуда тюркизированный алфавит широко распространился прежде всего на восток. Пока не найдено в Восточном Туркестане рунических надписей на камне, но зато имеются документы на бумаге. Они вероятнее всего представляют памятники тюркоязычного народа ягма, обитавшего в VI—VIII веках в Кашгарии и входившего в западный тюркский каганат. Это позволяет не считать отсутствие рунических надписей на камнях и скалах безусловным доказательством незнакомства населения ряда областей Центральной Азии с руникой. В частности, вполне возможно допустить наличие рунического письма у карлуков — одного из наиболее крупных племен, входивших в состав западнотюркского каганата. Между тем карлуки очень долго занимали территорию Западного Алтая и Тарбагатая и в том числе бассейн Зайсана и Черного Иртыша. Китайская хроника сохранила указания на постоянство дружественных связей енисейских кыргызов с карлуками.

Гипотеза В. Радлова о роли населения Черного Иртыша в передаче кыргызам руники тугю приобретает в новом виде большую достоверность, уже не нуждаясь в придуманной «орде тюркских князей». Вероятно, так же как ягма и как кыргызы, восприняли руническое письмо западных тугю и орхонские тюрки. Однако их древнейшие тексты VI—VII веков пока еще не выделены, так как исследователей, естественно, влекут к себе монументальные надписи Онгина, Кошо-Цайдама и Налайхи, относящиеся к первой половине VIII века.

Что касается кыргыз, то западнотюркская письменность попала на Енисее на подготовленную почву. Уже почти два тысячелетия существовали там разнообразнейшие рисунки на скалах и на нарочито поставлен-

ных стелах. Многие из них составляют целые повествования о выдающихся событиях — сражениях, больших охотах, постройке новых поселков и переездах на новые места. Другие с различной условностью передают в символах отвлеченные представления, главным образом космогонического характера. Косые и прямые кресты, квадраты, круги, звезды, дуги и другие фигуры высекались еще в карасукское время. В тагарскую эпоху эти знаки умножились и к ним прибавились разнообразные тамги. В таштыке отмечен новый шаг вперед — появление наряду с тамгами счетных знаков. При такой древности и разнообразии средств фиксации, в условиях нового усложнения общественных отношений, когда возникала кыргызская государственность, естественно были попытки создания собственной письменности. Один такой опыт сохранил нам обломок грубого горшка, найденный в кыргызском кургане № 2 Уйбатского чаатаса. В его нижней части, под волнистой чертой расположена целая строка различных знаков — квадрат с крестом внутри, две наклонные черты, схематическая фигура мужчины, два вписанных друг в друга круга с чертой посередине, примыкающая к нему дуга, горизонтальная черта и черта вертикальная (см. рисунок).

*Надпись на глиняном сосуде из Уйбатского чаатаса (а);
прорись надписи на пряслице Минусинского музея (б)*

Перед нами, несомненно, надпись, для которой использованы знаки, давно бытовавшие на Енисее, но только теперь поставленные в строку. Об отношении этого примитивного письма к руническому алфавиту можно заключать из того, что далеко не все рунические знаки восходят к арамейской системе.

Занимавшийся этим вопросом В. Томсен не нашел арамейских основ для 15 орхонских знаков и пришел к выводу, что они представляют собой местное дополнение. Он же в специальной таблице выделил «главнейшие и наименее сомнительные» варианты знаков, характеризующие енисейские надписи. В настоящее время количество определяемых енисейских вариантов может быть еще увеличено. Уже самое количество их (до восьми к одному звуку) подтверждает относительную древность енисейского и очень близкого к нему таласского алфавита, отразившего ту стадию рунической письменности, на которой еще не закончилось сложение буквенных форм. Однако и теперь, как и при выходе в свет «Заметок об этническом составе тюркских племен и народностей» Н. Аристова, нельзя согласиться с его теорией происхождения тюркской руники исключительно из тамг. Наоборот, новые открытия в области среднеазиатских алфавитов еще раз подкрепляют теорию О. Доннера и В. Томсена.

Руническая письменность у кыргызов была распространена очень широко. На это указывает то обстоятельство, что в степях Кемчика, Улукема, Бейкема, Енисея, Абакана и их притоков уже найдено около 50 одних только надгробных надписей, из которых некоторые очень велики. Но не только количество надгробных надписей свидетельствует о широком знании письма. Рунические эпитафии Верхнего Енисея и Минусинской котловины явно рассчитаны на широкий круг чи-

тателей, а не только на представителей знати. Рассматривая содержание этих надписей, мы уже извлекли из них ценные сообщения о внутреннем устройстве кыргызского общества в VI—VII веках. При этом мы видели постоянные упоминания о народе, составленные в таких выражениях восхваления, которые не оставляют сомнения в том, что всегда был расчет на прочтение проезжим простым кыргызом. Еще в большей степени в том же убеждает обилие ненадгробных надписей. Большинство из них находится на скалах, часто представляя как бы беглые, торопливо начерченные острием отметки.

К сожалению, этот материал остается до сих пор не только не прочитанным, но в значительной массе своей и не собранным. Только А. Адрианов во время своих работ по эстампированию енисейских писаний списал некоторое число таких наскальных надписей-отметок. Известная часть их видна также на рисунках, сделанных с писаниц экспедицией Аспелина. В своих поисках писаниц я также встречал отдельные рунические знаки на камнях Майдашинских и Оглахтинских гор близ Минусинска.

В этих надписях, несомненно, таятся важнейшие факты внутренней жизни кыргыз. В этом можно быть уверенным, исходя из содержания единственной прочитанной большой наскальной надписи, скопированной по инициативе Д. Клеменца на утесе Хая-Баши у реки Кемчика. Мы уже обращались к ней при изучении общественного строя кыргыз. Здесь же приведем ее целиком, так как ее текст особенно убеждает в доступности руники многим кыргызам: «Вашего владения — моего хана и моего эля это памятник на Кара-Сэнгире. Его писал Аншин. Вы, люди, слышите владельца Кара-Сэнгир. Витязь-Инанчу, Чигши-бэг по

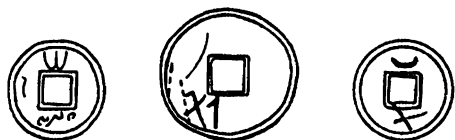
моим заслугам я самый высший среди шести родов Кэшдим, это мое превосходство. Кара-Сэнгиром владел я — победоносный Чиппи в тридцать восьмом году — премудрый Шангун. Согласно письма... хана [я] Тутук-бэг лежащей по ту сторону земли».

Обращение «Вы, люди, слышите владельца Кара-Сэнгир» не оставляет сомнения в том, что памятник на Хая-Баши должны были читать очень многие. О том же можно заключить и по распространенности рунических надписей на различных бытовых предметах.

Надписи, обычно указывающие имя владельца, встречаются и на поясных украшениях, на китайских зеркалах, на пряслицах, и даже на китайских монетах. Надписи на монетах особенно важны. Поскольку монеты были чеканены в 841 году, они свидетельствуют о том, что руническое письмо продолжало применяться на Енисее еще и в IX—X веках. Это подтверждает и отсутствие в стране кыргызов древних уйгурских надписей.

Особый интерес представляет надпись, вырезанная на каменном дисковидном пряслице из Минусинского музея (см. рисунок б выше и рисунок ниже). Ее литеры весьма своеобразны и значительно отличаются от других енисейских. Особый интерес представляет употребление двух вариантов «лесенки», которые до недавнего времени вообще были неизвестны в азиатской рунике, наличествуя лишь в печенежском письме

и венгерских резах в значении z. Теперь же они встретились сразу в двух центрах азиатского рунического письма: на

Китайские монеты с енисейскими рунами

енисейском пряслице и на таласской палочке, изданной С. Маловым. С надписью на таласской палочке роднит надпись на минусинском пряслице и близость других начертаний:

а также общий стиль знаков. Рассматривая особенности алфавита обеих надписей, нельзя не признать наряду с их большой близостью друг к другу их сильного отличия от орхонской и таласской лапидарной руники.

Основываясь на этом, я не могу вполне согласиться с выводом С.Е. Малова относительно надписи на таласской палочке, что будто бы «при первом же взгляде на буквы этой палочки видна их своеобразность в сравнении с буквами орхонской, енисейской и восточнотуркестанской рунической письменностей». Совершенно очевидно, что необходимо сделать исключение для енисейских аналогий, особенно после счастливой находки В.П. Левашевой минусинского пряслица.

Однако все сказанное выше позволяет ставить вопрос и о происхождении таласской деревянной палочки с рунами. Она найдена в древнем шурфе, пробитом для добычи железного купороса или квасцов на южном склоне Киргизского хребта к северо-западу от села Дмитриевского в местности Ачикташ. Содержание ее надписей, мастерски раскрытое С. Е. Маловым, вполне обосновывает его вывод о том, что эта палочка не имела аналогий с уйгурскими деревянными кольями культового или магического значения, но «является своего рода путевым жезлом, путеводной палочкой».

Но кто был тот путешественник, которого привела в VII или VIII веке путеводная палочка на реку Талас? Нам кажется возможным предполагать его кыргызское происхождение. За это говорит отмеченное выше отличие путеводных надписей палочки от других восточнотуркестанских рунических начертаний и, наоборот, ближайшее сходство с енисейскими надписями, особенно со строчкой, вырезанной на пряслице № 2164 Минусинского музея.

Вероятно, это был один из тех предприимчивых кыргызских воинов-торговцев, которые, проникая в дальние страны вплоть до двора китайских императоров, разносили по Востоку славу о высоком мастерстве енисейских ремесленников, оружейников и художников-ювелиров. Если это так, то таласская палочка приобретает и еще одно значение. Она может стать первым документом, прямо фиксирующим проникновение кыргызов на Тянь-Шань ранее IX—X веков.

Заканчивая этим рассмотрение кыргызской письменности, нельзя не признать в ней действительный показатель высоты культуры енисейских кыргызов, сложности их общественного устройства и прочности их связей с соседними народами Азии. Эта связь обогащала кыргызов новыми достижениями восточной цивилизации, но не могла стереть оригинальных черт, характерных для народа енисейских долин».

* * *

Прочтя приведенную здесь статью С. В. Киселева, легко можно понять, что енисейские инородцы имели свою особую культуру и изобрели письменность раньше, чем русские заимствовали ее у Кирилла из греческого города Фессалоники, как о том гласит русская церковная легенда.

За Енисеем: тунгусы или эвенки

Едва переправившись через Енисей, русские встретились с одним из наиболее широко распространенных племен горной тайги и лесотундры — тунгусами. Им принадлежала особая роль в истории Сибири и соседних с ней стран Азии.

Тунгусы, как называли в XVII веке предков современных эвенков, эвенов и негидальцев, являются ядром всех народов, объединяемых в тунгусоманьчжурскую лингвистическую группу.

Название «тунгус» известно русским с XVI века, а самоназвание «орочен» в Приамурье («орочел» — на Охотском побережье и «эвен» — в Приангарье) известно с XVII века. К моменту первоначального соприкосновения с русскими тунгусы освоили почти всю сибирскую горную тайгу от Енисея до Охотского моря, часть лесотундры и тундры к западу от Лены.

О глубокой древности расселения тунгусов по енисейской тайге свидетельствует тунгусское происхождение названия Енисей, которое существовало еще до XVII века. Позаимствовав это название, самоеды (ненцы) только лишь добавили к нему обозначение «ям» — «большая река» (Ензя-ям). Кроме того, три четверти названий рек в бассейнах Подкаменной и Нижней Тунгусок, которые по-эвенкийски называются Катангами, также имеют тунгусское происхождение. Река Сым в XVII веке записана эвенкийским названием Чиромбу. Название Турухан также эвенкийское. Группы тунгусоязычных племен обитали в Нижнем и Среднем Приамурье, где они смешивались с местными аборигенами. Замечательно, что еще в XVII—XVIII веках у ряда тунгусоязычных групп сохранились пережитки древнего дооленеvodческого уклада их предков, пеших охотников и рыболовов тайги, не имевших оленей.

Охота производилась преимущественно в одиночку. Группой в два-три человека охотились на крупного зверя, когда надо было гнать его на стрелка, а также на переходах через речки мелких парнокопытных, когда те переходили на новые места. Основная охота была на мясного зверя, пушного били попутно. Первая охота кормила, поэтому и отношение к ней было особое. Рассказы об удачливых охотниках, которые

Пешие тунгусы на Ангаре

хватали на бегу зверя за ногу или, заколов медведя, перебрасывали его через голову и кололи другого, распространялись далеко по тайге. Про такого охотника сказания говорят, что он «четвероногому зверю не даст мимо пробежать, крылатой птице не даст над ним пролететь». Мясо, как и излишки рыбы, вялили на солнце и сушили над огнем, чтобы потом превратить их в муку.

На охоте тунгусы пользовались луками, рогатиной и устанавливали самострелы и петли. За зверем гонялись или били его на водопойных тропах из засады на деревьях и в лодках. Для выслеживания зверя маскировались, накидывая на себя шкуру с головы оленя, а иногда и целую. Всякого рода деревянные ловушки, связанные с полусидячим образом жизни, были для них не характерны.

Бродячие охотники добывали рыбу с помощью лука и остроги. Зимой старики кололи рыбу через лунки, а летом рыбаки занимались лучением с лодки. На небольших речках устраивали запоры и устанавливали в них корыта и «морды». В рыбалке участвовало много мужчин. Пешие тунгусы, попавшие в озерные районы (Забайкалье, Байкал, озера к западу от верхний Вилюя), на большие реки (Енисей, Ангара, Лена, Олекма, Амур) и на реки Охотского побережья, богатые рыбой, оседали и начинали заниматься рыболовством, не оставляя охоту. Но эти тунгусы составляли лишь небольшую часть, и их образ жизни не мог быть характерным для всех. В горной же тайге рыболовство имело такое же значение, как и собирательство: рыбой лакомились, как и ягодами, в определенные сезоны. Поэтому ни в сказаниях, ни в преданиях, ни в народном календаре рыболовство и оленеводство не получили своего отражения.

Домашние занятия всех тунгусов делились на мужские и женские. К мужским относились изготовление изделий из дерева, кости и металла, а также изготовление лодки-берестянки (бересту шили женщины), лодки-долбленки и нарт. Женщины выделывали шкуры, шили из них одежду, обувь, крыши для чума, предметы домашнего обихода. Они обрабатывали бересту и шили из нее посуду, а также «тиски» — берестяные полотнища для чумов и для лодок-берестянок. Мужчины умели украшать узорами деревянные, костяные и металлические вещи, женщины — ровдугу, бересту и меха. На женщинах лежали обязанности ухода за детьми и приготовление пищи.

Охотники жили в конусообразных жилищах, остов которых был покрыт корой лиственницы и полотнищами, сшитыми из бересты, ровдуги. По сказаниям, у восточных эвенков более древним жилищем, характерным для быта жены, был чум-чорама, в котором дымовое отверстие зимой служило и входом. Как говорят более поздние предания, традиция выхода через дымовое отверстие сохранилась только во время военных столкновений, когда герой выскакивает через него из чума. В местах, где тунгусы жили поблизости от скотоводов и коневодов, с которыми они были чаще во враждебных отношениях, рядом с конусообразным жилищем ставили свайное жилище. В нем помещались члены семьи во время отсутствия охотника. Они втягивали наверх бревно-лесенку, защищая себя от нападения врагов.

Бродячий образ жизни и охота оказали влияние на характер и многие стороны жизни тунгусов. Они обусловили любовь к новым местам и легкость передвижения и расселения, развили наблюдательность, умение ориентироваться в чужой местности, выносливость, смелость и силу, без которых нельзя было пере-

двигаться в горах. С охотой связана привычка ничего не накапливать. В сказаниях подчеркивается, что жене не нужно брать одежды, когда она направляется в места мужа, — он легко добудет зверя для одежды. После победы над врагом победители не брали никакого имущества. Это же отмечается арабскими источниками X (Гардизи) и XII веков (Марвази) у охотников с правых притоков Ангары, где проходила дорога из земли Киргизской в Курыканскую. Бродячий образ жизни отразился и на costume, который должен был быть легким, не стесняющим движений и быстро просыхающим. Поэтому он был составным (кафтан с нагрудником, покрывающим грудь, натазники с ноговицами и унты). Любую часть его можно было отдельно просушить у костра. Пищей было то, что добывал охотник (мясо птиц и диких зверей). Для общественной организации были характерны парные объединения частей родов и больших семей, дожившие у алданских и среднеамурских эвенков до XX века.

В парных объединениях семей господствовали родовые традиции и родовые институты. Первым законом была экзогамия, поэтому, согласно преданиям, при встрече двух человек сначала спрашивали о месте рождения, об имени, о происхождении и имени отца. Брак был обменным, также женились на женщинах, выданных в качестве виры после победы над противниками. Были случаи, когда женились на женщинах противника, взятых после столкновения. У всех охотников восточной тайги существовал крепкий запрет на браки их женщин с западными врагами. Расселение по тайге отдельными семьями заставляло молодых людей пускаться в далекие путешествия, чтобы найти себе «сотрапезника», «друга» из чужого рода или другого племени. Например, по сказаниям, охотники из Верхнего Приамурья находили себе жен на востоке у

разных племен: у сивиров и киданей, а также у других аборигенов, живших у моря.

Вторым законом была взаимопомощь как между членами одного рода, так и между семьями, находящимися в отношениях свойства. Человек, взявший себе жену, брал на себя обязанность защищать брата и отца жены, если на них нападет враг.

В каждом парном объединении, по преданиям, выделялся самый сильный, смелый охотник, который мог своей добычей прокормить всю группу. Если он удовлетворял всем требованиям (был умен, находчив, имел жизненный опыт), то во время столкновения он становился военным вождем.

Кроме того, в каждом объединении был один или два шамана. Назначение шамана — лечить больных, узнавать, кто «убил» человека, когда тот умер естественной смертью (естественная смерть представлялась всегда как насильственная: умершего человека якобы убил член другого рода). Шаман указывал на убийцу, и отряд мужчин шел мстить: требовалось убить только одного человека, члена рода, указанного шаманом. «Убивать» людей мог и шаман, он «съедал» души врагов. И такой случай тоже приводил к военному столкновению.

В сказаниях говорится также о религиозных представлениях тунгусов. Упоминаются духи — хозяйева мест и дома. Есть представление о слове, как о чем-то живом, имеющем духа, который может сделать все, что пожелает произнесший слово.

Кузнец, он же изготовитель луков, жил один на равных расстояниях от семей рода, «посредине» объединения. Он изготовлял луки, стрелы, мечи, броню и металлические украшения по заказу. Во время работы заказчик добывал ему питание. Подростки и старики

выполняли роль сторожей, которые, сидя на деревьях или на скале, следили за подходом врага.

Войны между такими объединениями были частыми, поэтому предания о столкновениях сохранились почти у всех групп эвенков в большом количестве. Причин для этого было немало. Наиболее частыми причинами были невыдача просватанной девицы, отказ в сватовстве или убийство свата; совсем редкими причинами были ссора, оскорбление и порча шаманского костюма.

О сражениях ради захвата имущества упоминают только самые поздние предания, которые возникли в XIX веке.

Наиболее древней формой борьбы был поединок двух предводителей. После этого шел бой между отрядами лучников и мечников. За поединком двух предводителей, по преданиям сумских эвенков, наблюдали все воины. Иногда они помогали своему вождю; например, в одном из преданий говорится: «Поставили мечи вождей Нары и Шинтавуля. Меч Нары воткнули в землю крепче. Вожди с определенного расстояния побежали к мечам. Пока Нара выдерживал из земли меч, Шинтавуль выхватил меч, рубанул его по руке».

Частые стычки привели к выработке целого ряда правил: женщин, детей и стариков не убивали, бой могли вести только мужчины, случайно попавшие под стрелу старики и женщины вызывали досаду.

Победители должны были взять на свое попечение женщин и детей, если все мужчины противников перебиты.

Уходя, они оставляли на своем пути метки на деревьях, чтобы мститель в будущем мог найти их.

Вожди, состарившись, старались найти способы, чтобы быть убитыми своими противниками. Некото-

рые из них даже передавали врагам свои стрелы, а другие предлагали съесть сердце, чтобы сила и ловкость перешла на них. «Меня убейте, сердце мое съешьте. Съев мое сердце, станете сильными, подобно мне, и никто вас не убьет», — говорит вождь Шинтавуль.

Перед тем как начать поединок или столкновение, необходимо было предупредить противника, затем раздражить его обидными словами или жестами, чтобы вызвать злобу. Перед началом сражения отрядов пускали специальную стрелу, объявляющую войну, и выкрикивали слова, значение которых давно уже забыто («Химилгэн! Хавун!»). Некоторые из восточных тунгусов, по преданиям, перед поединком менялись стрелами и договаривались о расстоянии для стрельбы друг в друга. Увертывались от пущенной стрелы по-разному. Западные тунгусы отскакивали от пущенной стрелы, восточные — ловили ее серединкой лука. Было характерным такое заявление воинов перед поединком: «Если я должен тебя убить, то убью без сожаления. Если я должен быть убитым, то умру, не прося пощады». Эта традиция относилась и к бою между отрядами, когда они перед боем предлагали биться до тех пор, пока всех не перебьют. По преданиям западных тунгусов, запрещалось убивать раненого противника, не закрыв его открытые глаза. На лежащего надо было что-либо набросить и тогда уже убивать.

При столкновении отрядов назначалось место боя. На реке один отряд помещался на высоком берегу, другой — на низком. Отряды перед боем разводили костры. В преданиях, отразивших более поздние столкновения, говорится, что отряды перед боем устраивали защиту в виде изгороди из нарт, покрытых меховыми коврами, а для удобства боя стволы всех деревьев на площадке, где шел бой, очищались от коры (это наблюдалось у потомков ангарских тунгусов). Площад-

ку окапывали валом (баргузинские и баунтовские тунгусы) или окружали изгородью (амгунско-охотские). В середине площади, защищенной оградой, оставались семьи.

И, наконец, согласно преданиям, когда нападение совершалось на стойбище одного хозяйства, то, увидев приближающегося врага, мужчина с берестой в руке прыгал в реку и отпускал там бересту, а сам под водой выплывал в противоположную сторону и выжидал, сидя в кустах. Зимой мужчина с семьей откопывал, прорубая на своем пути лед и маскируя проруби. Противник, преследуя беглеца, попадал в прорубь. Иногда, уходя от противника, вешали на пень кафтан и шапку, а сами сворачивали в другую сторону. Женщины, уведенные победителями, зная, что оставшиеся мужчины придут им на выручку, ночью перерезали тетивы луков у врагов, дырявили их лодки, «убегали под снегом», прятались в дуплах, в пустотах каменных осыпей, на сучьях деревьев. Они вешали на деревьях сухую обувь и еду для мужчин, которые придут им на выручку. Многое из приведенного здесь перекликается со случаями, записанными в русских письменных источниках XVII века.

Предания рассказывают и о приамурских соседях пеших тунгусов — сивирах и киданях, по языку близких тунгусам¹. Они жили в деревянных домах с несколькими покоями, но рядом с домом имели чум с выходом через дымовое отверстие и свайное жилище для женщин. Они тоже были охотниками горной тайги, но имели коней, а некоторые из них содержали для мяса и оленей, которые только летом жили недалеко от стойбищ, спасаясь от гнуса у дымокуров. Оленей дои-

¹ Кидани разработали собственную письменность, похожую на китайское иероглифическое письмо. Киданьские рукописи дошли до наших дней.

ли. Некоторые охотники сивиряки имели и верховых оленей, которых эвенки обычно убивали, принимая за диких.

Между эвенками, сивиряками и киданями существовали контакты, тогда как браки с западными конными племенами, употреблявшими металл, запрещались для всех охотников. Охотник, женившись на девице киданей или сивиряков, проводил в ее семье года два, затем отправлялся с женой в свои места. Жена всегда вела к мужу караван оленей. Таким образом, пеший охотник становился оленным. У себя он часто ставил два чума: для себя — конусообразный и для жены — по конструкции яранговый. Предания, сохранившиеся у потомков древних ангарско-прибайкальских тунгусов, рассказывают о нападениях на них племени корендо (возможно, курыкан), жившего около Байкала и уведившего в плен эвенков. Делая пленниц женами, они оставляли их жить на пути от корендо к тунгусам. След тунгусского названия этого народа остался в названии одного из верхних притоков ангарской Ии — Корендо.

Следующей группой, с которой имели взаимоотношения ангарские тунгусы, были енисейцы: кеты, асаны, котты. Жили они рядом с тунгусами. Об этом свидетельствует и топонимика. А на севере находились низкорослые чури, которые снимали шкуру с оленя чулком, были охотниками и рыболовами, держали много собак и ели собачье мясо. От связей с ними у потомков ангарских тунгусов осталось в языке много слов и грамматических элементов. От них же остались следы культа ворона, некоторые детали предметов в материальной культуре, ряд общих сюжетов в фольклоре и общая топонимика.

Бродячий образ жизни охотников-тунгусов еще на пешей стадии привел их к расселению вниз по Ангаре,

Енисею и по Лене из Приангарья — Прибайкалья. Уходя на север, они унесли с собой наименование «ламу-ды» или «ламкан — намкан», буквально «прибайкалец», позже — «приморец». А название самого Байкала — Ламу было перенесено на Ледовитый океан и Охотское море. Исключительное значение в жизни тунгусов имело возникновение оленеводства, вызвавшее распространение оленеводов по тайге.

Верхнеамурские тунгусы, осваивавшие местность Оро (выше Албазина), издавна назывались «орочены» (т. е. жители Оро). Согласно легендам, часть их приручила дикого оленя и научила его стоять у костров, спасаясь от таежного гнуса. Таким образом, как рассказывают сказания, олени стали полудомашними. Летом они жили около человека, а на зиму уходили в глубь лесов. Однако данные языка показывают, что верховая езда у тунгусов возникла под влиянием скотоводческих монгольских племен. Так, «седло» в эвенкийском языке — эмэгин, в эвенском — эмгун, в монгольском — эмэгэл, эмэл. «Обшивка седла», «седло, зашитое в мешки», «мешки» в эвенкийском языке — комдан, хомдан, ком, в монгольском языке хом — «потник под седлом верблюда». «Коврик под необшитое седло» в эвенкийском языке — тэнинэ, в монгольском языке тэн — «потник». «Метка» у эвенков — хим, в монгольском языке — им. «Холостить» в обоих языках — акта.

Оленеводы могли кочевать только в горной части Приамурья, так как географические условия долины Амура непригодны для оленеводства. Олени, вытаптывая моховые пастбища, переходили дальше по отрогам Хингана, Яблонового и Станового хребтов на новые пастбища, за ними должны были идти и их хозяева. Таким образом, расположение горных цепей

определило направление расселения оленных групп тунгусов — орочен. Оленеводы вступали во взаимные браки с пешими охотниками — эвенками и эвенами (ламкан — намканами) и передавали им оленей. Это также отражено в сказаниях эвенов. Одни из орочен вышли на Сахалин и, сохранив оленеводство, вошли в состав ороков. Другие, выйдя на Амур через Амгунь и потеряв оленей, перешли на Анюй и дальше на Тумнин. Здесь они вошли в состав орочей.

Распространяясь по отрогам Верхоянского хребта, оленеводы дошли до Лены и в тундре перешли ее. Якуты в XIII веке столкнулись на Лене уже с оленными тунгусами. Если оленные группы расселились по бассейну Средней Лены задолго до прихода русских в Сибирь, то на Оленек и в бассейны всех трех Тунгусок оленеводы проникли незадолго до прихода русских. Здесь, как и на севере, оленные тунгусы были сначала врагами коренных жителей.

Распространение оленных тунгусов на запад от Оленека и Вилюя отразилось в преданиях: среди этих эвенков в начале нашего века еще были в памяти два периода — время людоедов и время войн, когда появились олени. Приход оленеводов внес в этнографический комплекс и язык коренных эвенков немало черт, характерных для тунгусов Среднего Приамурья.

Если пешие охотники передвигались пешком даже в тех случаях, когда у них были олени, на которых перевозили только домашний скарб (детей в колыбелях переносили матери), то оленные передвигались на оленях верхом или на нарте. Такую нарту у якутских торговцев видел И. Идес в XVII веке. Рисунок этой нарты и посадка на ней те же, что у эвенков Южной Якутии в наше время. Поскольку эта ездая нарта низкая и короткая, на двух и трех парах дугообразных копыльев, можно думать, что она была заимствована тунгу-

сами от собаководов-аборигенов и приспособлена для оленей.

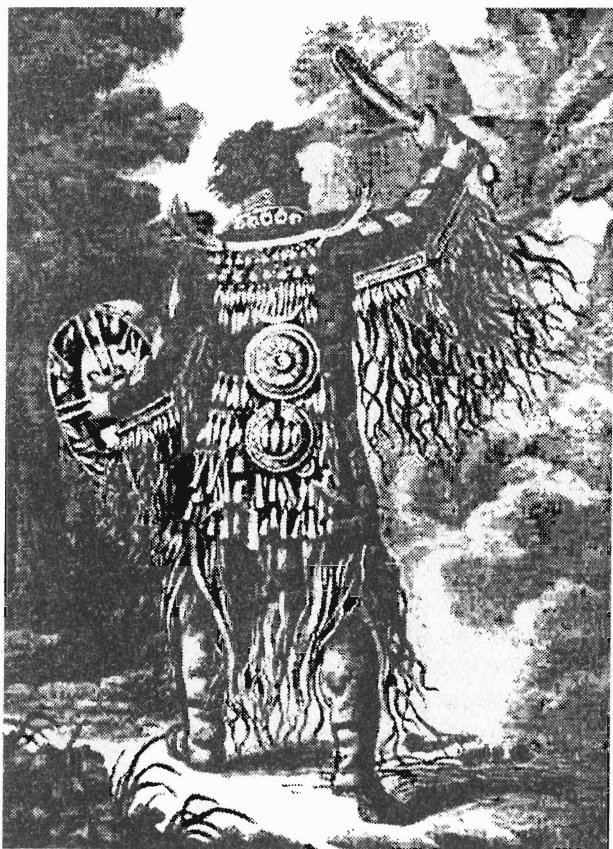
В Забайкалье, где тунгусы соприкасались с монголами и бурятами, в языках которых суффикс «чен» образует имя деятеля, появилось название «мурчен» («коневод»), наряду с этим название «орочен» приняло здесь значение «оленевод». Под влиянием степных скотоводов-монголов группы тунгусов (орочены), видимо, и перешли от пешего образа жизни к скотоводству.

У монголов тунгусы познакомились и с тканями, которые первоначально употреблялись только для ornamentировки ровдужной одежды, с горячей перековкой металла и с таким инструментом, как кузнечные меха. Став скотоводами, забайкальские тунгусы начали охотиться на конях и утратили «понягу» — наспинную дощечку и лыжи. От южных соседей орочены заимствовали кожаный чехол, который натягивали на каркас, и переправлялись в такой кожаной лодке через речки. Под влиянием соседей — монголов и бурят — тунгусы в степях Приамурья стали заниматься облавной охотой на коз. От 50 до 200 человек окружали табуны коз и били их стрелами. К мясной пище скотоводы добавляли рыбную и растительную. Из высушенных клубней сараны делали муку. Как и монголы, они приготавливали из кобыльего квашеного молока вино — араку. Из коровьего молока делали творог и сыры.

Скотоводство стало толчком для расселения тунгусов на юг по степным местам. Продолжая сохранять свои первоначальные самоназвания — «эвенки» и «орочены», они получили новые названия — «онгкеры», «солоны», «хамниганы».

Движение тунгусских племен из Забайкалья на восток привело к большим переменам в населении низовьев Амура. В состав аборигенных племен постепенно

вливались представители разных родов тунгусов-эвенков. Пришельцы утратили оленей, усвоили от аборигенов Нижнего Амура оседлый образ жизни и многие элементы их культуры, но сохранили основу языка, некоторые элементы религии и основные предметы общетунгусской культуры — конусообразный чум на промысле, лыжи, лодку-берестянку, обувь, некоторые элементы кафтана с нагрудником, уцелевшего в качестве ритуальной одежды, и колыбель.

Тунгусский шаман. Гравюра Е. М. Корнеева

Таким образом, к моменту первоначального соприкосновения с русскими тунгусы, рассеянные на огромных пространствах Сибири, сохраняя в той или иной мере исходную общность языка и культуры, делились на ряд групп, отличавшихся особенностями хозяйства и быта. Что же касается их социального строя, то все тунгусы не выходили за пределы патриархально-родовых отношений.

Русские служилые люди в XVII веке различали среди тунгусов «оленных», «конных», «скотных» (т. е. разводивших крупный рогатый скот) и «пеших», или «сидячих» (оседлых рыболовов и охотников на морского зверя). В пределах современной Якутии в XVII—XVIII веках жили лишь «оленные» тунгусы. «Конные» и «скотные» тунгусы кочевали на юге, в степях Монголии и Маньчжурии, а «пешие» жили оседло на Охотском побережье.

Хозяйство «оленных» тунгусов в XVII—XVIII веках являлось комплексным. Составными частями его были охота, рыболовство и оленеводство. Ясачные книги так характеризуют «оленных» тунгусов: «зимовейные ясачные люди, кормятца зверем и рыбою и живут, переходя с места на место».

Важнейшее значение в хозяйстве имела охота с собакой на мясного зверя. Охотились на лося, дикого оленя, медведя и других зверей. Применялась и маскировка. Путешественник Избранд Идес, говоря об охоте, писал: «Вместо шляпы на голове оленьи кожи и с рогами надевают... дабы оной зверь таким видом, будто он того ж роду, обманывают; и чтоб сия хитрость действительнее была, они у них на руках и на ногах ползают, и дабы тайным образом ко оным приблизитца, и по оным так близко стреляют, то редко не убьют». Ставили также западни с самострелами. Охотились часто «многолюдством», т. е. коллективно.

Мясо сушилось впрок. В лабазах сохранялся «весь зимней запас» — «мясо звериное, сухое и рыбная порса». Из шкур изготовлялись «одеяла медвежьи», «одеяла лосиные», «половинки лосиные» (покрышки для чума) и т. д.

Большую роль в жизни тунгусов играло рыболовство. Лена с притоками и другие реки изобиловали рыбой и доставляли тунгусам «рыбные кормы».

Оленеводство у тунгусов в XVII—XVIII веках было лишь подсобной отраслью хозяйства. Стада оленей были небольшие, и олени употреблялись в основном для перекочевок от «зверовки» к «рыбным местам». Правда, наряду с «ежжалыми оленишками» были и «оленишки кормные». Широко использовались олени шкуры.

С сезонными перекочевками связана была специфика тунгусского жилища. Наряду с «летними жилищами» — чумами тунгусы имели «зимние», носившие у казаков название «балаганов». Все запасы пищи и одежды хранились на деревьях в местах остановок при кочевьях.

Комплексное хозяйство тунгусов-олленеводов в XVII—XVIII веках было по преимуществу натуральным. Мясо и рыба — продукты звериных и рыбных промыслов — потреблялись внутри самого хозяйства. Иное значение имела пушная охота, которая связывала хозяйство тунгусов с хозяйством соседних народов. По Лене, Алдану, Вилюю и Олекме шел оживленный обмен с якутами, в Прибайкалье и Забайкалье — с бурятами и монголами, по Шилке и Амуру — с даурами, китайцами и маньчжурами. Путем обмена тунгусы получали железные изделия: тунгусы знали кузнечное дело, но еще не умели выплавлять железо из рудных пород и поэтому значительную часть железных

А — якут, В — калмык, С — остяк, D — тунгут

орудий доставали, выменивая их у якутов и бурят. Эти обменные связи («торги») с соседями существовали у тунгусов и до появления русских. Но сильный толчок развитию пушной охоты у тунгусов в XVII—XVIII веках дала ясачная политика царизма, а также установление торговых связей с русскими людьми.

На пушной промысел ходили осенью и в начале зимы. Летом на соболя не ходили. Техника соболиного промысла была проста. Охотились обычно в одиночку (в отличие от коллективных охот на копытного зверя). «Промышляют с сабаченки и стреляют из луков на сабачьей ноге, — писали русские служилые люди, — а кулемами промышлять не умеют... а как снега окинут большие и они и промышлять перестанут».

Основной социальной единицей тунгусского общества в XVII — XVIII веках был род. Однако родовой строй у тунгусов уже разлагался; единого родового хо-

зайства не существовало. Патриархальные группы, из которых состояли тунгусские роды, вели свое хозяйство самостоятельно. Это были большие патриархальные семьи; об одной из них сообщается, что, помимо главы семьи, в нее входили «детей три сына женатых да... брат ево...», а у этого брата «детей семь сынов, шесть женатых, а седьмой холост». В состав таких групп входили не только кровные родственники, но и так называемые «вскормленники» и рабы («холопы» или «боканы» по терминологии XVII века).

Источником рабства являлись межплеменные и межродовые войны. Рабами у тунгусов в XVII веке могли быть тунгусы-чужеродцы или представители других народов (якуты, юкагиры и т. д.). По фольклорным данным и документальным материалам XVII века можно видеть, что труд рабов применялся в хозяйстве. Рабы выполняли самые разнообразные работы: участвовали в соболином промысле, в военных предприятиях своих хозяев и т. д. В XVII веке рабов продавали, закладывали, отдавали в калым. Владели рабами обычно племенные и родовые вожди и их ближайшие родственники.

Но и между свободными родовичами уже не было равенства. Источники XVII—XVIII веков отчетливо показывают имущественное расслоение.

Проникновение русских на Лену

Летом 1624 года две партии мангазейских промышленников во главе с Иваном Зориным и Сидором Водяниковым пытались проникнуть на Лену, но были уничтожены кочевавшим на Средней Лене племенем шилигиров. Через четыре года подобная же участь постигла ватагу промышленника Владимира Шишки.

Несмотря на это, вскоре движение на Лену стало массовым. Не только из Мангазеи, но и с юга, из Енисейска по Верхней Тунгуске добирались на Лену отряды предприимчивых казаков и промышленников. В то время, когда мангазейцы вышли по Вилюю к низовьям Лены, енисейцы появились в среднем и верхнем ее течении, подчинив живших там тунгусов и якутов. В 1632 году стрелецкий сотник Петр Бекетов заложил на правом берегу Лены острог, сыгравший исключительно важную роль в дальнейшем освоении северо-востока Азии.

Стены острога подмывало водой, и атаман Иван Галкин в 1634 году перенес его примерно на 20 километров вверх по правому берегу Лены. Так как острог продолжало подмывать водой, в 1642 году воевода П. Головин построил новый, на этот раз на левом берегу реки. Ленский острог просуществовал до 1681 года, когда при воеводе И. Приклонском был построен семибашенный город Якутск, обнесенный в 1686 году высоким частоколом.

Самым многочисленным и культурным народом Сибири были якуты. Основным их занятием было скотоводство, а подсобным — охота. Они знали кузнечное производство и гончарное дело. Материальная культура якутов была сравнительно высока. Зимой якутские семьи жили в деревянных юртах, а летом выезжали на пастбища и жили там в урасах, крытых берестой. К приходу русских классовая дифференциация среди якутов достигла значительного уровня. Богатая верхушка (тойоны) владела большим количеством скота.

Якуты, как и их соседи тунгусы (эвенки), еще не знали огнестрельного оружия. Вооружены они были копьями, луками и стрелами с железными наконечниками. Тем не менее они представляли серьезную силу

в борьбе с казаками, которые к тому же были заняты междоусобными распрями, особенно в первоначальный период, когда в низовьях Лены встретились два потока казаков: северный — мангазейский и южный — енисейский. Казаки силой оружия оспаривали друг у друга право собирать ясак с местного населения.

Вот один из примеров таких междоусобиц. Летом 1632 года из Ленского острога «вниз по Лене на новую реку Варку» выплыл отряд енисейских казаков — Дружина Чистяков, Яков Шестак и Остафий Серебрянник с товарищами. Подходя к реке Вилюю, они встретили мангазейцев во главе со Степаном Кобытовым, идущих собирать ясак на Лену. Расспросив енисейцев о целях их плавания, Кобытов предложил им совместный поход на Алдан и Амгу, но, не получив согласия, напал на них и взял в плен. Кобытов потребовал с местных князцов ясак, хотя и знал, что он уплачен в Ленский острог. Возмущенные новыми поборами, долганы и якуты напали на сборщиков ясака и некоторых из них убили. В отместку за смерть товарищей Кобытов арестовал гостивших у него якутских князцов. Назревало восстание. Якуты и долганы «отложились от государя» и решили пойти войной.

Не подозревая о самоуправстве мангазейцев, атаман Иван Галкин, сменивший в Ленском остроге Бекетова, летом 1634 года послал в низовья Лены казака Семена Чюфариста с товарищами для взимания таможенных пошлин с мангазейских промышленников. Чюфаристу был отдан строгий приказ: в случае сопротивления препроводить мангазейцев в острог. 27 мая струги Чюфариста вошли в Алдан и, следуя вверх по течению, через два дня встретились с отрядом Кобытова, возвращавшимся с Амги. Кобытов пытался уйти вниз по реке, но струги легко нагнали его и принудили остановиться. Завязалась перестрелка. Два енисей-

ских казака были убиты, многие ранены. Победителем остался отряд Корытова.

Весть о сопротивлении мангазейцев дошла до Галкина. Забрав с собой 40 казаков, он вышел на подмогу Чюфаристу. Произошла новая стычка. С обеих сторон было убито до десятка казаков. Наконец мангазейцев окружили и заставили сдаться. В результате этого боя низовье Лены осталось за енисейцами.

Увы! Казаки шли в Сибирь за добычей, а вовсе не для ее хозяйственного освоения. И из-за добычи убивали друг друга.

После стычек на Амге якуты отказались платить дань. Галкину пришлось приложить немало стараний, чтобы добиться уплаты ясака. Ерофей Хабаров, прибывший на Лену летом 1633 года, рассказывал, что Галкин три раза за оставшуюся половину года посылал его и других промышленных людей в поход на якутов. По словам Хабарова, эти экспедиции кончались вооруженными схватками. Так что происходило не мирное присоединение пустующих территорий, а вооруженный захват земель тех народов, которые там проживали.

Недовольство якутов в конце концов вылилось в открытое восстание. Центром заговора против Ленского острога стал улус князца Умымака. Осенью 1633 года туда собралось с верховьев и низовьев Лены, с гор и долин якутское войско. По подсчетам казаков, к Умымаку пришло 600—700 воинов.

5 января 1634 года отряд Галкина, состоявший из 150 казаков и промышленников, нанес неожиданный удар по войскам якутских князей, но, встреченный мощной контратакой, откатился назад. На протяжении 8 верст князья преследовали казаков. Некоторые казаки получили по 5—8 ранений. 9 января якутское войско обложило Ленский острог и продержало его в

осаде два месяца. Только весной в Якутск стали собираться люди с промыслов, пополнившие гарнизон. Теперь перевес оказался на стороне казаков, и якуты отступили. Боясь мести, участники восстания хотели бежать. Галкин сам поехал в улусы уговаривать якутов давать «государев ясак без всякого опасения». В конце концов ему удалось убедить якутскую верхушку в необходимости прекратить борьбу.

Однако же остановимся подробнее на происхождении самих якутов.

Ранняя история якутской народности

Историками Китая постоянно упоминаются варварские племена Монголии и Сибири, с которыми китайцы издавна находились в многообразных связях.

Несмотря на отдаленность Прибайкалья от Китая, в летописях танской династии действительно сохранилось краткое, но вполне отчетливое описание племени, известного китайцам под именем гулигань.

В летописи танской династии сказано, что гулиганы входили в число древнетюркских племен гао-гюй

Якуты в старинных одеждах

или хой-хэ, т. е. уйгуров. Но все китайские источники в полном согласии друг с другом отмечают, что гулиганы в танское время жили далеко севернее всех уйгурских и вообще тюркских племен.

В переводе И. Бичурина из «Истории династии Тан» о местопребывании гулиганей сказано: «Гулигань кочевало по северную сторону Байкала. Земли гулиганевы на север простирались до моря и от столицы Китая чрезвычайно удалены. По переправе за море «Байкал» на север дни долгие, ночи короткие. По закате солнца только что баранья селезенка успеет изжариться, как на востоке уже показывается рассвет. Сия страна близка к месту солнечного восхождения».

Сведения эти были настолько необычными для жителей Китая, что тысячелетием позже, в XVIII веке, император Цянь-Лун в своих примечаниях к своду летописных известий всех династий — «Тунцзян» — выражал крайнее недоумение по поводу сообщения танской летописи о стране гулиганей. «Какая правда, — писал император, — в том, что от сумерек до рассвета сварится одно баранье междуплечие? Только пользуясь принесенными хвастливыми словами записали их в исторические списки. Дело не соответствует истине, не заслуживает передачи на веру».

Однако краткий и безыскусственный рассказ танского летописца о длинных днях и коротких ночах хорошо рисует картину короткого северного лета с его белыми ночами. От него и на самом деле веет суровым дыханием Арктики. Более того, северный край, о котором слышали китайцы танского времени, может быть локализован довольно точно в пределах между современным Якутском на юге и Жиганском на севере. Но далее на север, за полярный круг, в страну, где летом солнце кружится над горизонтом, не спускаясь круглые сутки, сами информаторы танского летопис-

ца явно не проникали. О стране незаходящего полярного солнца они еще не подозревали.

Некоторые исследователи, в том числе Д. Позднеев и Шаванн, полагают, что «Ханьхай» танского текста, от которого страна гулиганей лежит к северу, означает не море Байкал, а песчаную степь. Байкалом же, по разъяснению ученых китайцев, составлявших в 1744 году общее описание империи Дацин, является то море, которое лежало к северу от гулиганей.

В таком случае гулиганы должны были жить не к северу, а к югу от Байкала, немного севернее хой-хэ, т. е. уйгуров, как и сказано в «Географии Китая и иностранных земель», составленной в сунское время.

Кроме того, в другом китайском источнике танской эпохи, в географическом обозрении «Тан-шу-дили-чжи», ясно сказано, что и к северу от Байкала живут люди, сходные по обычаям с гулиганами: «На север от двух поколений Гулигань и Дубо имеется небольшое море. Когда лед крепок, лошади, идя восемь дней, могут переправиться. На север от моря много больших гор. Жители их по фигуре очень крупны. Обычаем похожи на гулигань. День длинен, а вечер короток. Так называемое Малое море и есть эти воды».

Малым морем здесь, конечно, назван Байкал, а описываемые здесь горы несомненно являются горами Прибайкальского или Онотского хребта. Переезд на лошадях через «Малое море» по льду тоже соответствует действительности.

Жителей этих мест знали под сходным наименованием и древние тюрки Монголии. Они называли их курыканами.

В летописи танской династии особо отмечено, что посланника курыканов приняли в столице Китая «с честью». Прибытие курыканов к императорскому дво-

ру вызвало затем ответное посольство из Китая: «Как скоро гулиганцы приехали ко двору, то указано отправить военного сановника Кхан-Суми с благодарным ответом».

Спустя 15 лет после прибытия посольства 647 года в Китай в стране курыканов произошла значительная перемена. Как говорит танская летопись, «в правление Луншо, 662 год, округ Сюань-Кюе переименован в Юйву и подчинен Байкальскому (Ханьхайскому) наместническому правлению».

Эта перемена означала, очевидно, ограничение самостоятельности курыканов, которые подчинялись теперь уже не прямо китайскому правительству, а его ханьхайскому наместнику. В летописи по этому случаю сказано: «Почти все северные инородцы были подчинены». Это не мешало им, разумеется, являться в Китай с посольствами.

В самом конце VII века упоминается третье посольство курыканов к китайскому двору: «В годы Яньцзай (694—695) они также явились ко двору». Это посольство состоялось, должно быть, уже перед вторжением в 694 году в Китай тюркского хана Капаган-кагана, Мочжо.

Из западных своих соседей курыканы находились в постоянной дружбе с жившими в Саянах соседями кыргызов дубо.

В «Вэнь-сянь-тун-као» о их поездке вместе с гулиганями в Китай сказано, что при прежних династиях они не сносились с Китаем, но «услышав, что гулигань явились для сношений с Китаем в 21-й год правления Чженгуань (647 год), отправили посла представить дань».

В «Юань-цзянь-лэй-хань», в выдержке из «Новой Танской истории», указано по этому поводу: «В 21-й

год правления Чженгуань (647 год) через гулигань представили дань. Также через посланника снеслись с Китаем».

Эти сообщения следует понимать, очевидно, так, что, услышав о намерении гулиганей послать своих послов в Китай, дубо присоединили к ним своего посланника и вручили гулиганям для передачи императору подарки в качестве дани.

О дружбе и тесной связи, существовавшей у курыканов с лесными племенами Саяно-Алтайского нагорья и Красноярского края, косвенно свидетельствуют и археологические памятники.

Находки в пещерах, материалы городищ ладейского типа и обычных открытых поселений, стоянок той же ладейской культуры в долине Енисея у Красноярска имеют очень близкое сходство с курумчинскими в целом ряде существенных деталей. Одинакова, например, в основе керамика. Культурно-историческая связь курыканов с их более культурными, но и более отдаленными западными соседями — енисейскими кыргызами — алтайскими тюрками отражена также памятниками искусства — писаницами и, как мы увидим далее, характерными чертами рунического шрифта.

Постепенно из областей южнее Байкала курыкан вытеснили монголы, а те, что жили ниже по течению Лены, оттеснялись все севернее.

«У якутов, как утверждают очень немногие, была когда-то письменность, но вследствие какого-то великого несчастья, постигшего все племя, они все письменна и книги бросили в реку. Но при каких обстоятельствах это произошло и когда, они не знают», — пишет, например, М. П. Овчинников, изучивший быт якутов Олекминского района в конце XIX века.

Источником, из которого якуты черпали эти свои

сведения, по-видимому, была известная генеалогическая сага якутов об Эллэе и Омогой-бае.

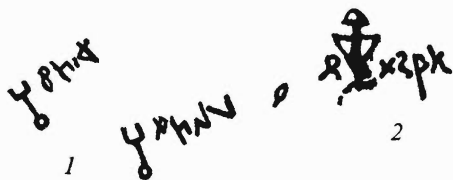
«На прежней своей родине Эллэй был грамотным, имел книги, но книги свои бросил в реку, когда бежал из дома».

По одним преданиям, Эллэй просто потерял или утопил «свои тогдашние ученые письменна», по другим — письменна эти принадлежали отцу Эллэя Дархану или Хайарангу и были положены вместе с ним в гроб.

В олонхо также упоминается какая-то древняя письменность. В поэме «Грозный Разящий» Агья-богатырь встречает у восьмируслого Араат-моря человека в шляпе, на которую напало девять аршин снега. По словам сказителя, тот человек «стоит и на каменном столбе письменна пишет». Имя его «небесных велений веда-тель и письмоводец» или, иначе, «рока писец».

В другой былине этот писец велений рока оказывается самим Дьылга-тойоном, божеством судьбы. «Я про Ньургун-баатыра, — говорит он, — написал на чистом каменном столбе, имеющем четыре грани о восемь острий, алой кровью верхних мест, чтоб он стал вождем в мощных битвах, чтоб он осудил злодеев разных стран, чтоб он укротил обманщиков в тех краях».

О том, что предки якутов знали письменность, свидетельствуют писаницы на скалах реки Лены. А. П. Окладниковым обнаружены писаницы с руническими знаками на правом берегу Лены на Шишкинских скалах, вблизи

Рунические надписи у деревни Давыдово, Верхняя Лена: Алкатим — я благословил. Просьба о даровании удачи в охоте. Благослови, господи

«Якутского взвоза», они есть и севернее, недалеко от Верхоленска, против деревни Давыдово. Писаница у деревни Давыдово расшифрована А. И. Бернштамом как якутское слово «алкатим» — «Я благословил». Писаницы почти такого же содержания имеются на правом берегу Лены, против острова Писаный. Самый северный в мире памятник рунической письменности обнаружен А. П. Окладниковым на левом берегу реки Лены, ниже села Синска, в 200 км от города Якутска, у деревни Петровской, уже в Центральной Якутии.

На севере якуты потеряли не только письменность, но и земледельческие навыки, которыми владели их предки, обитавшие около озера Байкал. Однако и в глубине Якутии они сохранили свои стада рогатого скота и табуны лошадей, свой язык и свою культуру.

Хозяйственное освоение Сибири русским населением

С конца XVI века началось систематическое заселение Зауралья русским народом и освоение им совместно с народами Сибири ее природных богатств. За «каменем», т. е. за Уралом, лежала огромная территория площадью более 10 млн кв. км. На просторах Сибири, по подсчетам Б. О. Долгих, жило примерно 236 тыс. человек нерусского населения¹.

Перевалив за Урал, русские постепенно знакомись с природными богатствами нового края: полноводными и рыбными реками, богатыми пушным зверем лесами, хорошими, пригодными для хлебопаше-

¹ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 617.

ства землями. Вместе с тем они не нашли здесь привычных им возделанных полей. Указаниями на отсутствие хлеба, на испытываемый русскими пришельцами голод пестрят первые русские описания даже тех районов, где позднее заколосятся тучные нивы.

Эти первые впечатления не были обманчивыми. Дорусское земледелие здесь может быть отмечено лишь для немногих мест преимущественно южной части Сибири (Минусинская котловина, речные долины Алтая, дауро-дючерское земледелие на Амуре). Некогда достигшее относительно высокого уровня, оно по ряду исторических причин испытало резкий упадок и фактически было разрушено задолго до прихода русских поселенцев. В других местах (нижнее течение Тавды, нижнее течение Томи, среднее течение Енисея, верхнее течение Лены) земледелие носило примитивный характер. Оно было мотыжным (за исключением земледелия тобольских татар), отличалось немногочисленным составом культур (кырлык, просо, ячмень и реже пшеница), очень малыми посевами и столь же ничтожными сборами. Поэтому земледелие повсеместно восполнялось собиранием дикорастущих съедобных растений (сарана, дикий лук, пион, кедровый орех). Оно всегда было лишь вспомогательным занятием, уступая место ведущим отраслям хозяйства — скотоводству, рыболовству, охоте. Районы примитивного земледелия перемежались районами, население которых не знало земледелия совсем. Огромные массивы земли еще никогда не трогала ни кирка, ни мотыга. Естественно, что подобное земледелие не могло стать источником пищевых запасов для прибывшего русского населения.

Русскому земледельцу с его знанием сохи и бороны, трехпольного севооборота, применения удобрений пришлось, используя свои трудовые навыки, заклады-

вать в этих местах по существу новое хлебопашество и развивать его в незнакомой географической среде, в окружении неизвестного неземледельческого населения.

Придя в Сибирь с другими целями, русские обратились к земледелию в первые же годы своего продвижения на восток, так как продовольственный вопрос в Сибири сразу встал очень остро. Его пытались первоначально разрешить путем завоза хлеба из Европейской Руси. Хлеб везли с собою правительственные отряды, торгово-промышленные люди, отдельные переселенцы. Но это не решало вопроса о питании постоянного русского населения Сибири. Не разрешили его и ежегодные поставки хлеба. Обязанностью поставлять «сошные запасы» были обложены северорусские города с их уездами (Чердынь, Вымь-Яренская, Соль-Вычегодская, Устюг, Вятка и др.). Кроме того, дополнительно были организованы правительственные закупки хлеба в Европейской России. Поставка запасов в Сибирь обходилась необычайно дорого и занимала длительное время: провоз хлеба от Устюга до берегов Тихого океана длился 5 лет. При этом стоимость хлеба увеличивалась в десятки раз, а часть продовольствия по пути погибала. Удовлетворить полностью спрос на хлеб подобная организация поставок не могла. Население постоянно жаловалось на голод. Кроме того, правительство нуждалось в хлебе для обеспечения служилых людей, которым оно выдавало «хлебное жалованье».

Наказы сибирским воеводам в течение всего XVII века наполнены указаниями о необходимости заведения государственной пашни. В то же время люди распахивали землю по собственной инициативе. Этому способствовал и состав населения, прибывавшего

в Сибирь. Значительную его часть составляло трудовое крестьянство, бежавшее из центра от феодального гнета и мечтавшее о занятии привычным делом. Таким образом, в качестве начальных организаторов сибирского земледелия выступили феодальное государство, с одной стороны, и само население — с другой.

Государство стремилось завести в Сибири так называемую государеву десятинную пашню. Объявив всю сибирскую землю государевой, правительство предоставляло ее для пользования непосредственному производителю материальных благ на условиях обработки. Государево поле обрабатывалось крестьянами под непосредственным наблюдением приказчиков. В других случаях государева десятина непосредственно присоединялась к «собинным» участкам. И хотя при этом не было территориального разделения барщинного и крестьянского полей, приказчик наблюдал за обработкой только государевой десятины (обычно наиболее урожайной) и сбором с нее хлеба. Случаи обработки крестьянином только государева поля с получением «месячины» (продовольственного хлеба) в Сибири были немногочисленны. Зато уже в XVII веке имели место случаи замены обработки государевой пашни (барщины) внесением хлебного оброка (натуральной рентой). Однако барщинный труд для сибирского крестьянина в течение всего XVII века был господствующим.

Специфической особенностью Сибири явилось то обстоятельство, что феодальное государство в своем стремлении завести барщинное хозяйство столкнулось с отсутствием крестьянского населения. Использовать местных жителей в качестве феодально-обязанных хлебопашцев оно не смогло из-за отсутствия соответствующих производственных навыков у аборигенов. От-

дельные попытки в этом направлении, предпринятые в начале XVII века в Западной Сибири, не имели успеха и были быстро оставлены. С другой стороны, заинтересованное в получении пушнины государство стремилось сохранить охотничий характер хозяйства местного населения. Последнее должно было добывать пушнину, а производство хлеба ложилось на русских переселенцев. Но малочисленность русских стала основным препятствием в деле разрешения хлебных затруднений.

Вначале правительство пыталось преодолеть это затруднение путем насильственного переселения крестьян из Европейской России «по указу» и «по прибору», создавая тем самым одну из ранних групп сибирского крестьянства — «переведенцев». Так, в 1590 году были направлены в Сибирь в качестве пашенных крестьян 30 семейств из Сольвычегодского уезда, в 1592 году — крестьяне из Перми и Вятки, в 1600 году — казанцы, лаишевцы и тетюшцы. Мера эта оказалась недостаточно эффективной, а кроме того, она ослабляла платежеспособность старых уездов, обходилась дорого крестьянским мирам и вызывала поэтому протесты.

Другим источником получения рабочей силы на государеву пашню явилась ссылка. Сибирь уже в XVI веке служила местом ссылки на поселение. Часть ссыльных направлялась на пашню. Эта мера действовала в течение всего XVII столетия и перешла в XVIII. Количество ссылаемых бывало особенно значительным в периоды обострения классовой борьбы в Центральной Руси. Но и этот способ обеспечения земледелия рабочей силой не дал ожидаемого эффекта. Ссылные частично погибали во время невероятно тяжелого пути. Некоторые уходили в посады и гарнизоны, дру-

гая часть насильно «посаженных на пашню» людей, нередко не имевших достаточных навыков, сил и средств, «бродила меж двор» или бежала в поисках свободы и лучшей жизни дальше на восток, а иногда обратно на Русь.

Наиболее эффективным явилось привлечение на государеву пашню лиц, прибывших в Сибирь на свой страх и риск.

В некотором противоречии с общим строем феодального государства, прикреплявшего крестьянина к месту, правительство уже в XVI веке предлагало сибирской администрации призывать в Сибирь «охочих людей от отца сына и от брата брата и от сосед соседей». При этом район выселения ограничивался поморскими уездами, свободными от поместного землевладения. Затронуть интересы помещиков власть не решалась. Правда, в то же время правительство несколько расширило свою программу, предлагая призывать в пашенные крестьяне «из гулящих и всяких охочих вольных людей». В эту категорию лиц могли попадать и попадали выселенцы не из поморских уездов, а беглецы из районов помещичьего землевладения. С начала XVII века идут дела о сыске бежавших в Сибирь, возбуждаемых по челобитьям землевладельцев. Правительство вынуждено было принять ряд запретительных мер вплоть до сысков и возвращения беглецов.

Общий итог переселения крестьян в Сибирь к концу XVII века оказался довольно значительным. По окладной книге Сибири 1697 года насчитывалось свыше 11 400 крестьянских дворов с населением более чем 27 тысяч человек мужского пола.

Уйдя с насиженных мест, при этом часто тайком, проделав огромный и тяжелый путь, большинство бег-

лецов приходило в Сибирь «душой и телом» и было неспособно завести самостоятельно крестьянское хозяйство. Воеводская администрация, желая организовать государеву запашку, вынуждена была прийти им в какой-то мере на помощь. Эта помощь выражалась в выдаче подмоги и ссуды. Подмога являлась безвозвратной помощью, денежной или натуральной, для устройства крестьянином собственного хозяйства. Ссуда, также денежная или натуральная, имела ту же цель, но подлежала обязательному возврату. Поэтому при выдаче ссуды оформлялась заемная кабала.

Подмога и ссуда давали возможность пришлому люду приступить к организации сперва «собинного» хозяйства, а затем, по истечении льготных лет, и к обработке государева десятинного поля. Так возникали в Сибири государевы деревни, населенные государевыми пашенными крестьянами.

Одновременно шло устройство крестьянских поселений другими путями. Известную роль в этом направлении сыграли сибирские монастыри. В течение XVII века в Сибири возникло более трех десятков монастырей. Несмотря на то что они возникали в условиях весьма сдержанного отношения правительства к росту монастырского землевладения, все они получали земельные пожалования, земельные вклады частных лиц, кроме того, монастыри прикупали землю, а иногда просто ее захватывали. Самым значительным землевладельцем такого типа был тобольский Софийский дом, начавший получать земли уже с 1628 года. За ним следовали тридцать пять монастырей, возникших на всей территории Сибири — от Верхотурья и Ирбитской слободы до Якутска и Албазина.

В отличие от среднерусских монастырей они получали в свое владение земли незаселенные, но с правом «призывать в крестьяне не с тягла и не с пашен и не

крепостных людей». Пользуясь этим правом, они развернули деятельность по устройству на монастырские земли новопришлого населения на условиях аналогичных тем, которые практиковались при устройстве государевой десятинной пашни. Так же как и там, монастыри выдавали подмогу и ссуду и предоставляли льготы. Согласно порядным записям, новопришелец обязывался за это с монастырской земли «не сойти» и обрабатывать монастырскую пашню или вносить в монастырь оброк и выполнять другие монастырские «изделия». По существу дело шло о самопродаже людей в монастырскую «крепость». Таким образом, беглец из Руси и в Сибири на монастырских землях попадал в те же условия, от которых он ушел с прежних мест.

Результаты деятельности сибирских монастырей по закабалению пришлого населения следует признать значительными. К началу XVIII века за сибирскими монастырями числилось 1082 крестьянских двора.

Наряду с указанными двумя путями шло и самоустройство пришлого населения на землю. Часть переселенцев бродили по Сибири в поисках заработка, пробавляясь временными работами по найму. Какое-то количество людей прибывало в Сибирь для работы по добыче пушнины на промыслах, которые организовывали русские богатеи. Впоследствии мы находим их в числе государевых крестьян. Этот переход к хлебопашеству происходил либо путем официального поверстания в крестьяне и отвода воеводской администрацией участка земли для «собинной» пашни с определением размера повинностей (государева десятина пашня или оброк), либо путем захвата земли и самовольной обработки ее. В последнем случае при очередной проверке такой хлебопашец все равно попадал в число государевых крестьян и начинал выплачивать соответствующую феодальную ренту.

Таким образом создавалось основное ядро сибирских земледельцев. Но крестьяне не были одиноки в своих земледельческих занятиях. Острая нехватка хлеба в Сибири XVII века побуждала и другие слои населения обращаться к хлебопашеству. Наряду с крестьянами землю пахали служилые и посадские люди.

Сибирский служилый человек в отличие от служилых Европейской России, как правило, не получал земельных дач. И это вполне объяснимо. Незаселенная и необрабатываемая земля не могла обеспечить служилому человеку существования и выполнения им службы. Поэтому здесь служилый человек получал денежное и хлебное жалованье (в зависимости от служебного положения в среднем от 10 до 40 четей хлебных запасов на год). Примерно половина этого числа выдавалась овсом с расчетом на подкормку лошадей. Если считать средний состав семьи в 4 человека, то (при содержании в чети 4 пудов) на одного человека приходилось от 5 до 20 пудов ржи на год. Причем основная часть служилых людей — рядовые, получавшие наименьшие оклады, — получала на одного едока по 5 пудов в год. Даже при аккуратной выдаче хлебного жалованья размеры оклада плохо обеспечивали потребности семьи в хлебе. Практически же выдача хлебного жалованья производилась со значительными задержками и недодачами. Вот почему служилый человек в Сибири часто принимался пахать сам и вместо хлебного жалованья предпочитал получить земельный участок.

Чтобы читатель мог немного отдохнуть от проблем первых русских переселенцев, сделаем перерыв и сообщим о том, что увидели европейцы, впервые попав в Западную Сибирь. И расскажет нам об этом г-н де ля Мартиньер.

Пьер-Мартин де ля Мартиньер. Путешествие в Северные страны¹

**«Отъезд автора из Почоры в Сибирь; о встрече с
пятью ссыльными, сосланными Великим Князем,
об их несчастиях и о прибытии в Папингород²»**

Когда мы все встали, наш приказчик просил у почорского воеводы распорядиться насчет оленей, чтобы ехать в Сибирь, и тот доставил нам семь штук, именно: по одному для приказчика, для подручного, для меня, два для матросов, по одному для проводника и под табак и водку с провизией, которой он снабдил нас до Папингорода; деньги приказчик взял с собою. Когда олени запряжены были в соответствующее количество саней, воевода велел заложить еще одни для своего слуги — проводника, который должен был ехать с нами до известного места, где нам предстояло переменить оленей, а он должен был вернуться назад с оленями воеводы. И за все это мы заплатили ему 4 дуката. Прежде чем отправиться в путь, мы выпили по пяти или шести чарок водки на расставанье, и, поблагодарив за доброе расположение нашего почорского хозяина и вичорскаго воеводу, мы простились и отправились в путь, следуя по берегу реки, по местности

¹ Париж, 1671. Перевод см. в «Записках Московского археологического института», т. 15).

² Герберштейн упоминает прямо о *Papin seu Papinowugorod'e*, «жители которого называются папинами и имеют язык, отличный от русского». Приведя это известие, Замысловский пишет: «Этот же город показан и на некоторых картах XVII в.», и далее цитирует вышеприведенные слова Литке: «А потому может быть, что и существовало в то время какое-нибудь урочище сего имени, но теперь оно вовсе неизвестно». Но вероятнее, Папингород — это Ляпин городок в Тобольской губернии, Дямна (теперешнее название деревни).

*A Paris
chez Louis Dandosse proche
Monseig.^r le Premier-Président.*

крайне неприглядной, без всяких проезжих дорог, и в течение добрых 4 часов не встретили живой души, кроме четырех белых медведей огромной величины, которые пересекли нам дорогу, перебегая от реки, где они были при нашем появлении, в лес; часа через два мы очутились поблизости от 7—8 хижин, где, однако, мы никого не застали, так как жители ушли на охоту.

Тут мы сошли с саней, чтобы подкрепиться, а в это время пятеро или шестеро мужчин, с женами и детьми, вернулись с охоты, которая была для них очень удачна, так как они принесли шесть шкур медведей, четыре волчьих, семь белых лисиц, пару горностаев и восемь соболей.

Они очень удивились, увидев нас, и хотели было убежать, если бы данный нам почорским воеводой проводник не подошел к ним и не уверил их, что мы их друзья и купцы, едущие в Папингород, и что мы у них купим меха; тогда они подошли к нам и с изумлением разглядывали нас, сколько ради одежды, непохожей на их костюм, столько же ради нашего наружного вида

и языка, которого они никогда не слыхали, как и мы их языка; затем мы затеяли с ними торговлю, при помощи нашего переводчика, и они доставили нам оленей для дальнейшего пути, вплоть до устья Папиногородской реки.

Через два или три часа после того как мы покинули реку Почору, следуя по течению Папиногородской реки, по очень тяжелой дороге, мы увидели пять человек, одетых в медвежьи меха по-московитски, выходящих из леса навстречу нам. Каждый из них имел на плече ружье, сбоку охотничью сумку, а также нож в ножнах, вроде наших охотничьих; мы велели проводнику остановить оленей, чтобы узнать, кто они такие? Один из них, признав в нас иностранцев, поздоровался с нами по-немецки, высказав пожелание быть столь же свободным, как и мы. Наш приказчик, родом из Нижней Саксонии, услышав родную речь, спросил: откуда они? Тот ему ответил, и когда оказалось, что они знакомы, приказчик сошел с саней, обнял его и спросил: как он здесь очутился? Саксонец отвечал, что он сослан великим князем охотиться на соболей, что считается наказанием в этой стране, как во Франции ссылка на галеры; одни остаются здесь по 10 лет, другие по 6, иные по 3, кто больше, а кто меньше, а затем, по миновании срока ссылки, они свободны.

Это известие заставило всех нас сойти с саней, и не успел я стать на ноги, как один из пятерых меня узнал, взволнованный, бросился меня обнимать и спросил по-французски: откуда я и куда еду? Это меня очень удивило, так как я не узнавал его благодаря, с одной стороны, одежде, большой бороде и облысевшей голове, с другой — благодаря худобе его тела, от которого осталась только кожа да кости; видя это изумление, он сообщил мне, что он — лотарингский дворянин, полковник московитского конного полка, который

столько раз угощал меня в Стокгольме и хотел даже взять меня в Москву. Роскошное платье, в котором я его видал когда-то, уважение, которое ему тогда все оказывали как по причине его щедрости, так и ввиду высокого поста, который он занимал, командуя полком и отличаясь беззаветной храбростью, и теперешний его жалкий вид вызвали у меня слезы и вздохи сожаления. Я его снова и снова обнимал, расспрашивая о причине его опалы. Он мне объяснил: произошло это оттого, что великий князь заподозрил его в измене и за это сослал в Сибирь на три года, что он неопишимо страдает благодаря опасностям, которым подвергаются все ссыльные то на охоте, то от голода и жестоких морозов, которые приходится выносить, или же от встречи с массами диких зверей, которые на них нападают при недостатке пищи в других местах, и им приходится обороняться. Ко всем этим бедам надо прибавить, что, если они не добудут того количества соболей, которое им назначено, их жестоко наказывают плетью из толстой и грубой кожи и бьют по всему обнаженному телу. Знакомец нашего приказчика рассказывал то же самое, а остальные ссыльные, которые все говорили хорошо по-французски и по-немецки, из коих один занимал высокий пост при великом князе, другой был генерал-лейтенантом, а прочие — значительными чиновниками, — все они оплакивали свои бедствия, уверяя нас, что как только они отбудут свой срок и вернут себе свободу, они удалятся в такие места, где великий князь не имел бы над ними власти. Чтобы утешить этих несчастных, мы достали нашу провизию, расположились все на мху и стали их угощать, уверяя их, что мы готовы способствовать их освобождению. Они благодарили нас за это, но доказывали, что им невозможно спастись, так как их знают

воеводы во всех острожках, куда мы должны поневоле заезжать; это навлекло бы на нас смертную казнь, равно как и для них, после страшных пыток, от которых пострадали бы и мы. Эти слова еще более увеличили печаль, которая наполняла наши сердца, ибо мы не могли смягчить бедствия, в котором они находились. Только после беседы, длившейся более 4 часов, мы решили с ними расстаться, дав каждому из них по полфунта табаку и угостив их водкой, сухарями и пряниками, которые мы взяли из Почоры, и солониной. Мы сели в сани и, расставаясь с ними, пожелали, чтобы Бог помог им переносить страдания, выразив надежду скоро видеть их в добром здоровье. Затем мы двинулись в путь и ехали целых три часа, не встречая никакого жилища; потом мы наехали на пять или шесть хижин, где и остановились; в них оказалось около дюжины жителей, у которых мы спросили: нет ли у них чего променять? Они показали нам шкуры, которые мы у них и купили на деньги и за водку, до которой эти люди большие охотники.

Продолжая наш путь вдоль реки, мы встречали там и сям хижины, и в них где по одному, а где по несколько жителей, у которых мы покупали наличные меха на деньги и за водку, за исключением соболей, которых они не желали продавать, боясь, что узнает об этом воевода Папингорода, куда мы направлялись, так как он всегда досматривает товары, отыскивая среди них соболей. Мы перевалили горы, которые разделяют Борандай от Сибири, — путь очень тяжелый и трудный по причине безлюдности этих мест, которые и не могут быть обитаемы как по своей бесплодности и по множеству снега, так и по чрезмерному количеству белых медведей и волков. Их так много, что мы постоянно были в страхе, пробегая этими местами и еже-

минутно ожидая нападения, хотя, оказывается, они нас столь же боялись, как и мы их, и видно было, как они разбегались то в ту, то в другую сторону при нашем приближении, считая нас за охотников благодаря нашему блестящему оружию, а мы были просто купцы. И вот, после больших затруднений, с которыми должны были справляться олени при перевале через хребет, на что мы употребили 10 или 12 часов, мы спустились в одну сибирскую деревушку, обитатели которой были одеты в медвежьи шкуры, шерстью вверх, но носили белье и сапоги с подковками, из чего мы заключили, что они более образованы, чем те, которых мы только что оставили. Они и приняли нас более учтиво, и расспрашивали: кто мы, откуда и куда едем? Мы выпили и закусили с ними тем, что имели, а они нам принесли своего угощения, которое состояло из соленого волчьего и медвежьего мяса с пряниками и водкой; мы скупил у них на деньги меха, за исключением соболей; потом, отдохнув часов пять на медвежьих шкурах в одной из хижин, построенной на лапландский манер, мы выпили на каждого по глотку водки, сели в сани и продолжали наш путь к Папинову городу, куда и прибыли, часов через 20, с отдыхом для кормежки наших оленей.

Прием, оказанный воеводою Папингорода датчанам, с коими находился автор

Воевода Папинова города, узнав о нашем приезде, велел придти к нему в замок, для того чтобы узнать, кто мы и что нас привело сюда, а также откуда мы едем. Мы отправились по его требованию, приветствовали его, и наш приказчик вполне удовлетворил его любопытство, так как знал московитский язык.

Узнав, что мы датчане и купцы, приехавшие покупать меха, он принял нас очень любезно и, чтобы показать свое расположение и готовность на услуги, признавая нас за друзей, он предложил жене выйти и приветствовать нас. Она вышла, неся, по московитскому обычаю, в одной руке бутылку водки, а в другой серебряную чарку, а девочка следом за ней несла ломоть пряника. Хозяйка приветствовала нас, согласно обычаю, наклоением головы, причем опустила конец правого рукава рубашки и он скользил по земле; приказчик тотчас бросился его поднимать и поцеловал, потом поцеловал подручный, а за ним и я; тогда она, левою рукой приподнимая вверх, собрала в складки рукав, который сама же распустила, и, принявшись за бутылку с водкой и чарку, каждому подала по полной чарке и по кусочку пряника, стоя у конца стола подле мужа; затем она удалилась туда, откуда пришла. После этого мы угощались с воеводой, а засим отправились спать на очень хороших кроватях, как тут принято.

Торговля, которую вели спутники автора — датчане — в Папингороде; положение этого города, нравы и одежды сибиряков и московитов

Мы отдохнули 6 или 7 часов в доме воеводы, который встал тотчас же, как только один из слуг доложил ему, что мы проснулись, и пришел нас проведать в нашу комнату; за ним слуга нес бутылку водки: сам он выпил большую чарку и нас угостил. Затем он спросил, хотим ли мы купить его меха; приказчик отвечал утвердительно, попросив осмотреть их все, сторговался и уплатил деньги. Не имея больше мехов сам, воевода позвал некоторых обывателей, у которых, как ему было известно, были меха, и мы купили их с его разре-

шения; после этого нам снова пришлось приняться за выпивку и куренье табаку.

В то время как наш приказчик с подручным были заняты торговлей, я пошел прогуляться по городу, который расположен в красивой местности, в не-

большой болотистой котловине, окруженной довольно высокими горами; подле города протекает очень красивая и рыбная река; дома дурно построены, низки, все сделаны из дерева и дерна, щели между бревен проконопачены мхом; а городская мостовая состоит из деревянных пластин, плотно пригнанных одна к другой.

Важные обыватели этого города носят штаны, чулки, длинное платье, которое у них спускается до пят; и узкие рукава, — все из сукна, у одних — одного, у других — другого цвета; обувь составляют кожаные сапожки, то синие, то красные, то желтые, с железными подковками на каблуках, как у поляков, а на голове суконная шапка, отороченная то черной лисицей, то белкой, то горностаем, а у некоторых соболем, как видно на рисунке. Что касается женщин, то они очень красивы, белы и полны, с темно-русскими волосами и, как все московиты, очень приветливы. Подобно своим мужьям, они носят платье до пят из сукна красного, фиолетового или голубого цветов, сшитое наподобие полукафтана, отороченное белым лисьим или

собольим мехом, с длинными висячими рукавами, которые приколоты к платью; других рукавов, куда бы они могли поместить свои руки, у них нет, так как рукава их рубашек необычайно длинны и каждый имеет до 5 локтей длины; сшиты они из очень тонкого полотна и собраны на руках в складки. На голове носят род овального чепчика, а волосы заплетены в косы, украшенные лентами, которые спускаются позади плеч. Башмаки у них из русского сафьяна. Они носят также пояса из жемчуга средней величины.

Что касается до родившихся в Сибири, то они не очень отличаются от самоедов, борандайцев и других северян, как по нравам и костюму, так и по образу жизни.

Все москвиты — николаисты по религии; они грузны, крепки, подвижны, ловко стреляют из лука и вовсе не сутяги: так как законы их основаны на полном равенстве, то они сурово наказывают предателей, воров и убийц; они довольно невежественны, любостыжательны, любят выпить, мужиковаты и столь ревнивы, что запирают своих жен, как пленниц, в комнаты (терема), не позволяя им выходить без разрешения, а последние до такой степени порабощены, что не смеют показать никакого знака расположения чужестранцу и уверены, что мужья их не любят, если не поколачивают время от времени.

Отъезд автора из Папингорода в обратный путь через Самоессию на датские суда; нравы, образ жизни, одежда и другие особенности самоедов

Наш торг окончился, и мы купили порядочное количество шкур волчьих, белых и черных лисиц, рысей, соболей, горностаев и белок; все это с мехами, купленными на пути от Печоры сюда, составило груз бо-

лее чем одних саней. Так как у нас осталось еще много табаку и около 5000 дукатов деньгами, то наш уполномоченный и подручный хотели пустить их в оборот и купить мехов, почему и решили обратный путь на корабли совершить через Самоессию. Для этой цели мы купили у нашего хозяина-воеводы водки и провизии, по расчету на 12 дней. Покончив с покупками, наняв оленей и расплатившись, мы устроили в заключение с хозяином пирушку, которая длилась более 10 часов; после этого мы соснули около 8 часов, и так как олени были запряжены, товары запакованы и уложены вместе с провизией, то, поблагодарив нашего хозяина, отправились в путь и быстро ехали около 17 часов, покупая меха у сибиряков, вплоть до гор Рифейских, которые мы перевалили в 6 часов и приехали в Самоессию, страну совершенно пустынную, гористую, поросшую можжевельником, сосною, елью, обильную мхом, а также и снегом, со множеством волков, медведей, совершенно белых лисиц, которых мы ежеминутно встречали по пути, но теперь уже ничуть не боялись.

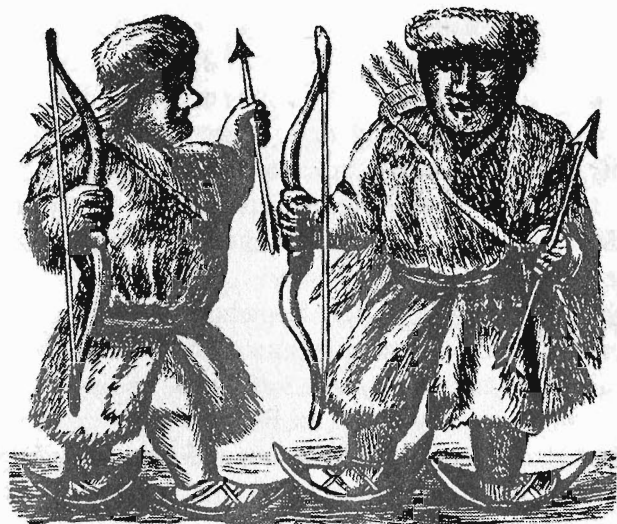
При спуске с горы Столпохен, из которой вытекает источник Борсагач, мы встретили 8 или 9 хижин, куда и направились, как для того, чтобы выпасти тут оленей, так и для того, чтобы отдохнуть самим. У жителей деревеньки мы выменяли на водку шкуры волков, лисиц (белых и черных), а также бобров, выдр, росомах, несколько шкурок горностаев и сверх того свыше двух соруков соболей, которых они нам ни за что не хотели продавать, несмотря на всяческие убеждения нашего проводника-борандайца, уверявшего, что им нечего бояться: мы-де купцы, едем прямо на корабли, нас не будут досматривать нигде, так как мы не встретим по дороге ни одной станции, ни одной таможни. Они ничего не хотели слушать, пока мы не

напоили их допьяна; тогда они нам продали собольи шкурки, ибо винные пары имели над ними большую силу, чем все красноречие нашего борандайца. Мы легли спать в одной из хижин, вместе с хозяином, хозяйкой и детьми, вповалку, как звери, на медвежьих шкурах; через 5 или 6 часов я проснулся от шума, который поднял хозяин, сзывая своих домочадцев, которые встали и вышли наружу.

Любопытство заставило меня посмотреть, куда они идут, и я увидал, как позади хижины они становились на колени, поднимая руки к небу и поклоняясь солнцу, которое они почитают за Бога.

Самоеды еще коренастее, чем лапландцы и борандайцы, имеют также довольно большие головы, лицо плоское, нос шире и курносый; они не имеют почти никакой растительности на лице и землистый цвет лица. Одежда мужчин состоит из круглой курчавой шапки, как бы сделанной из бараньей шкурки, из штанов и верхнего платья из шкур белых медведей, достигающего только до колен, подпоясанного ниже живота поясом в 4 пальца ширины; чулки и башмаки из той же кожи, шерстью вверх; на башмаки надевают они род коньков из древесной коры (лыжи), длиною в два фута, наподобие гондолы; на них они очень быстро двигаются по снегу, которого так много на горах. Они носят черную шкуру со всеми четырьмя лапами, вроде манто, которую накидывают чаще на левое плечо, чем на правое, а поверх этой шкуры повешен колчан, как вы видите на рисунке.

Женщины самоедские еще более безобразны, чем мужчины; они крайне слабосильны, но очень заботятся обучить своих детей ловкости на охоте, которою они живут, а не чему-нибудь другому. Одеты они так же, как мужчины, только верхнее платье немного длиннее, да не имеют накидок на плечах; головной убор

совершенно такой же, но волосы заплетают в один пучок, перевязанный внизу лентой из древесной коры, и она свешивается у них на спину. Они ходят на охоту наравне с мужчинами, вооруженные луками и стрелами, как вы видите на рисунке, на котором изображены женщина и мужчина самоедов.

**Отъезд автора из Борандая на Новую Землю,
о встрече с толпой новоземельцев,
поклоняющихся солнцу, и о других двух,
поклоняющихся деревянному идолу,
называемому Фетиш**

Проехав Самоессию и возвратясь в Борандай, к нашим товарищам, ожидавшим нас с нетерпением, мы перебрались на суда, а через 2 часа все подняли якоря и пошли в открытое море, взяв курс на Новую Землю, куда мы и прибыли через 20 часов; у одной местности

увидали мы толпу людей, человек в 30, с луками на спинах, опустившихся на колени на берегу моря и поклоняющихся солнцу; это обстоятельство побудило наших капитанов и приказчика держать совет, как им поступить, чтобы завязать торговые сношения с этими людьми, которые им казались еще более дикими, чем прочие. Для этой цели они решили спустить в море три шлюпки, с 10 человеками в каждой, хорошо вооруженными, чтобы оборониться в случае нападения, и я был также назначен в эту поездку. Мы направились к берегу, и когда остановились примерно на четверть лье, все эти дикари, стоявшие на коленях, выпрямились, принялись кричать, выстрелили в нас из луков и побежали, как лани, преследуемые охотником, но никого из нас не ранили, так как стреляли слишком издалека.

Высадившись на берег, мы бросились туда, куда, казалось нам, они скрылись, в надежде кого-нибудь захватить, но нам не удалось этого сделать, так как они пропали из виду и нельзя было даже определить, в какую сторону они побежали; но это не помешало нам идти до самых гор, покрытых снегом; мы углубились еще дальше в страну, и тут мы увидели на пригорках срубленные деревья, обтесанные в виде человеческих фигур, вырезанных

очень грубым рельефом, а перед одной из этих статуй, примерно на лье впереди, мы увидели двух дикарей на коленях и с оружием на земле, которые ему поклонялись; заметив нас, они вскочили и убежали, как и те, которых мы видели раньше молящимися солнцу, на берегу моря.

Мы побежали изо всех сил, стараясь их догнать, но они достигли соснового леса столь ловко, что мы не могли узнать, в которую сторону они удалились, а возвращаясь на суда, мы заметили издали еще двоих, поклонявшихся такому же идолу, как изображено на следующем рисунке, которых новоземельцы называют Фетицо [fetizot] и в которых вселяется дьявол, дающий прорицания, как нам сообщил наш капитан.

Тот путешественник, который дал описание государства великого князя Московского, говоря о самоедах, если бы он был в их стране и имел частые с ними сношения, не написал бы, что они поедают иностранцев, что великий князь ссылает преступников на съедение к ним.

Ничего подобного нет.

Хотя жители этих стран плохо сложены телом, скудны умом, не имеют познания о Боге, не боятся мучений в загробном мире, веря, что со смертью тела душа также умирает; хотя они самые несчастные на земле люди, питающиеся летом исключительно мясом медведей, волков, лисиц, соболей, ворон, орлов и другую дикою птицей, которую они поедают на охоте в сыром виде, зимой только прокоптив ее в хижинах, а летом высушив на солнце; этою пищей они запасаются летом, если только им не удастся убить несколько медведей, явившихся, чтобы пожрать их в хижинах, когда в поле нечего взять; тем не менее они остаются всегда гостеприимными, принимая иностранцев, как

своих, не обижают их, хотя и выглядят очень жестокими и злыми, но совсем не таковы, а простодушны; и это тем более удивительно, что они живут по соседству с самыми злыми народностями в мире, с татарами и тунгусами, которых часто посещают, торгуют с ними, равно как с сибиряками, борандайцами и лапландцами».

Пьер-Мартин де ля Мартиньер. Новое путешествие на север¹

«О Сибири и ее обитателях. Тамбул — ее столица. О чае и бурдиане и их свойствах. Куницы и как их ловят. Чрезвычайный холод, бывающий в Сибири. Чем там кормят коров. О реке Оби. Об икре. О самоедах. Пища людоедов. Их санки. Их охота. Их одежда. Их обычаи. Наблюдения, касающиеся северных народов

Сибирь — огромная, неизвестная область, которая простирается до стен Китая (*Catayd*). Я разговаривал с двумя лицами, которые совершили по ней путешествие; один из них торговал с китайцами, а другой уверял меня, что видел море на окраине Сибири, корабли и людей, которые носят бороду только на нижней губе, одеты в богатое платье, покрытое золотом и драгоценными камнями и сшитое на особый манер. На основании его описания, я пришел к заключению, что это были китайцы.

Он привез из Сибири чаю и бурдиану. Чай, это то, что мы называем «тии», а бурдиан есть индийский анис.

¹ Рассказ лотарингца о Московии. Париж, 1708.

Местные купцы пьют чай с сахаром, как и мы, и употребляют его как прекрасное лекарство против болезни легких, против скоплений ветров в животе и расстройства желудка. Его привозят в бумаге с китайскими надписями, и в каждом свертке заключается 1 фунт.

Отправляющиеся в Сибирь проводят в пути шесть лет, так как они должны проводить зиму в одних местах, а лето — в других. Тамбул (Тобольск) есть столица провинции и местопребывание главного воеводы.

Меха, преимущественно куньи, которых нигде в свете более не встречается, составляют главный предмет торговли жителей. Они едят вместо хлеба, которого у них нет, сушеную рыбу, которой имеется великое изобилие в местных озерах и реках. Она же служит пищей собакам и даже коровам во время холода, который в Сибири чрезвычайно силен, и вот почему молоко там всегда отзывается рыбой.

Там растут также деревья, которые приносят множество орехов; я не знаю, какого сорта эти орехи, но мне обещали их показать.

На охоту отправляются партиями, на 6 или на 7 недель, укрытые тремя или четырьмя шубами, и ездят в санях, запряженных тридцатью или сорока собаками. Охотники спят всю ночь на открытом воздухе в самое холодное время, но разводят огонь, чтобы приготовить свою рыбу. Собаки их чрезвычайно ловки в отыскивании куницы и схватывают ее, когда она ранена в нос, что сибиряки умеют делать очень хорошо с помощью арбалета. Если куницу ранят в другое место, животное это, будучи сильным и крепким, может спастись, даже когда его пронзят стрелой насквозь, а если она и не спасется, шкура ее считается испорченной.

Обь — огромная река, устье которой еще недостаточно известно. В ней водится огромное количество осетров и белуг. Эта последняя рыба имеет 12 или 15 футов длины; она широка и напоминает осетра, мясо которого, однако, не столь вкусно. Мясо белуги необычайно вкусно, белее, чем телячье, и на вкус приятнее костяного мозга. Белуга держится в глубине Волги, а когда тающий снег поднимает уровень воды и последняя течет быстрее, белуга проглатывает большие булыжники, чтобы сделаться тяжелее и легче сопротивляться силе речного течения. Когда вода спадает, она их выбрасывает. Из молок именно этой рыбы и осетровых, смешанных вместе, астраханцы делают икру. Сначала кладут они молоки в большую кучу соли, и когда они немного перебродят, их прессуют и набивают в бочонки. Есть еще сорт икры, которую не прессуют и оттого она более тонкого вкуса; но такая не сохраняется столь долго. Турки готовят икру из яиц осетра, которые черны, состоят из маленьких

зернышек, липких, как патока. Армяне, которые, я думаю, начали впервые готовить икру, делают ее еще другим способом. Начинают с того, что очищают молоки и удаляют из них все бесполезное; потом их солят и раскладывают на изогнутых досках, чтобы дать стечь с них наиболее жирным и маслянистым частицам; после того молоки складывают в бочонки, где их прессуют, пока они не затвердеют. Белуга имеет в себе 150 штук молок и 200 фунтов по весу яичек, что армяне называют армянской икрой.

Северная часть Сибири называется Самоеда, или Тсамоейда, что значит каннибалы или людоеды, потому что обитающие в этой стране поедают пленных, которых захватывают на войне. Они живут в круглых палатках, покрытых рогожами и шкурами оленей. Они разводят огонь посередине и спят вокруг него; сверху палатки имеется всего одно отверстие для выхода дыма. Летом они приближаются к рекам, чтобы иметь более удобства при рыбной ловле. Они живут только рыбой, которую весьма часто едят совершенно сырой.

Но летом ее сушат и в таком виде сохраняют на зиму. Молодые щенята служат им для приготовления отличного рагу.

Их обычаи, язык и религия совершенно варварские. Они обожают солнце и луну. Они все, — мужчины и женщины, — одеваются в оленьи шкуры, которые носят шерстью вверх, ибо им кажется, что так теплее. Мужчины не имеют бород, а женщины чрезвычайно некрасивы; этим объясняется, почему трудно бывает различить оба пола и почему мужчину принимают за женщину. Как ни безобразны эти женщины, людоеды находят их для себя более по вкусу, нежели тех, которых мы признаем красивыми.

Олени — важнейшее богатство страны самоедов. Встречаются ручные олени, которые ходят стадами,

иные из них приближаются, когда их зовут, и позволяют надевать на себя сбрую и запрягать себя попарно в сани, в которых они пробегают 80 миль в день, со скоростью невероятной. Прежде чем идти на поиски оленей, советуются со жрецом, который указывает место, куда надо идти, и в большинстве случаев оленей находят наверняка.

Девушки приносят солидный доход отцам. Их никому не показывают до тех пор, пока они не сосватаны, и чаще всего шести или семи лет они выходят замуж, потому что кто-нибудь покупает их за известное количество оленей, так как покупатель при этом может быть уверен в их невинности; а мужья столь ревнивы к ним, что запирают их более тщательно, чем это делается в Италии. А когда они отправляются на охоту, то применяют машинки, препятствующие женам стать неверными.

Император рассудил, что эти народы не заслуживают чести состоять под его властью: они не обложены никакой податью и только добровольно дают ему, время от времени, несколько оленей.

Никто не понимает их языка, ни их религиозных законов, которые они исполняют в большой тайне. Когда они продают оленя иностранцу, то оставляют себе внутренности, которые поедают в самом грязном виде, предварительно лишь выдавив их, чтобы очистить от экскрементов.

Наиболее почитаются между ними те, кто больше сведущ в колдовстве; есть отличные знатоки в этом деле, сравнительно с иностранцами, но они не осмеливаются делать никаких опытов перед русскими, боясь быть обвиненными.

Один английский купец угощал обедом нескольких каннибалов, причем один из них опьянел как нельзя более; опьянение его не проходило до тех пор, пока

одна старая женщина не потрогала его лоб и не сказала ему несколько слов на ухо; и это сделало его таким же трезвым, как если бы он ничего не пил во весь день.

О южной части Сибири. О пустыне, называемой степью. Страна белок. О птице, похожей на бекаса. О другой, похожей на сокола. И о третьей, которая величиной с лебедя. Опровергнутая история растения, называемого барашек

На юге Сибири находится пустыня, называемая степью, длиною 600 или 700 верст, где мало рек и почва которой чрезвычайно плодородна. Там целый день проводят на лошади в обширных полях, изобилующих вишневыми деревцами, которые не более 2 или 3 футов вышиною; это не значит, чтобы вишня не могла расти выше, но этому мешает небрежность проезжающих, которые, разведя огонь среди степи, уезжают, не позаботясь его погасить, а трава в этой пустыне очень высока и суха: она воспламеняется, и огонь пожирает все, что встречает на своем пути. Тут не редкость видеть пожар на 30 или 40 миль (по местному — верст) в окружности, преследующий путешественников с такой быстротой и яростью, что часто они не имеют времени спастись.

Эти вишневые деревца приносят хорошие красные плоды, но очень кислые; плоды некоторых вишен, пересаженных на новое место, оказались очень хорошими.

Я беседовал со многими, которые видали в этой пустыне большое количество тюльпанов, красных роз, роз, похожих на те, что растут в Дамаске, спаржу более широкую и значительно более толстую, чем расту-

щая у нас, лук, майоран, тмин, цикорий, шалфей, эндивий, или белый цикорий, чабер и много других цветов, трав и корней, которые мы тщательно разводим в наших садах. Лакрица там тоже очень обыкновенна; там едят пастернак и морковь, а купцы привозят много селитры.

Олени тут крупнее, чем где бы то ни было. Тут живут очень красивые маленькие животные, из которых одни называются сурками, а другие — перевозчиками. Сурки величиной с барсука, но другой формы, шкурки у них приятного темного цвета, гладкие и годные для дубления. У них маленькая голова и короткие ноги, спина приблизительно в один фут шириною, а живут они под землей, как кролики. Русские рассказывают много басен о том, как сурки ведут друг с другом войну, ловко забирают в плен неприятелей и обращают их в рабов, которых заставляют потом носить сено, корни и прочую провизию, необходимую на зиму. Говорят, что их логовища очень уютны, опрятны и сделаны с большим искусством и что если какой-нибудь зверек околеваает, то его выносят из норы и закапывают в стороне.

Отряд полковника Крафорда был расквартирован в такой местности, где водились сурки. Однажды они собрались в огромном количестве и произвели такой ужасный шум, что даже солдаты были испуганы, а большая часть лошадей, пасшихся поблизости, успела убежать верст за десять, прежде чем их удалось переловить.

Перевозчики имеют шкурки коричневого цвета, отливающие в желтизну, с белыми и черными пятнами. Из них делают душегрейки, очень красивые на вид; тем не менее они низко ценятся, так как шерсть коротка и дает мало тепла. Я слышал рассказы о том, что зверькам этим доставляет большое удовольствие переплы-

вать с одного берега реки на другой, неся у себя на спинах белок и горностаев: вот откуда произошло их название «перевозчик», которое означает того, кто что-нибудь переносит или перевозит.

Многие меня уверяли, что видели, как белки, не находя пищи на одном берегу реки, отваживаются переправляться на другой на маленьких кусках дерева, причем хвост служит им вместо паруса; иногда им это удается, если ветер гонит их прямо, но если ветер сделается противный, они неизбежно тонут.

В окрестностях Казани и Астрахани водятся птицы, величиной с кулика; ноги и клюв у них похожи на бекасиные, а перья и шея походят на петушьи. Они дерутся между собой, точно английские петухи, и находятся в постоянной войне. Когда они защищаются, они опускают клюв к земле, а когда выберут удобный момент, стремительно бросаются и нападают на врага. Они вкуснее перепелов. Иногда их встречают около Архангельска, где водится также птица, величиной с черного дрозда, напоминающая по виду сокола, которая охотится на маленьких птичек; схватив добычу, она ее ощипывает, тщательно очищает и ест. Там водится еще другая птица, вывезенная из Астрахани; величиной она с лебедя, с таким же туловищем и лапами, но шея у нее короче, толще и настолько шире, что она проглатывает рыб, величиной до девяти дюймов. Некоторые рассказы сообщают про растение, называемое «барашек», которое растет в этой стране, будто оно пожирает все травы, растущие вокруг него, а потом погибает; но все, что о нем говорят, я считаю басней».

Но вернемся к описанию племен Сибири. Следующий народ, о котором мы расскажем, «братские» люди, или буряты.

Буряты — потомки племен Чингисхановых

Буряты — потомки тех монгол, которые не ходили завоевывать просторы Евразии, а оставались дома и жили своей повседневной жизнью. Самым знаменитым из монгол является основатель Великой Империи Чингисхан.

Чингисхан считал себя потомком Девы Марии, или Алан Гоа (Аланской Красавицы), как называли ее монголы. Естественно, последователи Чингисхана, уважая

«Братские татары» (буряты). Рисунок Е. М. Корнеева

домашних духов и бога неба — Тенгри (Бога Отца), почитали и Деву Марию, как прародительницу хана (в девятом поколении). Поэтому они всячески пропагандировали ее культ и охраняли христиан. Буряты — люди простые и ничем, кроме родства своего знаменитого соплеменника с Марией и, стало быть, с Иисусом Христом, похвастаться не могут.

Первоначальным местом поселения протобурятских племен, очевидно, следует считать Предбайкалье, хотя ранее была довольно популярна точка зрения, что бурятские племена являются пришлыми из Монголии. Сегодняшние данные позволяют говорить о существовании еще в позднем неолите (около 2500 года до н. э.) протобурятских племен шоно и нохой. Названия эти являются тотемными и переводятся как волк и собака. Некоторые исследователи считают племя шоно предками булагатов и эхиритов, а нохой — предками хоринцев.

Буряты сложились как единый народ к середине XVII века. Во второй половине XVII века эти территории вошли в состав России. В тот период буряты составляли несколько племенных групп, крупнейшими среди которых были булагаты, эхириты, хоринцы и хонгодоры. В состав бурятов вошло позднее некоторое число монголов и ассимилированных родов эвенков. Сближение бурятских племен между собой и их последующая консолидация в единую народность были исторически обусловлены близостью их культуры и диалектов, а также социально-политическим объединением племен после их вхождения в состав России. В ходе формирования бурятской народности племенные различия в общем стерлись, хотя диалектальные особенности сохранились.

Ныне буряты говорят на бурятском языке, который относится к монгольской группе алтайской язы-

ковой семьи. Кроме бурятского среди бурят распространен также монгольский язык.

Древняя религия бурят — шаманство, вытесненное в Забайкалье ламаизмом. Большинство западных бурят формально считалось православными, но сохраняло шаманство. Пережитки шаманства сохранялись и у бурятов-ламаистов.

В период появления первых русских переселенцев в Прибайкалье преобладающую роль в экономике бурятских племен играло кочевое скотоводство. Скотоводческое хозяйство бурят основывалось на круглогодичном содержании скота на пастбище на подножном корму. Буряты разводили овец, крупный рогатый скот, коз, лошадей и верблюдов. Семьи скотоводов перемещались вслед за стадами.

Дополнительными видами хозяйственной деятельности были охота, земледелие и рыболовство, более развитые у западных бурят; на побережье Байкала существовал промысел нерпы. В течение XVIII—XIX веков под влиянием русского населения в экономике бурят произошли изменения. Чисто скотоводческое хозяйство сохранилось лишь на юго-востоке Бурятии. В других районах Забайкалья сложилось комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство, при котором только богатые скотоводы продолжали кочевать весь год, скотоводы среднего достатка и владельцы малочисленных стад перешли к частичной или полной оседлости и стали заниматься земледелием. В Предбайкалье, где земледелие в качестве подсобной отрасли практиковалось и прежде, сложился земледельческо-скотоводческий комплекс. Здесь население почти полностью перешло к оседлому земледельческому хозяйству, при котором широко практиковалось сенокосение на специально удобренных и орошенных лугах-«утугах», заготовка кормов на зиму, приусадебное

содержание скота. Буряты сеяли озимую и яровую рожь, пшеницу, ячмень, гречиху, овес, коноплю. Технология земледелия и орудия земледельческого хозяйства были заимствованы у русских крестьян.

Бурное развитие капитализма в России во второй половине XIX века затронуло и территорию Бурятии. Проведение Сибирской железнодорожной магистрали и развитие промышленности в Южной Сибири дали толчок к расширению земледелия, повышению его товарности. В хозяйствах зажиточных бурят появляется машинная сельскохозяйственная техника. Бурятия стала одним из производителей товарного зерна.

За исключением кузнечного и ювелирного дела, буряты не знали развитого ремесленного производства. Их хозяйственные и бытовые нужды практически полностью удовлетворяло домашнее ремесло, для которого сырьем служили древесина и продукция скотоводства: кожа, шерсть, шкуры, конский волос и др. Буряты сохранили пережитки культа «железа»: железные изделия считались оберегом. Нередко кузнецы одновременно являлись и шаманами. К ним относились с почтением и суеверным страхом. Профессия кузнеца была наследственной. Бурятские кузнецы и ювелиры отличались высоким мастерством, и их изделия широко расходились по Сибири и Центральной Азии.

Традиции скотоводческого хозяйства и кочевого быта, несмотря на увеличение роли земледелия, оставили в культуре бурят значительный след.

Мужская и женская одежда бурят относительно мало различалась. Нижняя одежда состояла из рубахи и штанов, верхняя представляла собой длинный свободный халат с запахом на правую сторону, который подпоясывался широким матерчатым кушаком или ременным поясом. Халат шился на подкладке,

зимний халат подбивался мехом. Края халатов обшивались яркой материей или тесьмой. Замужние женщины поверх халатов носили жилет-безрукавку — уджэ, имевшую разрез спереди, которая также делалась на подкладке.

Традиционным головным убором у мужчин была коническая шапка с расширяющимся околышем из меха, от которой на спину спускались две ленты. Женщины носили остроконечную шапку с меховой опушкой, от верха шапки спускалась красная шелковая кисть. Обувью служили низкие сапоги на толстой войлочной подошве без каблука, с загнутым кверху носком. Излюбленными украшениями женщин были височные подвески, серьги, ожерелья, медальоны. Одежда состоятельных бурят отличалась высоким качеством материи и яркими красками, для ее пошива шли главным образом привозные ткани.

На рубеже XIX—XX веков традиционный костюм постепенно стал уступать место русской городской и крестьянской одежде, особенно быстро это происходило в западной части Бурятии.

В пище бурят большое место занимали блюда, приготовленные из молока и молочных продуктов. Впрок заготавливалось не только кислое молоко, но и сушеная спрессованная творожистая масса — хурут, которая заменяла скотоводам хлеб. Из молока при помощи специального перегонного аппарата изготавливался опьяняющий напиток тарасун (архи), обязательно входивший в состав жертвенной и обрядовой пищи. Потребление мяса зависело от количества скота, которым владела семья. Летом предпочитали баранину, зимой резали крупный рогатый скот. Мясо отваривали в слегка подсоленной воде, отвар пили. В традиционной кухне бурят был также ряд мучных блюд, но хлеб они начали печь только под влиянием русского населения.

Подобно монголам, буряты пили кирпичный чай, в который наливали молоко и клали соль и сало.

Древней формой бурятского традиционного жилища была типичная кочевническая юрта, основу которой составляли легко перевозимые решетчатые стенки. При установке юрты стенки ставились по кругу и связывались волосяными шнурами. Купол юрты покоился на наклонных шестах, которые нижним концом опирались на стены, а верхним прикреплялись к деревянному обручу, служившему дымовым отверстием. Сверху каркас покрывался войлочными покрывками, которые обвязывались веревками. Вход в юрту всегда был с юга. Его закрывала деревянная дверь и стеганая войлочная кошма. Пол в юрте обычно был земляной, иногда его выстилали досками и войлоками. Очаг всегда располагался в центре пола. По мере перехода к оседлости войлочная юрта стада выходить из употребления. В Предбайкалье она исчезла уже к середине XIX века. На смену юрте пришли многоугольные (чаще восьмиугольные) в плане деревянные срубные постройки. Они имели покатую крышу с дымовым отверстием в центре и были подобны войлочным юртам.

С распространением в Бурятии срубных жилищ русского типа (изб) многоугольные юрты местами сохранялись как подсобные помещения (амбары, летние кухни и т. д.).

Внутри традиционного бурятского жилища, как и у других скотоводческих народов, существовало определенное обычаем размещение имущества и утвари. За очагом напротив входа находилось домашнее святилище, где у бурят-ламаистов стояли изображения будд — бурханы и чаши с жертвенной пищей, а у бурят-шаманистов находился ящик с человеческими фи-

гурками и шкурками животных, которые почитались как воплощение духов — онгоны. Налево от очага было место хозяина, направо — место хозяйки. В левой, т. е. мужской, половине размещались принадлежности охоты и мужских промыслов, в правой — кухонная утварь. Справа от входа вдоль стен по порядку располагались поставец для посуды, затем деревянная кровать, сундуки для домашней утвари и одежды. Около кровати находилась детская колыбель. Слева от входа лежали седла, сбруя, стояли сундуки, на которые на день клали свернутые постели членов семьи, бурдюки для закваски молока и т.д. Над очагом на треногом тагане стояла чаша, в которой варили мясо, кипятили молоко и чай.

Даже после перехода бурят в постройки русского типа и появления в их быту городской мебели традиционное расположение вещей внутри дома долго сохранялось почти неизменным.

На рубеже XIX—XX веков основной формой бурятской семьи была малая моногамная семья. Допускаемое обычаем многоженство встречалось главным образом в среде богатых скотоводов. Брак был строго экзогамным, причем в расчет принималось родство только по отцовской линии. Несмотря на ослабление кровнородственных и родоплеменных связей и замену их территориально-производственными связями, родовые отношения играли в жизни бурят большую роль, особенно у бурят Предбайкалья. Члены одного рода должны были оказывать сородичам помощь, участвовать в общих жертвоприношениях и трапезах, выступать в защиту сородича и нести ответственность в случае совершения сородичем правонарушения; также сохранялись пережитки общинно-родовой собственности на землю.

Амур-батюшка

Путь на Амур был обследован экспедицией Василия Пояркова (1643—1646). На острове Сучу имелись обширные деревни из огромных и тесно сплоченных, как пчелиные соты, землянок. Отдельные землянки достигали гигантских размеров и имели вид воронок глубиной до 4 м при окружности около 90 м.

Древние полуподземные жилища подобного рода устойчиво и неизменно сохранялись на Амуре и в соседних областях вплоть до недавнего времени.

В языке гиляков, живших на Амуре, по словам Л. Я. Штернберга, понятие «войти в дом» передается словом «нырнуть», а «выйти» — словом «вынырнуть». В дни медвежьего праздника, «когда оживают из тьмы тысячелетий отдаленнейшие отголоски глубочайшей древности, когда с благоговейной строгостью соблюдается ритуал, не изменившийся в течение десятков веков, снова возрождается и воспоминание о дымовом отверстии, заменявшем дверь. Именно через это отверстие по специально вставленному шесту спускаются в юрту со шкурой и мясом убитого медведя. И тем же путем выносят из юрты все ритуальные принадлежности, а также кости медведя для похорон в «медвежьем срубе». Хотя у гиляков давно исчезло обыкновение пользоваться дымовым отверстием в крыше вместо двери, их древнейшие по типу зимние жилища, т. е. «тары», до недавнего времени сохраняли такую же структуру и тот же облик, что и жилища каменного века.

Для сооружения их вырывали в земле обширную яму и плотно утрамбовывали ее стены. Иногда стены обшивали даже деревом. Над котлованом воздвигали пирамидальную, со всех сторон одинаково покатую

крышу из тонких, плотно прилегавших друг к другу бревен. Крыша покоилась на четырех поперечных перекладинах, которые в свою очередь поддерживались четырьмя столбами внутри юрты. Снаружи крышу для большей плотности покрывали еще сухой травой, затем землей. На самой верхушке ее оставляли отверстие для выхода дыма. С той стороны, которая была больше всего защищена от ветров, устраивали вход в виде туннеля, покатога внутрь жилища. Осенью и зимой сплошь засыпанная снегом земляная юрта гиляков походила на снежный холм с верхушкой, слегка почерневшей от проходящего сквозь нее дыма.

Одинаковое в принципе устройство имели полуподземные зимние жилища других приморских племен северо-востока Азии и островов Восточной Азии, в том числе коряков, айнов и камчадалов XVII—XVIII веков. Камчадалские жилища того времени описаны С. П. Крашенинниковым и Г. В. Стеллером. Для сооружения всех этих жилищ выкапывалась яма в земле, в ней устраивались стены, а сверху — пирамидальная крыша, засыпанная землей. У большинства этих жилищ было два выхода: зимний — сверху, летний — в виде туннелеобразного коридора. Сверху эти жилища походили на куполообразный холм, зимой покрытый снегом. Также должны были выглядеть и неолитические жилища Дальнего Востока 4—5 тыс. лет тому назад.

Оседлый образ жизни неолитических рыболовов Амура нашел свое отражение и во многих мелких, но очень характерных деталях быта. Так, например, неолитические сосуды из Приамурья, Приморья и других соседних с ними районов были приспособлены к ровному земляному полу, а может быть, и к полкам землянок. Они имели по этой причине только плоское, а

не круглое и тем более не острое дно, как сосуды, которыми пользовались хотя бы их ближайшиe соседи — лесные охотники Сибири. Вместе с тем они часто велики по размеру и несравненно вместительнее, чем круглодонные сибирские горшки. Некоторые сосуды из амурских и приморских землянок достигают 40—50 см в высоту, а на Японских островах находили глиняные сосуды высотой до метра. Это были, наверное, уже не горшки для варки пищи, а настоящие чаны — хранилища для пищевых запасов. Кроме того, наряду с плотными грубыми черепками горшков, употреблявшихся для варки пищи и покрытых нагаром, на Ангаре нередко можно встретить обломки сосудов, обладавших легкими пористыми стенками и покрытых особенно тщательным, даже расписным узором.

Не менее характерно, что в отличие от лесных охотников, изготовлявших свою одежду и домашнюю утварь из шкур и бересты, речные и морские рыболовы неолитического времени широко использовали растительные волокна. Еще недавно у ряда племен Дальнего Востока сохранялась древняя примитивная техника плетения и даже тканья, чуждая тунгусам и другим охотничьим племенам тайги. Гольды (нанайцы) и другие их соседи на Амуре — ульчи, гиляки (нивхи) — в прошлом усердно заготавливали дикую крапиву, которая в изобилии росла около их поселков, и выделяли из ее волокон сети, а еще раньше и одежду. На Камчатке еще во времена Крашенинникова растительные волокна употреблялись ительменами для плетения и ткачества. Из крапивы чаще всего делали сети. Корзины и циновки делались у ительменов из другой травы. Крашенинников сообщает: «Есть при морских берегах высокая трава, беловатая видом, пшенице подобная... Из сей травы плетут они рогожи, которые и вме-

сто ковров, и вместо занавесов употребляют. Лучшие ковры бывают с шахматами или с другими фигурами, которые китовыми мелко разделанными усами выплетаются. Из сей же травы плетут они епанчи, во всем подобные нашим старинным буркам, ибо оные с исподи гладки, а сверху мохнаты, чтоб по мохрам оным дождю катиться можно было».

В Приморье и на Амуре о широком развитии ткачества в неолите свидетельствуют, кроме того, многочисленные маховички, или напрасла для веретен, в виде глиняных кружков, иногда вырезанных из черепков сломанных сосудов. Некоторые из таких кружков могли служить также и частями ткацкого станка — грузиками.

Столь же самобытны, как амурская орнаментика, петроглифы Амура и Уссури, которые составляют вторую, не менее важную и богатую часть древнейшей художественной культуры Амура.

Наскальные изображения Амура и Уссури совершенно не похожи по содержанию и стилю на все известные сейчас писаницы Сибири, а также Северной Европы и Центральной Азии. По особенностям стиля и сюжетам они могут быть с полным правом выделены в особую локальную провинцию. Область их распространения оконтуривается с полной ясностью. Они встречаются в определенных, строго ограни-

Наскальное изображение — «личина». Сакачи-Алян

ченных пределах: низовья Амура (ниже Хабаровска, Сакачи-Алян, стоянка Май), бассейн Уссури (село Шереметьево, река Хор, река Суйфун вблизи города Уссурийска, ущелье Медвежьих щек). Провинцию эту можно назвать поэтому Уссурийско-Амурской.

Изображения на скалах Амура и Уссури выполнены в большинстве одной и той же устойчиво повторяющейся техникой. Они выбиты на скалах довольно глубокими желобками.

По содержанию среди таких изображений на первом месте выделяются антропоморфные рисунки совершенно своеобразного облика. Это изображения в виде голов каких-то мифических существ, духов или чудовищ, а может быть, маски вроде танцевальных масок племен южных морей, тибетского культового театра или японского театра, изображающие духов. Вторая группа изображений на скалах Амура и Уссури — рисунки лосей и оленей, третья — изображения змеи, четвертая — рисунки птиц. Имеются также стилизованные условные изображения лодок с плывущими в них людьми.

Замечательно при этом, что по своим характерным стилевым чертам петроглифы Амура и Уссури отчетливо «перекликаются» с неолитическим искусством Амура, с орнаментикой на глиняных сосудах того времени из Сучу и Кондона. Спираль, этот главный элемент неолитического орнамента, играет и здесь видную роль. Спирали и спиралевидные завитки заполняют, например, пустое пространство внутри самой большой фигуры оленя в Сакачи-Аляне. Иногда же, как в орнаментике неолита, спирали принадлежит основная, формообразующая роль. В ряде случаев на петроглифах весь рисунок состоит из концентрических кругов или спиралей. Такова, например, одна из ли-

чин на скале около села Шереметьево, которая представляет собою как бы непрерывно развертывающуюся спиралевидную полосу. Полоса эта начинается от правого глаза личины, окружает его и концентрическими окружностями сплошь заполняет всю личину внутри.

Столь же отчетлива и даже еще более наглядна связь петроглифов с современным искусством, с традиционным художественным миром амурских племен. Таковы, например, антропоморфные изображения, личины или маски. Рассматривая образцы современного орнамента амурских племен, можно увидеть в нем если не точно такие же, то, во всяком случае, очень сходные, хотя и сильно стилизованные, обезьяноподобные личины-маски. При этом следует отметить, что личины были использованы в амурской орнаментике таким же образом, как и другие фигуры — например, фигуры рыб или птиц. Они послужили своего рода «строительным материалом» как детали сложных орнаментных композиций.

Рядом с антропоморфными личинами-масками на петроглифах Усури и Амура обычно встречаются изображения оленей с характерными прямыми полосами поперек туловища. В орнаментике амурских племен, по словам Б. Лауфера, олень тоже играет наиболее важную роль после петуха и дракона. Среди изданных Б. Лауфером образцов орнаментики амурских племен имеются фигуры оленей с такими же точно поперечными полосами, как и на петроглифах.

Фигуры змей на петроглифах передавались обычно в виде спиралей, а иногда в виде волнистой полосы. Они явно соответствуют драконам позднейшей нанайской орнаментики, которые изображались точно таким же образом в виде спирали и волнистой ли-

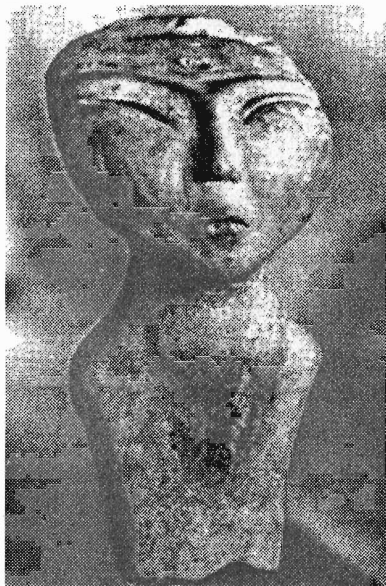
нии. Интересно в связи с этим отметить, что нанайцы в Сакачи-Аляне интерпретировали изображение змей на одной из скал как привычную для них фигуру дракона «мудур». Что касается изображений птиц, то среди них в современной нанайской орнаментике преобладает петух. Тем не менее, внимательно приглядываясь к образцам орнамента, изданным Лауфером, можно обнаружить изображения водоплавающих птиц — гусей, уток или лебедей, такие же, как на петроглифах. Сюда относятся, например, рисунки птиц на бумажной вырезке, где мы видим полное сходство с миниатюрными фигурами водоплавающих птиц на петроглифах у села Шереметьево. Основные сюжеты наскальных изображений на петроглифах, таким образом, снова повторяются и в современной орнаментике. Это обязыноподобные и спиралевидные маски-личины, изображения оленей с поперечными полосами на туловищах, водоплавающие птицы, змеи.

Все это вместе с широким применением спирали как основного элемента и главного формообразующего приема связывает древние наскальные изображения с современным орнаментальным искусством амурских народностей и, следовательно, свидетельствует о наличии определенной художественной традиции, не прерывающейся на протяжении многих веков, а может быть, и тысячелетий.

Третья часть художественных сокровищ Амура — скульптура — представлена пока единственным, но зато уникальным и совершенным в своем виде образом — изображением женщины. Материалом для него послужила глина: законченная скульптура была тщательно залощена и обожжена. Она обнаруживает не только опытную руку и наблюдательный глаз настоящего мастера-скульптора, но и определенную творчес-

кую школу. В ней как бы аккумулирован опыт многих поколений ваятелей, устойчивые и своеобразные традиции, создававшиеся веками. Неолитический скульптор с чувством реальности и искренней теплоты передал в глине черты определенного человеческого лица.

Столь же неожиданной и эффектной явилась новая находка в неолитическом поселении вблизи устья реки Сунгари у села Вознесенского. Это были остатки раздавленного землей неолитического сосуда. Поверхность сосуда сначала была покрыта тонким слоем красной минеральной краски, а затем залощена. По яркости и блеску она напоминает краснолаковые сосуды Древней Греции. Затем, очевидно, сосуд был подвергнут дальнейшей художественной обработке иными средствами: резьбой и скульптурными приемами. Широкой сплошной полосой в верхней половине этого уникального сосуда на красном лощеном фоне располагались изображения фантастических антропоморфных существ. У них глубоко врезанными линиями очерчены лица-личины: огромные, широко раскрытые глаза и большой, скульптурно оформленный нос с ямками ноздрей. Узкой поперечной щелью внизу намечен рот личины. По бокам личины видны

Глиняная скульптура женщины, найденная в Приамурье (неолит)

воздетые кверху руки. Кроме рук видны как будто и ноги. Этот неолитический сосуд замечателен не только тем, что раскрывает перед нами новые и неизвестные ранее стороны искусства древнейшего населения Амура, но и тем, что изображенные на нем загадочные личины обнаруживают связь с такими же личинами, выбитыми на базальтовых валунах в Сакачи-Аляне. Это обломки одного и того же своеобразного художественного мира, одной культуры, единого мировоззрения. И этот мир настолько своеобразен, необычен, полон такой художественной силы, что теперь уже совершенно ясно, что он занимал в мировой истории культуры каменного века не только особое, но и важное место рядом с другими сильными и крупными по значению культурно-историческими очагами детства человечества.

Исходное, коренное различие культур Сибири и Дальнего Востока прослеживается также в фольклоре, легендах и преданиях, заменяющих этим народам письменные исторические свидетельства. Нельзя пройти мимо того, например, что в фольклоре дальневосточных племен до сих пор звучат мотивы, совершенно необычные для Севера, для окружающей долину Амура природы. Когда гольдов (нанайцев) спрашивали о происхождении замечательных изображений на береговых камнях по Амуру, у села Сакачи-Аляна вблизи Хабаровска, они отвечали, что эти рисунки были нанесены в то далекое время, когда на небе существовало не одно, а три солнца. Вследствие этого стояла такая жара, что камни плавилась, как воск, и на них можно было рисовать без всякого труда. По другому варианту, сакачи-альянские изображения не были нарисованы и являются отпечатками различных существ на мягких от жары камнях. По рассказам шаманов, в

то время «земля кипела, горы были, как Амур, Амур, как гора». Существование для всего живого было почти невозможным от зноя, умирали от жары даже рыбы.

Так продолжалось до тех пор, пока первый шаман не догадался, что нужно убить два лишних солнца. После того как он убил два крайних солнца, «одно среднее осталось... Вода кипела — горой стояла. Гора кипела — рекой стояла. После этого жить стало хорошо, народ хорошо родиться начал». В качестве же вечного памятника о том времени и великих делах первого шамана остались застывшие отпечатки мифических существ седой древности на гранитных валунах из Сакачи-Аляна.

Трудно представить, как могла такая легенда возникнуть на далеком севере, где солнце является не врагом, а другом. Такие же легенды о стрелке, поразившем солнце, чтобы, охромев, оно не бегало слишком быстро, записаны в Полинезии у маори и у многих других народов.

Сходство мифологии амурских племен с полинезийской тем интереснее, что в Полинезии у тех же маори пышно расцвела одинаковая криволинейная орнаментика, также составляющая основное содержание их орнаментального искусства. В Полинезии обнаружены, наконец, и очень близкие к амурским из Сакачи-Аляна и уссурийским из села Шереметьево петроглифы со странными антропоморфными масками-личинами. На юг, в страны, где издавна плелись высокие, плоскодонные, цилиндрической формы корзины с естественно образовавшимся орнаментом из параллельных рядов вертикального зигзага, ведут нас и одинаковые с ними по форме и узору плоскодонные сосуды амурского неолита. Южные связи прослеживаются

ся и в таких деталях материальной культуры амурского неолита, как шиферные наконечники стрел. Чуждые таежным культурам Сибири, они связаны в истоке с древней бамбуковой культурой юга Азии, где такие шиферные острия и наконечники, в том числе наконечники гарпунов, появились вместе с такими же изделиями из расщепленного бамбука и взамен их.

Но вместе с тем в неолитической культуре Нижнего Амура столь же отчетливо видны и черты северного происхождения. Сюда в первую очередь относится исходная основа всей техники неолитического времени — способ расщепления кремня. Жители этих мест выделывали из кремня и других кремнистых пород такие же, как в Сибири — на Амуре и Лене, двусторонне ретушированные наконечники стрел с асимметричной выемкой в основании, одинаковые скребки из отщепов с выпуклым рабочим краем, такие же проколки и другие мелкие кремневые орудия.

Со временем в Кондоне, на поселении Сарголь, появляется новая неолитическая культура, носители которой принесли с собой небывалую ранее керамику, в корне чуждую всему, что мы до сих пор знали на Дальнем Востоке. У них были в употреблении уже не традиционные для амурского неолита плоскодонные, а круглодонные сосуды. Стенки этих сосудов тонкие. Орнамент на них тоже не имеет никаких точек соприкосновения с орнаментикой неолитического поселения в Кондоне, у Почты и в Сучу. Новые пришельцы, явившиеся на реку Девятку, украшали свои сосуды не амурской плетенкой и не спиральями, а простым сочетанием прямых полос, длинных горизонтальных, со свисающими от них короткими вертикальными полосками. Такой прямолинейно-геометрический узор и эта простая орнаментальная композиция контрастно противостоят пышной криволинейной орнаментике Сучу и

Кондона, а вместе с тем совпадают с орнаментикой неолитических племен Прибайкалья.

Все это говорит о родстве культуры Приамурья с культурами Кореи и Японских островов.

Маньчжуры

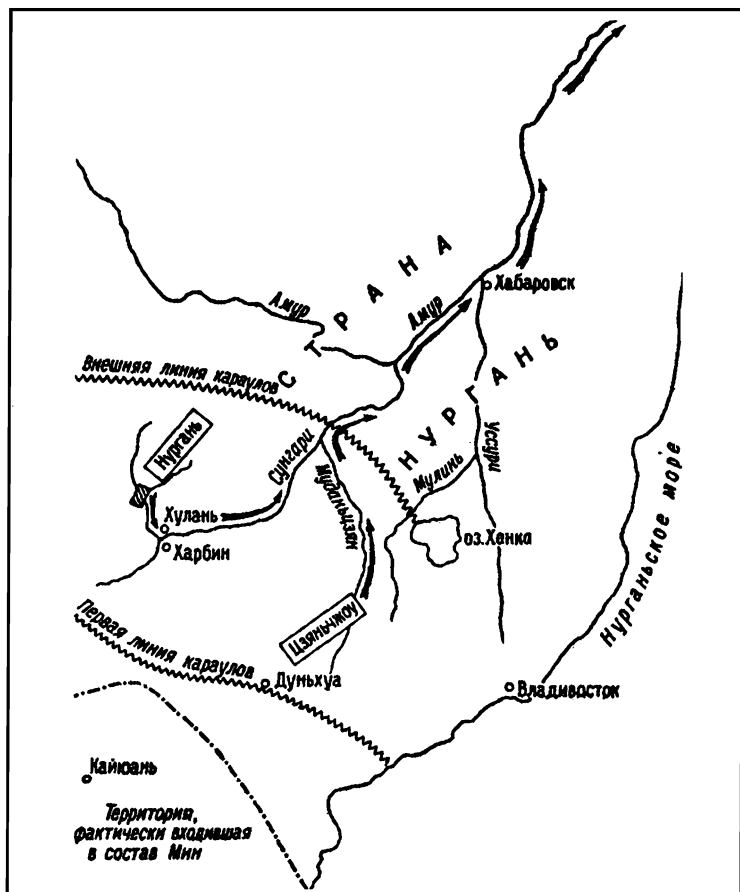
Китайцы называли Приамурье «Нургань». При моголах она служила местом ссылки.

По приказу Тайцзу (1368—1399), основателя минской династии, вдоль границ Китайской империи были учреждены многочисленные военные управления и опорные стратегические пункты, т. е. караулы, откуда китайские войска могли бы осуществлять контроль над местными племенами, а также предпринимать военные экспедиции против последних.

Уже в 1371 году в районе Ляодуна мины учредили первое военное управление. К 1375 году владения Мин простирались на север до современного города Кайюаня (провинция Ляонин).

К этому времени относится первая безуспешная попытка минцев проникнуть в низовья Амура. Эта экспедиция, по-видимому, была связана с общим планом подчинения южных областей Маньчжурии династии Мин. Правитель этого района старый юаньский чиновник Нахачу первоначально не подчинился минам, и потребовалась специальная экспедиция, чтобы заставить его в 1387 году признать власть китайцев.

В том же 1387 году был создан караул Саньвэй (в районе Кайюаня) и одновременно с ним военно-административный приказ, ведавший делами по управлению племенами учжэ, ежэнь, нюичжи и цилеми; причем если с большинством перечисленных выше племен поддерживался прямой контакт, то с племенами целе-

Приморье и Маньчжурия в XV—XVI веках

ми в XIV веке минцы могли иметь связь лишь через чжурчженские племена. Следовательно, помимо военно-политических причин, создание в 1404 году караула Нургань, расположенного ближе всех к районам Приамурья, преследовало и чисто экономические цели.

Создание караула Нургань связано с именем чжурчженского старшины Баладата из Хулавэнь. После

его визита во втором месяце 1404 года было объявлено об учреждении сторожевого поста Нургань, ведавшего северо-восточными землями. Четверо чжурчженских старшин, в том числе Баладата и Аласунь, были назначены командирами-управляющими в ранге чжихуй-тунчжи. Старшину Гуляйя и ряд других старшин определили тысячниками и сотниками. Всем подчинившимся чжурчженским старшинам минские власти пожаловали предписания, печати, шапки, пояса, одежды, бумажные деньги и соответствующие их положению среди местных племен ранги.

В 1405 году минцы, заинтересованные в торговле с местными племенами, открыли в городе Кайюане для чжурчженей конский рынок. Затем рынки для торговли с местными племенами были открыты в Фушуне и Дуннине.

В 1409 году Нургань был преобразован в пограничное военно-административное управление. Главой управления был назначен Кан Ван, бывший начальник караула Дуннин. Ему выдали охранную печать и выделили в его распоряжение 200 солдат. От управления Нургань должна была поступать в казну ежегодная взимаемая с местных племен дань, состоящая из соколов и собольих мехов. Дань привозилась на собаках, а для обеспечения регулярного движения были учреждены станции.

Управление Нургань формально стало центром громадной территории. В минскую эпоху территория Маньчжурии, кроме деления на западную и восточную половины, четко подразделялась еще на две неравные части — южную и северную. Южная часть фактически входила в состав минских владений и находилась под управлением китайской администрации. Северная часть подчинялась 384 караулам.

Поставленный во главе караула старшина управ-

лял подвластной ему территорией, на которой в неприкосновенности продолжали сохраняться старые родоплеменные порядки.

Зависимые от него или связанные с ним старшины носили обычно древние чжурчженьские и даже бохайские звания, а в основу управления были положены племенные традиции и обычное право. Правда, монгольское нашествие уничтожило основные культурные и экономические центры чжурчженьской империи в Маньчжурии и Приморье, в результате чего чжурчженьская народность вновь превратилась в группы разрозненных племен. Однако сильнейшие из них хранили традиции эпохи Цзинь и Бохая. По сведениям минского автора Тянь Жу-чэна, цзянь-чжоуские чжурчжени считали себя потомками правящего бохайского рода Да, а чжурчжени, жившие в низовьях Сунгари и близ Амура, — потомками правящего цзиньского рода Ваньянь. В минскую эпоху чжурчжени, по-видимому, еще помнили и знали свое национальное письмо, и именно с этой, а не с какой-либо другой целью в минской школе переводчиков китайцы обучались чжурчженьскому языку и письму, а в изданную этой школой серию словарей XV века вошел и чжурчженьско-китайский словарь.

После основания управления Нургань минское правительство предприняло ряд попыток проникнуть на северо-восток. Именно с этим этапом деятельности минов связано и появление тырских памятников в низовьях Амура.

Судя по первому тырскому памятнику, первая военная экспедиция минов была отправлена в низовья Амура во главе с чиновником Ишиха в 1410 году. Это была значительная по своим масштабам экспедиция, состоявшая из 1000 человек правительственного войска и 25 больших лодок, которая, по данным письмен-

ных источников, отправилась из города Цзяньчжоу (современный Дуньхуа в провинции Гирин) и сначала плыла по реке Муданьцзян (древняя Хурха-бира), а затем по Сунгари и Амуру. Цель этого мероприятия — посетить страну Нургань и уговорить местные племена принять подданство минов. Зимой 1412 года Ишиха достиг низовьев Амура, а осенью 1413 года по его приказу на утесе в местности Тыр (Дили, Тэли) был сооружен храм «Вечного спокойствия». «Около храма был поставлен памятник с надписями на китайском... монгольском и чжурчженьском языках. В них говорилось об экспедициях Ишиха и построении храма, пространно восхвалялся минский император и превозносилась его политика по отношению к подвластным народам».

В восьмом месяце 1412 года к минам прибыли нурганьские цилеми и чжурчжени из местностей Пули, Циулатан, Цзяргулу, Шидуха и Ушицзи, всего 178 человек, и представили предметы местного производства. О приезде представителей племен с низовьев Амура к минским властям в этот период сообщается и в тексте второго тырского памятника.

Сразу же после возвращения Ишиха или накануне этого, в 1414 году, минские власти отдали распоряжение увеличить численность войск в Ляодуне.

В 1428 году было отдано распоряжение Кан Вану, Ван Чжао-чжоу и Тундалаху отправиться в земли Нургани и основать там областное военное управление. В 1433 году жена Тундалаха, руководителя управления Нургань, прибыла к минским властям с подарками, состоявшими из предметов местного производства и лошадей. В этом же году должности престарелых руководителей управления Нургань Кан Вана и Ван Чжао-чжоу были переданы на правах наследства их сыновьям Кан Фу и Ван Гуйю. Последнему для про-

кормления было назначено жалованье тысячника. Тогда же был учрежден 381 караул по управлению и контролю над нурганьскими землями.

Второе рождение управления Нургань совпадает по времени, очевидно, не случайно, со второй экспедицией Ишиха в низовьях Амура. Во второй экспедиции принимал участие и некий Кан Чжэнь, по-видимому, член семьи Кан, руководивший Нурганьским управлением.

Императорский указ о втором походе Ишиха, судя по тексту второго тырского памятника, сохранившегося крайне плохо, был отдан в 1432 году. Отряд в 2000 человек во главе с Ишиха и «провинциальным военным начальником» Кан Чжэнем на 50 больших лодках отправился в Нургань. То, что они увидели там, повергло их в печаль. От храма «Вечного спокойствия», сооруженного в 1413 году на утесе Тыр, осталось только основание. Все было разрушено местными жителями, которые тем самым вопреки тексту первого тырского памятника высказали свое истинное отношение к попыткам минских властей подчинить племена Амура своему влиянию.

Разрушение храма не было случайным явлением. Племена, населявшие низовья Амура, которые несомненно были вне всякого контроля со стороны минских властей, а также племена, обитавшие непосредственно вблизи управления Нургань, не могли мириться с чужеземным игом. Они лишь выжидали благоприятного момента, чтобы навсегда выйти из-под влияния минских властей. Поэтому минам для возобновления активной деятельности управления Нургань постоянно приходилось прилагать немалые усилия, которые, однако, уже не могли принести ощутимого успеха.

Примерно к середине XV века наблюдается начало политической активизации цзяньчжоуских чжурчженей, в связи с чем система 381 караула исчезла вскоре же после объявления о ее создании, и минским властям в конце концов пришлось отказаться от попытки присоединить к себе земли Маньчжурии и тем более соседних с ней районов Приморья и Приамурья.

В конце XV века связи минского Китая с северо-востоком окончательно ослабли, что было вызвано общим упадком внешнеполитической активности Мин. Во всяком случае, в источниках не сообщается о каких-нибудь значительных событиях этого периода даже в соседних с Ляодуном областях Маньчжурии.

В свое время, комментируя тексты тырских памятников, П. Попов справедливо писал, что экспедиции Ишиха были вызваны тщеславием минских императоров, считавших себя повелителями вселенной, владыками всех народов, живущих под небесами. Но была и другая причина, тесно связанная с первой. Минский двор стремился насильственно овладеть бассейном Амура и закабалить его народы. Что из этого вышло, рассказывают тырские памятники. Амур как был до этого, так и остался независимым. Экспедиция Ишиха на Амур и цели, которые были поставлены перед ней, потерпели полный провал.

В XVI веке в центральных областях Маньчжурии происходит процесс централизации местных племен и усиления их военной мощи под главенством одного из племен цзяньчжоуских чжурчженей — маньчжур. К этому времени мины окончательно потеряли свой контроль над большей частью территории современного Северо-Восточного Китая. И когда в 1592 году огромная японская армия, вторгшаяся в пределы Кореи, перешла на левый берег реки Тумангана (Тюмень-улы),

чжурчженьские племена, обитавшие к северу от Тумангана, выступили уже как самостоятельная политическая сила. Территория, которую занимали чжурчжени в конце XV века, была известна тогда под названием Урянхай. В связи с нависшей угрозой корейцы, как это явствует из японских письменных источников, призвали на помощь чжурчженьские племена, которые оказали японской армии упорное сопротивление.

Наряду с описанием этого эпизода источники приводят сведения, характеризующие некоторые стороны политической и военной организации чжурчженей XVI века. Чжурчжени были «искусные наездники и стрелки из лука». У них имелись укрепленные поселения. Об одном из них сообщается: «Город был расположен на склоне горы; с тыла он защищался крутизной, а с фаса — высокою каменною стеною и глубоким рвом, так что оказался неприступным». На стенах этого укрепления были расставлены стрелометные машины. Упоминается и «столица» оранкайцев, которая «была гораздо обширнее древней японской столицы, и в ней стояло несколько десятков тысяч войска». В «столице» жил оранкайский «король» Макиду со всеми приближенными. Впоследствии эта столица была захвачена японскими войсками и полностью сожжена.

К концу XVI века какая-то часть чжурчженьских племен организационно оформляется в единое политическое целое во главе с общеплеменным предводителем, называвшим себя ханом. Одному из таких ханов, Нурхаци, и принадлежит роль основателя маньчжурской династии Цин. Имя этого хана, а позднее кагана, т. е. императора, говорит о том, что он был родом из местности Нургань. Учитывая то обстоятельство, что костяком новой государственности были

цзяньчжоуские чжурчжени, обитавшие на территории современной провинции Гири в Северо-Восточном Китае, можно предположить, что центр Нурганьского управления находился также где-то на территории провинции Гири.

При Нурхаци территория соседнего с Маньчжурским государством Приморья несколько раз подвергалась опустошительным набегам, которые были совершены между 1607 и 1615 годами. Во время этих набегов с территории Приморья «было выведено одних пленных свыше 14 000 душ и сверх того около 2500 семейств, т. е. в общем не менее 25 000 душ, не считая истребленных. После того весь край этот окончательно запустел на долгий период».

Эпизодические набеги маньчжур на территорию Приморья свидетельствуют о том, что не все чжурчженьские племена и занимаемые ими земли вошли в состав Маньчжурского государства. Кроме того, сам варварский разрушительный характер набегов, которые сопровождалось уничтожением или массовым переселением местного населения в глубинные районы Маньчжурии, показывает, что сами маньчжуры считали этот район Дальнего Востока не своей, а независимой территорией, каковой она и оставалась вплоть до захвата Приморья Россией.

Народы Приморья и Приамурья

Из числа чжурчженьских племен, обитавших на территории Приморья и Приамурья и не вошедших в состав Маньчжурского государства, впоследствии выделились такие народности, как нанайцы, ульчи, удэ-ейцы. Кроме того, здесь с незапамятных времен обитали многочисленные палеоазиатские племена.

В Хабаровском крае по реке Аргуни и Амуру проживали негидальцы, которых по переписи 1926—1927 годов было 426 человек.

Еще в XVII веке нивхи (гиляки) населяли все южное побережье Охотского моря.

Н. А. Янчук доложил интересное сообщение г. Штернберга о племени сахалинских гиляков (нивхах). «Гиляки не знают земледелия и гончарного искусства, снискивают пропитание главным образом охотой и рыбной ловлей, разогревают воду в деревянном корыте, опуская в него раскаленные камни и т. п. Особенно любопытны их семейно-родовые учреждения. Гиляк зовет отцом не только своего родного отца, но и всех братьев последнего, а жен этих братьев, как и сестер своей матери, зовет матерями, детей же всех перечисленных родственников — своими братьями и сестрами. И теперь каждый гиляк имеет супружеские права (по крайней мере их осуществление не считается грехом) на жен своих братьев и на сестер своей жены.

На острове Сахалин мы видим, что мужчина находился в брачном сожителстве со всеми женами своих братьев и со всеми сестрами своей жены, что означает, если рассматривать это явление с женской стороны, что его жена вправе вступать в половые сношения с братьями ее мужа и с мужьями ее сестер. При этом братья мужа и мужья сестер — это не обязательно одни и те же лица. Эта форма брака на практике отличается от неустойчивого парного брака или также от многоженства только тем, что ряд таких случаев половых сношений, которые при других условиях подвергаются строгому наказанию, здесь дозволены обычаем.

Род гиляка составляется из всех братьев его отца (всех степеней), из их отцов и матерей, из детей братьев гиляка и из собственных детей гиляка. Понятно, что

Таким образом составляющийся род может насчитывать в своей среде огромное количество членов. Жизнь рода протекает на следующих началах. Брак внутри рода безусловно воспрещен. Жена умершего гиляка переходит по решению рода к одному из братьев (любой степени) покойного. Род содержит всех не способных к труду своих членов. «У нас нет нищих, — говорил референту один гиляк, — если кто беден, того кормит род». Члены рода связаны общими жертвоприношениями и празднествами, общим кладбищем и пр. Род гарантирует жизнь и безопасность каждого из своих членов от покушения на него лиц другого рода. Предством служит родовая месть. Под влиянием русских действие этого института значительно ослабилось. Из действия родовой мести совершенно исключаются женщины. Род в некоторых случаях, впрочем, весьма редких, усыновляет лиц чужого рода. По общему правилу, имущество не должно выходить из рода умершего. У гиляков в этом отношении действует обычай — если он не имеет своих наследников, должны наследовать сородичи.

Ни одно чрезвычайное событие в жизни гиляка не обходится без участия рода. Старший в роде сравнительно еще недавно был общественным главой, старостой рода. Роды бывают часто рассеяны в очень отдаленных друг от друга пунктах, но, разделившись, сородичи продолжают помнить друг друга, ездят друг к другу в гости, оказывают друг другу помощь, покровительство и пр. Впрочем, без особенной нужды гиляк не покинет своих сородичей, гробниц своего рода.

Родовой быт налагает резкий отпечаток на весь духовный склад гиляка, на его характер, нравы и учреждения. Привычка все обсуждать сообща, необходи-

мость постоянно вступаться в интересы своих сородичей, круговая порука в делах мести, необходимость и обыкновение жить в больших юртах вместе с десятками себе подобных, так сказать, постоянно на народе, выработали в гиляке чрезвычайно общительный, разговорчивый характер. Гиляк чрезвычайно гостеприимен, он любит принимать гостей, любит и сам к ним ездить. Благородный обычай гостеприимства особенно резко проявляет себя в дни невзгод. В черный год, когда у гиляка не хватает пищи ни для себя, ни для собак, он не протягивает руки за благодеянием: он уверенно отправляется в гости и кормится там иногда довольно долгое время.

Среди сахалинских гиляков почти совсем не встречается преступлений корыстного характера. Свои драгоценности гиляк хранит в амбаре, который никогда не запирается. Гиляк настолько чувствителен к позору, что, уличенный в совершении чего-либо постыдного, он уходит в тайгу и вешается.

Убийства у гиляков довольно редки и совершаются чаще всего в раздражении; во всяком случае, они никогда не имеют корыстной цели. В своих гражданских отношениях гиляк проявляет правдивость, верность слову и добросовестность.

Несмотря на долгое подчинение окитаившимся маньчжурам, несмотря на губительное влияние проходимческого населения Амурского края, гиляки в нравственном отношении сохранили много добродетелей, свойственных первобытному племени. Но участь их строя жизни решена бесповоротно. Они обрусевают и вместе с выгодами культуры усваивают и все ее пороки. Сахалинские гиляки, как более или менее удаленные от центров русской оседлости, имеют шансы сохраниться в чистоте немного долее. Но и на них русское население оказывает свое влияние.

В нижней части бассейна Амура, в Приморье и на Сахалине был расселен ряд сибирских народов, сходных между собой по языку, хозяйству, быту и историческому прошлому. Это нанайцы, ульчи, удэгейцы, ороки, орочи и негидальцы. Все они говорят на близких друг другу языках тунгусоманьчжурской группы и противопоставляются в этом отношении еще одному народу Амурского лимана и Сахалина — палеоазиатам-нивхам.

Академик Л. Шренк, путешествовавший по Амуру в 50-х годах XIX века, выделил в населении Амура все указанные выше группы в качестве отдельных народов. Крупнейший исследователь народов Амура Л. Я. Штернберг считал нанайцев, ульчей, ороков и орочей одной народностью. Он исходил при этом из наличия у всех этих групп термина «нани» в качестве одного из самоназваний. Штернберг предлагал называть нанайцев (гольдов) нижнеамурскими нани, ульчей — низовоамурскими нани, ороков — сахалинскими нани и орочей — юго-восточными нани. Несомненно, что в культуре всех этих групп имеется много общего; во многом сходны и их языки. Анализ родового состава (наличие многих общих родовых названий) также свидетельствует, что по происхождению они тесно связаны друг с другом.

В неолитическую эпоху на Нижнем Амуре была распространена культура, резко отличавшаяся от культуры Прибайкалья и Северо-Восточной Сибири. Для амурского неолита характерны подземные жилища, отражающие оседлый образ жизни неолитических обитателей берегов Амура, плоскодонная керамика со спиральным орнаментом, резко отличная от круглодонной керамики с прямолинейно-геометрическим орнаментом неолита Сибири.

Снаряжение и одежда охотника:

1 — охотничьи лыжи; 2 — лыжный посох; 3 — лук, употребляющийся и как лыжный посох; 4 — пояс с принадлежностями; 5 — охотник в полном снаряжении; 6 — верхняя часть копия в деревянном резном футляре; 7 — передник; 8 — головное покрывало; 9 — головной убор; 10 — колчан из рыбьей кожи; 11 — нарукавник

Главным занятием неолитического населения Приамурья и Приморья было рыболовство, чем и следует объяснить его оседлый образ жизни. В культуре населения Амура можно проследить целый ряд черт сходства с неолитической культурой этой области. Это сходство прослеживается в культуре всех этнических групп Амура, но непосредственными потомками неолитического населения Амура следует, по-видимому, считать палеоазиатов-нивхов. Палеоазиатские по языку племена, в какой-то степени родственные нивхам, были несомненно распространены в прошлом значительно выше по Амуру. Есть основания считать, что для этих палеоазиатов Амура были характерны: оседлое рыболовство, землянки, ездовое собаководство со специфическим типом упряжки, сбруи и нарты, одежда из рыбьей кожи, из собачьих, а в устье Амура и из тюленьих шкур, некоторые черты культа, связанные с рыболовством и почитанием реки. Отдельные эти черты мы прослеживаем у всех народов Амура.

В настоящее время, за исключением нивхов, коренное население Нижнего Приамурья говорит, как известно, на языках тунгусоманьчжурской группы. Уже это одно указывает на тесные исторические связи этих народностей с эвенками Сибири. В языках народов Нижнего Приамурья лексические и грамматические элементы эвенкийского языка преобладают над элементами маньчжурского языка.

В составе нанайцев, ульчей и других тунгусоманьчжурских народностей Нижнего Приамурья прослеживается целый ряд родов эвенкийского происхождения. В культуре народов Амура прослеживаются также особенности, свойственные более северной таежной культуре эвенков. Таковы эвенкийского типа большие лыжи, подклеенные камусом, конический чум, лодка-берестянка, очень характерная для эвенков форма ко-

лыбели, такая своеобразная деталь одежды, как нагрудник, и некоторые другие элементы культуры.

Но наряду с этим все народы Амура (в особенности нанайцы) испытали на себе, кроме того, многовековое влияние маньчжуров и китайцев. Это влияние сказалось, например, в широко распространенном типе одежды — халате, запахивающимся направо, зимнем жилище типа фанзы с отапливаемыми нарами — канами, в утвари, украшениях, некоторых мотивах орнамента и т. д.

Древнейшие китайские известия называют население Амура, Сунгари и Уссури II—I тысячелетия до н. э. общим названием «сушень». Сушени описываются как дикий народ, не знавший хлеба и питавшийся сырым мясом. Они выделывали стрелы с каменными наконечниками, жили в землянках, занимались охотой и рыболовством. В I веке до н. э. китайские известия называют здесь тунгусские племена илоу. Илоу, как и сушени, входили в сферу влияния Китая. Они занимались охотой и рыболовством, но отчасти заимствовали у китайцев земледелие, разводили свиней, лошадей и рогатый скот. Часть илоу, жившая по Нижнему Амуру, сохраняла быт рыболовов-охотников и не признавала власти Китая. В V—VII веках н. э. население этой области известно было в китайских источниках под названием «уцзи» и «мохэ». Эти племена мало отличались от илоу.

В начале VIII века на территории Маньчжурии и Северной Кореи складывается государство Бохай, в пределы которого входила и значительная часть современного Приморья. Бохайское государство (719—925) оказало несомненное влияние на народы Приморья. В эту эпоху в низовьях Амура, у озера Кизи, китайские историки называют племена кушо (кушо-бу), в которых можно видеть айнов (куши, куй — так

именовали айнов ительмены Камчатки, народы Амура, а также маньчжуры и китайцы).

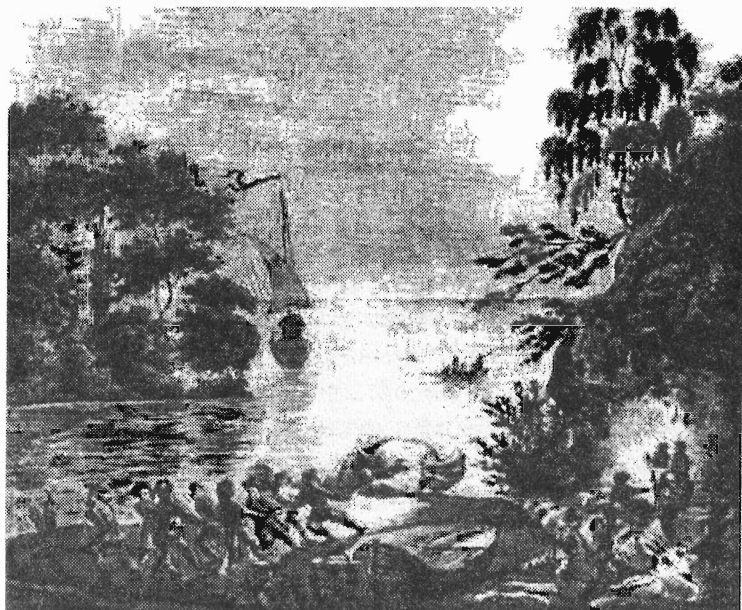
Основные этапы позднейшей истории Приамурья рисуются следующим образом. После падения под натиском киданей Бохайского государства, а затем и в период государства чжурчженей—ньюйчжей (1125—1280), большая часть рассматриваемой нами территории не входила в состав государств киданей и чжурчженей. В китайских источниках низовья Амура в этот период описываются как земля нивхов. В преданиях народов Амура отразилась и эпоха монгольской династии в Китае (1280—1368).

В 40-х годах XVII века на Амур проникают первые отряды русских казаков. Первые известия об Амуре русские получили еще в 30-х годах от эвенков и юкагиров. В 1643 году на Амур спускается по Зее «письменный голова» Василий Поярков в сопровождении 130 человек казаков и промышленных людей. К 1649 году относится первый поход на Амур Е. П. Хабарова.

По сведениям казаков, этнический состав населения Амура в первой половине XVII века рисуется следующим образом. Верхнее течение Амура вниз до устья Зеи было заселено даурами. Дауры говорили на монгольском языке, занимались земледелием, жили в крупных укрепленных селениях, имели в значительном количестве скот и лошадей. Ниже по течению Амура жили дючеры (дзючеры, джучеры). Они говорили на маньчжурском языке. В бассейне реки Зеи жили эвенки — манегры, а в бассейне Буреи — бирары, имевшие лошадей. Ниже устья Усури, где кончались в то время поселения дючеров, жили натки (их называли также ачанами). Есть все основания думать, что натки (ачаны) — это нанайцы.

После Нерчинского договора 1689 года и официального ухода русских с Амура китайцы пытались вовлечь в сферу своего влияния и низовья Амура. Они назначали из населения старшин, наделяли их знаками отличия и поручали им собирать ясак и чинить суд. Но если эти родовые и деревенские старшины и имели влияние среди нанайцев, то среди других народов низовий Амура оно было ничтожным. В 1858—1860 годах, когда по Айгунскому и Пекинскому договорам весь левый берег Амура и Уссурийский край отошли к России, началась массовая русская колонизация. Низовья Амура и Сахалин заселялись казаками, вольными колонистами и ссыльными.

В середине XVIII века русским стали известны и алеуты, жившие на островах Алеутской гряды. Основ-

Лов китов в Охотском море. С акварели Е. М. Корнеева

ным их занятием была охота на морского зверя. Развито было также рыболовство. Орудия алеуты изготовляли из дерева, кости и камня. Железные изделия попадали к ним, так же как и к айнам, редко.

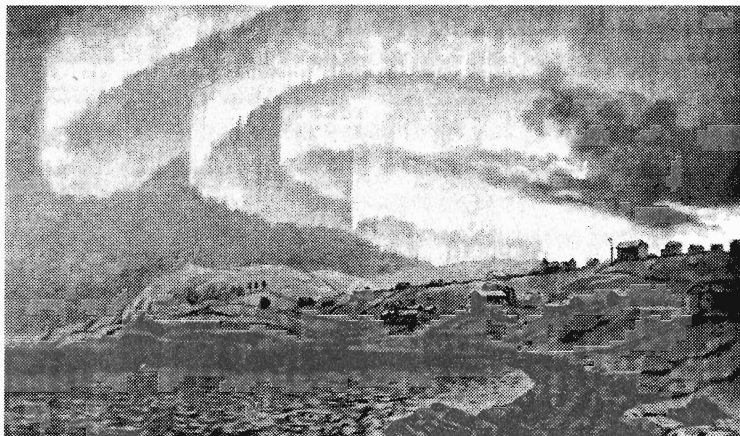
Промышленник Серебренников сообщал об алеутах в 1753 году: «Ножи их были почти все каменные и редко кто имел железные, оружия не знали они никакого, кроме стрел с каменным или костяным восприем, кои спускали они с особой деревянной дощечки».

Алеуты жили в полуземлянках, вмещавших несколько родственных семей. Общественные отношения характеризовались чертами патриархально-родового строя. Во главе родов стояли старейшины. Во владении рода находились промысловые угодья. Существовала кровная месть. Между отдельными родами часто случались войны за овладение промысловыми угодьями. Пленных обращали в рабов.

Коряков в XVII веке до прихода русских насчитывалось от 11 до 13 000. По переписи 1926—1927 годов — 7434. Алеутов в XVII веке было до 25 000. В 1927 году — 345. Издержки прогресса? Или они превратились в русских? Вопрос риторический.

Юкагиры

Юкагиры территориально разделены на две части: одна часть их расселена по притокам Колымы — Коркодону, Балыгычану и Ясачной, а также в предгорьях Аргатаса. В административном отношении эта территория входит в Средне-Канский район Магаданской области и Верхне-Колымский район Якутии. Другая часть юкагиров обитает у «края лесов», меж-

Земля юкагиров

ду низовьями Колымы и Алазеи, в бассейне реки Чукочей.

В настоящее время юкагиры в районах своего расселения не составляют единого этнического целого. Совместно с верхнеколымскими юкагирами живут якуты. Тундровые юкагиры живут среди эвенков, чукчей, якутов и русских старожилов.

Юкагирские предания говорят о том, что некогда юкагиры были столь же многочисленны, как звезды во мраке полярной ночи. Дым юкагирских очагов был столь густым, что пролетающая птица скрывалась в нем; одно из преданий гласит, что ворон почернел, пролетев через него. Северное сияние рассматривалось как отражение огней юкагирских стойбищ. Якуты и по настоящее время называют северное сияние *юкагир-уот*, что значит «юкагирский огонь».

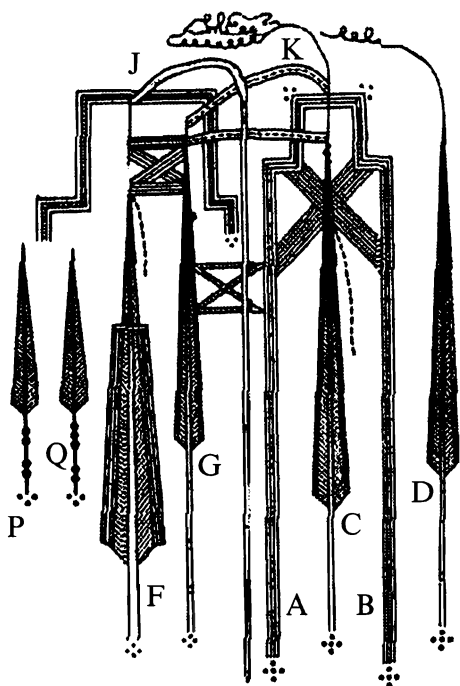
Еще в 30-х годах XVII века юкагиры занимали обширное пространство от низовьев Лены на западе и до бассейна Анадыря включительно на востоке, от берегов Северного Ледовитого океана на севере и до верхнего течения рек Яны, Индигирки и Колымы на юге.

Есть основания предполагать, что в отдаленном прошлом юкагиры жили к западу от Лены и в более южных районах современной Якутии и только впоследствии эти группы юкагиров были вытеснены или ассимилированы тунгусскими племенами и предками якутов.

В 1859 году юкагиров насчитывалось 2350 человек. В 1897 году — 1500 человек. По переписи 1926—1927 годов было учтено всего 443 юкагира.

В приведенном здесь «письме» юкагирки говорится: «Ты уходишь. Ты любишь русскую, которая преграждает тебе путь ко мне. Пойдут дети, и ты будешь радоваться, глядя на них. Я же вечно буду грустить и думать только о тебе, хотя и есть другой, кто любит меня».

Рамка А—В означает дом; в нем живет С, опечаленная девушка, которая изображена в виде контура узкой веерообразной юбки, соответствующей юкагирской одежде, и с косой (пунктирная линия). В доме скрещиваются два пучка линий, что означает печаль. Извилистая линия К—мысли девушки,

«Письмо» юкагирки

уносящиеся вслед за G. Линия J, идущая от фигуры F и пересекающая линии, соединяющие C и G, означает помеху их взаимной любви. Слева от дома девушки расположен второй дом; рамка не доведена до низу — это значит, что его жители F и G отсутствуют. F — русская женщина, как показывает юбка с более широкой каймой. O — влюбленный в девушку юкагир, P и Q — это будущие дети F и G.

Чукчи

В русских анекдотах чукчи — это какой-то экзотический народец, весьма далекий от цивилизации, и к тому же довольно бестолковый. Но это представление не имеет ничего общего с действительностью.

Чукчи — самый крупный народ в группе северо-восточных палеоазиатов, к которой кроме них относятся коряки и ительмены. Близость чукчей (и коряков) с ительменами проявляется почти исключительно в области языка; близость между чукчами и коряками существует не только в языке, но и в различных областях материальной и духовной культуры. И чукчи и коряки делились на приморских охотников и на оленеводов — обитателей тундры. Следует отметить, что в хозяйстве, быте, культуре между оленными чукчами и коряками издавна существовало сходство большее, чем, например, между оленными и приморскими чукчами.

Приморские чукчи называют себя *ан'калын* (мн. ч. *ан'калыт*) — «морской житель», «помор», а тундровые чукчи-олeneводы — *чавчу* (мн. ч. *чавчуват*), как и оленные коряки. Кроме того, как приморские, так и оленные чукчи называют себя *лыгъоравэтлиан* (мн. ч. *лыгъоравэтдят*), что означает «настоящий человек».

Русское название «чукча», «чукчи» происходит от упомянутого термина «чавчу».

В культуре чукчей, в первую очередь приморских, мы находим много элементов, характерных для эскимосов. Антропологические данные также свидетельствуют об общей основе в формировании чукчей и эскимосов.

Если учесть очень большую близость чукчей и коряков и по культуре и по языку, можно предположить, что область формирования чукотско-корякской группы лежала южнее современной территории их расселения. Отсюда предки чукчей распространялись на север, ассимилируя эскимосов и в свою очередь сами испытывая влияние эскимосского языка и культуры.

В фольклоре чукчей отражены столкновения между чукчами и азиатскими эскимосами, между чукчами и коряками. Хотя даже приблизительная датировка чукотских сказаний затруднена, все же В. Г. Богораз считает сказания о чукотско-эскимосских столкновениях более древними, чем о корякско-чукотских: первые сказания сохранились менее отчетливо и ярко, в них отсутствуют имена собственные. В этих сказаниях чукчи чаще всего выступают как олениводы. Они совершают набеги на эскимосов, захватывают у них добычу — морских животных и пленников, которых заставляют пасти своих оленей.

Археологические раскопки С. И. Руденко на побережье в 1945 году и раскопки А. П. Окладникова у мыса Баранова в 1946 году, а также топонимика свидетельствуют о том, что территорию от мыса Шмидта до мыса Дежнева занимали в древнее время эскимосы. Сейчас на большей части этой территории живут чукчи. По-видимому, происходил процесс слияния обеих групп, сопровождавшийся победой чукотского языка над эскимосским. В результате этого образова-

лись современные приморские чукчи, экономика, культура и быт которых носит следы эскимосского влияния.

Так, можно предполагать, что способы и приемы охоты на морского зверя, орудия этой охоты были заимствованы чукчами у эскимосов. В области верований нужно отметить совпадение многих распространенных прежде обрядов и праздников у приморских чукчей с эскимосскими, сюда относятся: жертвоприношения морю для удачи в промысле, праздник духа-хозяина моря (у эскимосов — *Качак'а*, или «Большой женщины»), «праздник байдар», «праздник голов», китовый праздник и т. д.

Из многочисленных чукотских сказаний о столкновениях с коряками видно, что целью набега чукчей на коряков был захват оленьих стад. Частые столкновения между чукчами и коряками подтверждаются и историческими документами XVIII и начала XIX веков.

Взаимоотношения чукчей с соседними народами не ограничивались столкновениями. Большое место занимал одновременно и межплеменной обмен. По преданиям, в Уэлене и в Наукане происходили встречи чукчей и эскимосов для обмена; обе стороны являлись в полном вооружении и предлагали друг другу предметы обмена на концах копий или обменивались ими с обнаженными ножами в руках. Обмен происходил между эскимосами Аляски и острова Св. Лаврентия с одной стороны и приморскими чукчами и азиатскими эскимосами — с другой. Американские эскимосы нуждались в шкурах оленей и в одежде из шкур. Оленные чукчи через азиатских эскимосов выменивали у них ворвань, шкуры моржа, морского зайца и речного бобра, ремни. В тундре у чукчей происходил широкий обмен с коряками, юкагирами и эвенами.

Русские впервые столкнулись с чукчами в середине XVII века. В 1642 году казак Иван Ерастов с товарищами встретил чукчей к западу от Колымы на реке Алазее.

В 1644 году был основан Нижнеколымский, а в 1649 году Анадырский остроги. Отсюда казаки впоследствии вошли в непосредственное соприкосновение с чукчами. Вместе со служилыми людьми проникали на северо-восток промышленные и торговые люди.

Попытки обложить чукчей ясаком окончились неудачно, так как территория расселения чукчей была бедна пушниной, а сбор ясака в тундре с кочевого населения представлял большие трудности.

В первой половине XVIII века царское правительство сделало ряд попыток привлечь чукчей к ясачному платежу и прекратить их набеги на ясачных людей. С первой экспедицией Беринга была связана первая русская экспедиция на Чукотку — экспедиция Шестакова 1729—1730 годов. Однако заставить чукчей платить ясак не удалось. Чукчи оказывали сопротивление и не давали заложников.

В 1742 году Сенат вынес решение о полном искоренении «немирных» чукчей, предложив Иркутской провинциальной канцелярии «на оных немирных чюкч военною оружейною рукою наступить и искоренить вовсе». Сдавшихся чукчей Сенат предложил высылать в Якутское ведомство. Однако направленный против чукчей отряд майора Павлуцкого после нескольких жестоких карательных походов потерпел неудачу. 14 марта 1747 года передовой отряд русских, состоявший из 97 человек во главе с самим Павлуцким, был окружен чукчами и уничтожен. После этого основной отряд вынужден был прекратить преследование чукчей. Походы против чукчей Кекерева (1749—1750) и Шатилова (1751—1752) также успеха не имели и к покорению

чукчей не привели. Неудачная экспедиция майора Павлуцкого (1747) была последним крупным военным походом на чукчей.

Отсутствие в Чукотской земле ценной пушнины, большие расходы по содержанию крепостей и гарнизонов, не говоря уже об издержках по снаряжению военных экспедиций, заставили царизм отказаться от дальнейших попыток привести чукчей силой оружия «под высокосамодержавную ее императорского величества руку». В 1764 году была оставлена Анадырская крепость. За время своего существования (1710—1764) эта крепость стоила казне 539 246 рублей; огромные убытки понесли также якуты, перевозившие казенные грузы. В то же время за все 55 лет из крепости поступило в приход всего 29 152 рубля. В 1769 году была отозвана также большая часть гарнизона Нижне-Колымской крепости, население которой, по данным 1762 года, состояло из 585 мужчин, 236 женщин и 53 детей.

Следует отметить, что Нижне-Колымская и Анадырская крепости служили не только военным целям. Товары, доставлявшиеся в них как администрацией, так и купцами, приобретались коренным населением в обмен на пушнину. Топоры, ножи, наконечники копий, медные котлы, инструменты, табак приобретались чукчами путем меновой торговли с ясачными юкагирами, коряками и ламутами.

Русские товары попадали к чукчам также при их набегах на юкагирские стойбища и во время столкновений с русскими отрядами. В 1754 году при разгроме юкагиров Чуванского рода чукчи захватили различного имущества на 8113 рублей. Наряду с оленями, одеждой, нартами упоминаются кожи, топоры, копья, железные стрелы, клещи, пилы, колокольцы, наигольники, бисер, листовой табак, китайский чай и т. д.

После эвакуации русских форпостов чукчи стали

ощущать недостаток в русских товарах, к которым они же успели привыкнуть. Поэтому они сами стремились к установлению дружеских взаимоотношений с русскими. Этому способствовало также и изменение правительственной политики по отношению к чукчам. Было установлено, что чукчи, как народ «не вполне покоренный», «платят ясак количеством и качеством какой сами пожелают». Местная администрация перешла к новым, мирным методам привлечения чукчей к платежу ясака. Платившие ясак чукчи в зависимости от количества и качества вносимой пушнины одаривались подарками. Для привлечения чукчей к уплате ясака с 1770-х годов к востоку от реки Колымы на берегу Сухого Анюя ежегодно весной стали устраиваться ярмарки. В 1773 году был официально восстановлен Нижне-Колымск (на новом месте, против устья Анюя). В 1784 году было восстановлено Анадырское поселение на урочище Марково. Но как Анадырь, так и Нижне-Колымск теперь уже не являлись военными креплениями. Зашиверскому исправнику выдавались особые суммы на подарки чукчам (от 85 до 500 рублей в год). В 1791 году для подарков ясачным чукчам зашиверский земский исправник Баннер затребовал 10 аршин красного сукна для кафтанов и 5 пудов табака, мотивируя это тем, чтобы «им на первый случай оводнее было вносить казенную подать».

Сами чукчи, видимо, рассматривали уплату ясака как меновую торговлю, в которой они нуждались. В 1792 году чукотские тойоны Мучигинского и Улючинского селений подали капитану Биллингсу прошение о восстановлении Анадырской крепости. В прошении казывалось, что при посредстве чукчей, плативших ясак в крепость, прочие «получали через мену разные нужные нам вещи: котлы, топоры, корольки, бисер и рочее, чем были довольны», и сообщалось, что в свя-

зи с закрытием крепости этой группе чукчей приходится с большим трудом пробираться в Гижитинскую крепость для приобретения необходимых вещей.

К концу XVIII века отношения между чукчами и якутской администрацией настолько улучшились, что чукчи не только не оказали сопротивления экспедиции капитана Биллингса, описывавшей берега Чукотского полуострова, но даже помогли ей. Экспедиционный отряд Биллингса был перевезен чукчами из залива Св. Лаврентия до реки Анюй. Биллингс дал за эту услугу главе стойбища чукче Имлерату 5 пудов табака, 3 пуда стеклянных пронизок, 2,5 пуда железа, наковальню, топоры, напильники, ножи, ножницы, зеркала, иглы, ружье, дробь, порох, листовую медь. Сопровождавшие Биллингса главы чукотских стойбищ отвергли предложение некоторых молодых чукчей перебить отряд и завладеть его имуществом не только из боязни отмщения, но и опасаясь, что прекратится торговля с русскими и негде будет доставать нужные им вещи.

В начале XIX века одаривание чукчей фактически превратилось в официальную меновую торговлю. В 1806 году среднеколымский частный комиссар доносил якутскому областному начальству, что во время посещения им крепости Ангарской явилось к нему 22 человека беломорских и чаунских чукчей и после уговоров уплатить ясак и стать «верноподданными его величества» внесли 10 красных лисиц и были одарены 27 фунтами табака. Шестеро чукчей согласились принять крещение, за что получили еще 20 фунтов табака. Уплата ясака, так же как и принятие христианства, были для этих чукчей (по-видимому, торговцев-поворотчиков) простой торговой сделкой.

В 1811 году иркутский гражданский губернатор Трескин сделал попытку регламентировать торговые

отношения с чукчами. Были введены твердые цены на пушнину и русские товары. Казакам и рядовым гражданам торговля, кроме мелочной, была воспрещена. Купцам было запрещено торговать с чукчами в долг.

В начале XIX века чукотские ярмарки устраивались весной на Малом Анюе, в местности Островное, или на Большом Анюе, на устье его притока — реки Ангарка. Небольшие ярмарки существовали в Гижиге, селе Каменском на Охотском море и в селении Марково, но они, как и ряд других, еще более мелких, не играли заметной роли. Оборот ярмарки на Сухом Анюе во втором десятилетии XIX века достиг 200 тысяч рублей. В 1837 году здесь было продано 100 бобров, 395 куниц, 30 рысей, 31 комплект куньих одежд, 13 комплектов выхухолевых одежд, 580 красных лисиц, 80 сиводушек, 13 черных лисиц, 268 песцов, 8 голубых песцов, 1563 моржовых клыка и т. д. Меха бобров, куниц и рысей шли на чукотскую ярмарку с Аляски; чукчи в этой торговле выступали как посредники между русскими и жителями Аляски.

Подробное описание чукотской ярмарки в местности Островное привел в своем отчете Ф. Ф. Матюшкин. Он отметил, что «чукчи составляют по-настоящему только посредников в торговле между русскими и американцами; собственных своих произведений, кроме разве оленьих шкур, пускают они в оборот немного». «Путь сего народа в Островное довольно замечателен, — писал Матюшкин. — Сначала чукчи переезжают с Чукотского Носа в Америку и, наменяв там мехов и моржовых костей, отправляются в Островное со своими женами, детьми, оружием, товарами, оленями и домами — настоящее переселение народов в малом виде... На берегах Чаунской губы чукчи перемещают своих утомленных оленей у кочующих там племен и следуют далее. Посещая по дороге ярмарки

в Анадырске и Каменном на реке Гижиге, чукчи приходят в Островное обыкновенно в конце января или начале февраля. Здесь пребывают они девять или десять дней и отправляются обратно прежним путем. Обыкновенно караван их состоит из трехсот человек, в том числе 100 или 150 воинов. Так проводят жизнь свою чукчи в непрерывных переходах со всем имуществом и семействами. Каждый караван приходит в Островное однажды в два года».

В XIX веке в расселении чукчей произошли большие изменения. После прекращения военных действий против чукчей, отметил колымский исправник Майдель, чукчи-оленоводы начали медленно продвигаться на запад и юг. На западе их привлекали как богатые ягельные угодья, так и возможность торговать с русскими. Если в середине XVIII века западная граница расселения чукчей проходила от реки Чауна к верховьям обоих Анюев, то в 1830-х годах чукотские стойбища простирались уже до реки Большой Баранихи. На юге в середине XIX века чукотские стойбища находились около реки Омолона. В 1850 году чукчи подошли также к низовьям Колымы. Торговый старшина Нижне-Колымска в одном из своих донесений сообщал, что с 1850 года чукчи стали являться в Нижне-Колымск во всякое время года для торговли с русскими и что их стойбища расположены неподалеку от русских селений на Колыме. В 1852 году нижне-колымский частный комиссар доносил, что к местности Сухарная (в низовьях Колымы) подкочевала группа чукчей-оленоводов (27 взрослых мужчин) и занялась рыболовством, купив у русских сети. В 1859 году, по данным В. Г. Богораза, чукчи переправились через Колыму. Действительно, в 1866 году якутский гражданский губернатор подтвердил разрешение какой-то группе

чукчей постоянно кочевать в Большой тундре между Сольмой и Индигиркой.

Приближение чукчей к колымским административным центрам помогло привлечь их к ясачному платежу. С той же целью колымский исправник Майдель вел правило, по которому с чукчей ясак начали взимать не красными лисицами, а выделанными оленьими шкурами (в безлесной тундре красных лисиц добыть было трудно). Вскоре ясак с чукчей стал взиматься в денежном выражении — по рублю с человека. Однако вся сумма, выплачивавшаяся чукчами, равнялась 247 рублям.

Распространение чукчей на запад, в Колымский округ, привело к значительным изменениям в их хозяйстве. Чукчи улучшили свои стада за счет покупки лесных ламутских оленей, научились употреблять летом оленей под седлами. В хозяйственной деятельности олымских чукчей большое место заняло рыболовство по озерам и осеннее рыболовство в низовьях рек. По сравнению с остальными обитателями Колымского округа чукчи представляли собой наиболее обеспеченную группу, не испытывавшую периодических весенних голодовок. Это способствовало заключению браков между чукчами и женщинами из местных племен. В середине XIX века колымские чукчи стали смешиваться с местным ламутским, юкагирским и отчасти усским населением.

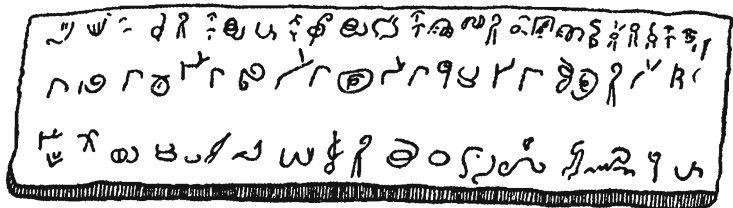
Еще более обособилась колымская группа чукчей от восточных чукчей после того, как в 60—70-х годах XIX века чукотская Анюйская ярмарка потеряла свое значение. Во второй половине XIX века оборот чукотских ярмарок стал сокращаться. Причиной этого была орговая деятельность американцев. После продажи Аляски (1867 г.) усилилось проникновение на Чукотку американских спиртовозов, китобоев, торговцев.

Вид Средне-Колымского острога. Атлас и путешествия капитана Сарычева. 1802 год

Спаивая население, американцы увозили лучшую пушнину, распугивали на лежбищах моржей, за китовые отбросы заставляли чукчей работать на своих судах. В этих условиях чукотские торговцы-поворотчики перестали посещать Анюйскую ярмарку, сюда приезжали лишь колымские чукчи.

Чукчей, прекрасных воинов, невозможно было завоевать, но оказалось, что их можно было приручить, приучив к роскоши в виде «благ европейской цивилизации».

Дощечка с чукотскими письменами

Перевод одной из строк: «Другой хороший, другой плохой человек, другой ремесленник человек, другой вороватый человек, другой скрытный человек, другой олени ворует».

Среди чукчей нашелся один, который самостоятельно разработал чукотское письмо. Было оно наподобие китайского — иероглифическим. Однако из-за не востребоваемости у чукчей оно не прижилось. В тундре писать некому, да и незачем.

Камчатка: ительмены

Вопрос о происхождении ительменов остается открытым. Археологические памятники полуострова изучены слабо. Они представлены полуподземными жилищами, в которых встречается в большом количестве неолитический каменный инвентарь: наконечники стрел, копья, топоры, скребки, лампы-жирники, хорошо обработанные костяные предметы, остатки гончарных изделий. Они очень близки к орудиям ительменов XVII и XVIII веков; подобный каменный и костяной инвентарь застали еще первые исследователи Камчатки — С. Крашенинников (1737—1742) и Г. Стеллер (1740—1744).

В. Атласов указывал, что в то время ительменов было более 25 000.

Первые этнографические сведения об ительменах были получены от В. Атласова, который с отрядом казаков и юкагиrow из Анадырского острога в 1697 году отправился на Камчатку. Атласов дошел по западному побережью почти до юга полуострова и собрал первый яsak с ительменов. Он застал у ительменов в пол-

Добывание огня камчадалами

ном расцвете неолитическую технику — каменные и костяные орудия. Его «сказки» (до-несения) полны этнографических материалов. Довольно подробно описываются материальная культура (селения, жилища, одежда, способы приготовления пищи и др.), расселение, отдельные черты родовой организации.

Особенный интерес представляют сведения Атласова о гончарстве, потому что уже сорок лет спустя С. Крашенинников не нашел у ительменов никаких следов этого занятия.

Благодаря замечательному труду Степана Крашенинникова — участника Второй камчатской экспедиции Беринга, мы располагаем подробным описанием материального производства и социального строя ительменов первой половины XVIII века, когда они сохраняли еще свою самобытную культуру.

Это были рыболовы, жившие в постоянных селениях по берегам рек. Наиболее многочисленным было население в бассейне реки Камчатка. Основным сезонным промыслом было время хода лососевых, когда рыба огромными массами устремляется вверх по рекам для икрометания. Орудиями лова служили сети и крючки.

Сети плели из крапивных ниток. Заготавливали рыбу

впрок в виде юколы или заквашивали в ямах. Рыбьи головы всегда квасили, это было любимым блюдом.

Вторым по своему значению занятием ительменов являлась охота. Камчатка в те времена была очень богата мясным и пушным зверем. Но и на пушного зверя охотились главным образом ради мяса, так как пушнина никакого сбыта не имела. В. Атласов сообщал об ительменах, что они при изготовлении глиняной посуды замешивали в глину нарубленные собольи хвосты.

Важную роль в хозяйстве ительменов играл промысел морского зверя. Охотились на тюленей, котиков, морских бобров. Южные ительмены промышляли и китов отравленными растительным ядом стрелами.

Ни у одной северной народности Сибири не было так широко распространено собирательство дикорастущих растений, как у ительменов. Наибольшее значение в рационе ительменов имели клубни сараны (местное название различных лилейных), стебли сладкой травы, листья баранника, различные ягоды, кедровые орехи и др. Клубни растений выкапывали особыми копалками из оленьего рога, привязанного к деревянной рукоятке. Впоследствии рог заменился железным наконечником. Собирательство было делом женщин. Рыболовство и охота были мужским занятием, но заготовка рыбы, ее обработка лежали на женщине, также и сучение ниток из крапивы для плетения сетей, изготовление циновок и шитье одежды. Приготовление пищи, уход за собаками и все плотничьи работы являлись занятием мужчин.

Русские застали у ительменов развитую неолитическую технику. «Прежние камчатские металлы до прибытия почти россиян были кость и камень. Из них они делали топоры, ножи, копья, стрелы, ланцеты и иглы», — сообщал об ительменах С. Крашенинников.

Широко применялся для изготовления ножей и наконечников горный хрусталь. Огонь добывали при помощи деревянного сверла. Варка пищи, главным образом рыбы и мяса, еще в начале XVIII века происходила в деревянных корытах, куда бросали раскаленные камни.

Единственным домашним животным у ительменов была собака. В позднейшее время на Камчатке распространилось упряжное собаководство так называемого восточносибирского типа, но до середины XIX века бытовала старинная ительменская нарта с двумя парами дугообразных копыльев и седлообразным сиденьем.

У ительменов во времена С. Крашенинникова были скользящие лыжи, но более широко употреблялись «лапки» — плетеные лыжи ступательного типа. По рекам передвигались на батах — узких челноках, выдолбленных из цельного ствола тополя. Для устойчивости и большей грузоподъемности два бата иногда связывали вместе и настилали на них помост. На изготовление бата при помощи каменного тесла ительменам приходилось тратить целых три года.

Селения ительменов в XVIII веке были известны у русских под названием острожков. Они располагались по берегам рек и состояли из зимних и летних жилищ. Зимним жилищем была полуподземная «юрта», как ее называли русские, со входом и выходом через дымовое отверстие в крыше. В жилище имелся и боковой выход, но им пользовались лишь женщины и дети. Летним жилищем для каждой отдельной семьи служили так называемые балаганы — крытые травой шалаши пирамидальной формы, расположенные на высоких свайных помостах. Старинная одежда ительменов была сходна с корякской и чукотской.

Такова была в общих чертах материальная куль-

тура ительменов в начале XVIII века. Крайне низкому уровню развития материального производства соответствовали и примитивные формы общественных отношений.

В эпоху первого знакомства русских с Камчаткой ительмены жили первобытно-общинным строем. «До покорения российскому владению, — писал С. Крашенинников, — дикой оной народ жил в совершенной вольности; не имел никаких над собою начальников, не подвержен был никаким законам, и дани никому не плачивал. Старые и удалые люди имели в каждом острожке преимущество, которое, однако ж, только в том состояло, что их советы предпочитались; впрочем, было между ними равенство, никто никем повелевать не мог, и никто сам собою не смел другого наказывать». В каждом острожке жили члены одного рода. В полуземлянке обитало несколько родственных семей; число жителей одной землянки доходило до 100 человек; они были связаны коллективным производством и потреблением. Существовал обычай кровной мести.

Женщина занимала в семейной и общественной жизни высокое положение. В социальном строе ительменов сохранялись многие черты материнского рода. Сюда относится, в частности, переселение мужа в дом жены или хотя бы временное проживание в доме тестя; брак за отработку, когда жених поселялся в доме невесты и выполнял различные работы. Но материнско-родовая организация у ительменов уже в начале XVIII века находилась в стадии разложения. Постоянные войны между отдельными родами и с соседними народами, которые велись ради захвата женщин и пленных, частично обращавшихся в рабов, усиливали этот процесс. Проникновение русских на Камчатку с самого начала XVIII века повело к быстрым изменениям в хозяйстве и быте ительменов.

Религиозные представления ительменов, судя по сообщениям исследователей XVIII века, имели ряд общих черт с верованиями коряков и чукчей: представление о вуруне-творце, обряды и празднества, связанные с годовым хозяйственным циклом — китовые, медвежьи и другие церемонии, состоявшие в «угощении» и «одаривании» убитых животных. Самым большим из них был осенний праздник, оканчивавшийся «очищением» — прохождением сквозь обруч из березовых прутьев. Ительмены верили в злых горных и лесных духов и в морского духа Митг, добрых духов-охранителей и т. д. Антропоморфные изображения духов делали обычно из дерева.

Центральной фигурой мифологии ительменов был ворон-творец Кутх. Но он не пользовался почетом и про него обычно рассказывали комические и скабрезные истории.

Трупы умерших взрослых людей ительмены отдавали на съедение собакам; детей хоронили в дуплах деревьев. Шаманы ительменов не имели специальных одеяний и бубнов.

Большие изменения под влиянием русских происходили в жизни ительменов. Еще в начале XVIII столетия они жили в каменном веке, не зная железа. В коллективном владении рода находились рыболовные, охотничьи и иные угодья. Родовая община имела переходный характер. Патрилокальный брак сменил матрилокальный, хотя от последнего и сохранились яркие пережитки в виде временного, до брака, переселения жениха в семью невесты. Сохранялись и иные черты материнско-родового строя — пережитки группового брака, женские духи и божества, когнатный характер культа огня. Социальные отношения у ительменов этого времени представляют собой яркий образец первобытно-общинного строя, еще не тронутого

явлениями разложения и упадка.

Уже в середине XVIII века обозначилось большое влияние русской культуры на жизнь и быт ительменов. Говоря о их самобытной культуре, тот же С.П. Крашенинников указывает: «Токмо ныне во всем последовала великая перемена. Старые, которые крепко держатся своих обычаев, переводятся, а молодые почти все... стараются во всем российским людям последовать, насмехаясь житию предков своих, обрядам их, грубости и суеверию».

Ительмены начали употреблять металлическую посуду, стали строить «избы и горницы по российскому обыкновению». В середине XVIII века ительмены были обращены в православие, но у них продолжали сохраняться анимистические воззрения.

«На Курилах имеются огнедышащие горы. Ительмены очень боятся приближаться к ним, так как в этих горах живут духи-гамулы.

По ночам эти черти отправляются к морю и ловят там китов. Каждый из них приносит домой от 5 до 10 штук нанизанными на каждом пальце. Поэтому на всех огнедышащих горах очень много китовых костей. Иногда духи, протопив свои жилища, выбрасывают головешки из верхнего отверстия горы.

Злой дух курильцев

Добрый дух камчадалов

Добрый дух часто ездит на нартах, запряженных черными лисицами либо куропатками. Кто увидит след от его нарт, обретет счастье и удачу.

Когда добрый дух вытаскивает из небесной реки на берег свою лодку, слышится гром. И возникновение дождя камчадалы объясняют

подобным же образом, а именно будто дождь есть моча Виллючей и его духов-гамулов. И будто Виллючей, окончив мочиться, облачается в совсем новую кухлянку, или одежду из тюленьих шкур, похожую на мешок; а так как это парадное платье снабжено бахромою из выкрашенной в красный цвет тюленьей шерсти и различной длины пестрых кожаных ремешков, то они твердо убеждены, что видят все эти украшения в форме воздушной радуги; и для того, чтобы подражать такой красоте природы, они и свои кухлянки отделывают такую же пестрою шерстью. Таким образом, эта северная мода возникла на основе данных «камчадалской физики» и представлений камчадалов о сущности радуги.

Если осведомиться у камчадалов о происхождении ветра, они заявляют уверенным тоном, что бог Кутх создал в облаках мужчину по имени Балакитг и дал ему хозяйку по имени Савина Кухагт. Этот Балакитг получил от бога чрезвычайно длинные и курчавые волосы. Когда ему велят производить ветер, он трясет своими кудрями над определенной местностью, притом так долго и так сильно, сколько богу угодно про-

длится более или менее сильный ветер; когда же он утомится, то наступает хорошая погода.

Когда этот производитель ветров уезжает из дому, его хозяйка румянится красной морской травой, чтобы сильнее понравиться своему мужу при его возвращении; если муж вовремя приходит домой, она очень этим довольна; если же он не возвращается до утра, то она видит, что нарумянилась понапрасну; она принимается плакать, и, таким образом, наступают дождливые дни и продолжаются до тех пор, пока ее муж, производитель ветров, не вернется домой. Таким путем туземцы, в своей комической склонности и курьезном стремлении философствовать и не оставлять ничего без объяснения, стараются объяснить появление утренней и вечерней зорь и связать их с характером погоды».

На Камчатке жители Нижнего острога ежегодно сеяли по 8—10 пудов ячменя, а потом перепахивали землю на девушках-камчадалках. И получали от этого столько выгоды, что местный монастырь ежегодно располагал обильными запасами крупы и муки для всевозможного печения, сообщает Георг Вильгельм Стеллер.

«Отчасти они отнимают эти запасы со многими фантастическими церемониями и суеверными обрядами у мышей. В каком году развелось много мышей, в том туземцы соберут и много сараны, которую они вообще сравнивают с хлебом русских. Раскапывая мышинные норы, они обязаны делать это непременно при помощи изготовленного из оленьего рога инструмента, который у них называется «коссикоас»; при этом они обозначают все предметы не их настоящими, а чужими именами, отчего возникает совершенно новый язык; это делается с той целью, чтобы мыши, знающие местный язык, не поняли их.

Выбрав весь запас, причем туземцы никогда не умерщвляют ни одной мыши, они суют в норы старое тряпье, ломаные иглы, кипрей, сладкую траву, кедровые орехи и некоторое количество сараны; вся эта процедура должна напоминать нечто вроде торговли: ведь они таким образом снабдили мышей одеждою, постелями, утварью и другими предметами. Они уверены, что если они этого не сделают, то мыши обидятся.

При этом туземцы также обращаются к мышам с просьбой на них не обижаться, они, мол, поступили так не со злыми намерениями, а по дружбе.

В числе других курьезных и необыкновенных вещей туземцы употребляют в пищу также белые губчатые наросты на стволах березы. Они колотят по ним деревянными дубинами, затем рубят топорами и в таком виде едят замороженными с величайшим аппетитом, хотя этот трут совершенно лишен соков, совсем безвкусен и почти непереварим.

Из грибов в большом и особом почете ядовитый мухомор. Вокруг русских островов это, правда, давно уже оставлено, зато тем более распространено по Тигилю и в стороне корякских пределов. Туземцы сушат эти грибы, поедают их, не пережевывая, целыми кусками и запивают их значительной порцией холодной воды. Уже через полчаса после этого они впадают в дикое опьянение и им мерещатся самые причудливые вещи.

Коряки и юкагиры еще более падки на эту пищу и настолько любят ее, что повсюду скупают мухоморы у русских; те же из них, которые по бедности не в состоянии купить их, собирают мочу опьяненных и, выпивая ее, становятся от этого столь же возбужденными и еще более сумасбродными. Моча эта действует, даже пройдя через четверых или пятерых.

Северные олени, вообще очень падкие на грибы, между прочим, не раз поедали мухоморы, после чего

падали наземь и буйно вели себя, подобно пьяным, в продолжение некоторого времени, а затем впадали в глубокий сон. И вот, если коряки находят дикого северного оленя в подобном состоянии, они связывают его по ногам, пока он не выспится и пока грибной сок не прекратит своего действия; только после этого они оленя закалывают: если бы они умертвили его во время сна и в состоянии опьянения, то всех, кто отведал бы его мяса, обуяло бы точно такое же бешенство, как если бы они сами поели мухоморов.

Ласточки являются затем, чтобы принести с собою лето. То же, что трясогузка появляется раньше и живет у них дольше ласточки, происходит потому, что у ласточки по пути много родных, мимо которых ей не хочется пролетать, не заглянув к ним; и вот она по дороге на Камчатку и на обратном пути их навещает, заворачивая к ним в гости. Чтобы справиться с этим делом, она улетает рано, уже в августе, а прилетает только в середине июля. Трясогузка же птица одинокая и любит проводить время в уединении, а не в компании; поэтому у нее мало друзей и родных, и она улетает с Камчатки поздно, в октябре, и возвращается рано, в мае. Улетая, эти птицы уносят с собою лето в преисподнюю, а при возвращении своем несут его обратно, являясь, по мировоззрению туземцев, настоящим творцом времен года.

Если ительмен, будучи в одиночестве, услышит осеннюю ночью возгласы или вой волков, он боится, что сойдет с ума. На все такие случаи у ительменов есть бессмысленные восклицания.

Удивительнее всего то, что во всей стране не найти ни лягушек, ни жаб, ни змей. Зато всюду во множестве попадаются ящерицы. Ительмены считают этих пресмыкающихся шпионами и соглядатаями владыки преисподней, который посылает их к людям на разведку,

и провозвестниками близкой смерти. Поэтому туземцы чрезвычайно внимательно следят за ними. Заметив ящерицу, они тотчас же бросаются к ней с ножом и разрезают ее на куски, чтобы она ничего не могла сообщить о них в преисподнюю; если же ящерице удастся спастись, то это очень печалит ительменов и они начинают ждать неминуемой смерти, которая иногда действительно наступает — либо вследствие их настроения, либо случайно, что еще больше укрепляет ительменов в их мнении насчет ящериц.

Блохи и вши очень досаждают ительменам, особенно в их подземных жилищах; впрочем, они мстят этим насекомым тем же и едят их. Во время отдыха некоторые из туземцев только тем и заняты были, что упорно ловили этих врагов своих и совали их себе в рот. Те туземцы, которых за это ругали казаки и которые этим делом не занимались, клали около себя дощечку и палку с прикрепленными к ним кусками заячьей шкурки. Этою палкою они водят между своею оголенной спиною и кухлянкою и чешутся ею; затем они медленно вынимают ее и кладут на дощечку, положенную теперь на колени. Тут они собирают насекомых со шкурки и ногтями давят их на дощечке. Если же им хотелось доставить себе особенное удовольствие, они, сняв кухлянку, голыми садились перед огнем, брали свитый из сухих корней растения жгут и, схватив его обеими руками, водили им, как смычком, по своей спине. При этом от блаженства они корчили довольные рожи».

«Мохнатые курильцы» — айны

...В нынешнем, государь, в 711 году, мы, рабы твои, с Большой реки (Камчатки), августа с 1-го числа, в ту Курильскую землю край Камчадальского носу

ходили; и с того носу мы, рабы твои, в мелких судах и байдарах за переливами на море на островах были».

Это «записка» казачьего атамана Данилы Анцыферова и есаула Ивана Козыревского, коей они извещали Петра Первого об открытии Курильских островов и о первой встрече русских людей с аборигенами тамошних мест — айнами, прозванными казаками за свою чрезвычайную волосатость «мохнатыми курильцами».

Событие это помечено летом 1711 года. А первые сведения о Курильских островах сообщил еще в 1697 году «дальневосточный Ермак» Владимир Атласов. Правда, сам он так и не побывал на Курилах, «взыща смерть» в одной из схваток, но дело его довели до конца сподвижники.

Через 26 лет после Анцыферова и Козыревского, в 1737 году, Камчатку посетил Степан Крашенинников, ученик и соратник Ломоносова, член Российской академии наук. Он оставил после себя классический труд «Описание земли Камчатки», где, помимо других сведений, дал подробную характеристику айнов как этнического типа. Это было первым научным описанием племени.

Век спустя, в мае 1811 года, к курильским берегам пристал русский военный шлюп «Диана» под командованием знаменитого мореплавателя Василия Михайловича Головнина. Будущий адмирал в течение нескольких месяцев изучал и описывал природу островов и быт их жителей; его правдивый и красочный рассказ об увиденном высоко оценили как любители словесности, так и ученые специалисты. Отметим и такую деталь: переводчиком у Головнина служил курилец, то есть айн, Алексей. Нам неизвестно, какое имя носил он «в миру», но его судьба — один из многочисленных примеров контакта русских с курильцами, ко-

торые охотно обучались русской речи, принимали православие и вели с нашими пращурами оживленную торговлю.

Айны. Загадочное племя, из-за которого учеными разных стран сломано великое множество копий. Белолицые и прямоглазые (мужчины к тому же отличаются сильной волосатостью), айны по своему внешнему облику разительно отличаются от других народов Восточной Азии. Они явно не монголоиды, скорее тяготеют к антропологическому типу Юго-Восточной Азии и Океании. Охотники и рыболовы, на протяжении веков почти не знавшие земледелия, айны тем не менее создали необычную и богатую культуру. Их орнамент, резьба и деревянная скульптура удивительны по красоте и выдумке; их песни, танцы и сказания талантливы, как всякие подлинные творения народа.

Аборигены Японских островов, Южного Сахалина и Курил, айны называли себя различными племенными именами — «соя-унтара», «чувка-унтара». Слово «айну», которым их привыкли называть, вовсе не самоназвание этого народа, оно означает только «человек». Японцы называли айнов словом «эбису».

Факты культурной истории айнов многочисленны, и, казалось бы, можно с высокой степенью точности вычислить их происхождение. В самом деле, можно, во-первых, предположить, что в незапамятные времена всю северную половину главного японского острова Хонсю населяли племена, или являющиеся прямыми предками айнов, или стоящие по своей материальной культуре очень близко к ним; во-вторых, известны два элемента, которые составляли основу орнамента айнов — спираль и зигзаг; в-третьих, не подлежит сомнению, что исходным моментом айнских верований был первобытный анимизм, то есть признание существования души у любого существа или предмета;

наконец, достаточно хорошо изучены общественная организация айнов и способ их производства.

Но оказывается, что метод фактов не всегда оправдывает себя. Например, доказано: спиральный орнамент никогда не был достоянием лишь айнов. Он широко применялся в искусстве жителей Новой Зеландии, маори, в декоративных рисунках папуасов Новой Гвинеи, у неолитических племен, живших в нижнем течении Амура. Что это — случайное совпадение или следы существования определенных контактов между племенами Восточной и Юго-Восточной Азии в какой-то отдаленный период? Но кто был первым, а кто перенял открытие?

Или известно, что поклонение медведю, его культ были распространены на обширных территориях Европы и Азии. Но у айнов он резко отличен от подобных ему, существовавших у других народов, ибо только они вскармливали медвежонка грудью женщины-кормилицы! Особняком стоит и язык айнов. Одно время считалось, что он не находится в родстве ни с каким другим языком, но сейчас некоторые ученые сближают его с малайско-полинезийской группой.

Приведенные примеры говорят об одном: факты, которыми мы располагаем в отношении айнов, разнообразны, противоречивы, порой труднообъяснимы, а иногда не объяснимы вовсе.

Историческая проблема, возникающая в связи с айнами, есть вопрос их культурного и расового происхождения. Следы существования этого народа обнаружены в местах неолитических стоянок на Японских островах. Именно там зародилась так называемая дзEMONская культура, или культура «веревочных узоров», носителей которых ныне все чаще и чаще отождествляют с древними айнами.

Начало научному изучению дзEMONских стоянок

было положено немецкими археологами Ф. и Г. Зибольдами и американцем Морсом. Полученные ими результаты значительно различались друг от друга. Если Зибольды со всей ответственностью утверждали, что дзэмонская культура — творение рук древних айнов, то Морс был осторожнее. Он не соглашался с точкой зрения своих немецких коллег, но в то же время подчеркивал, что дзэмонский период существенно отличается от японского.

А что же сами японцы? Каких взглядов придерживались ученые Страны восходящего солнца? Большинство из них не соглашались с выводами Зибольдов и Морса. Для них айны были всегда только варварами, о чем свидетельствует, например, запись японского хрониста, сделанная в 712 году: «Когда наши возвышенные предки спустились на корабле с неба, на этом острове (Хонсю) они застали несколько диких народов, среди них самыми дикими были айны».

Но вот неожиданность: вдруг выясняется, что предки этих «дикарей» задолго до появления на островах японцев создали целую культуру, которой может гордиться любой народ! Именно поэтому официальная японская историография предпринимала попытки соотнести создателей дзэмонской культуры с предками современных японцев, но никак не с айнами.

Между тем изучение дзэмонских стоянок продолжалось, накапливался солидный фактический материал, и на сегодняшний день ученые располагают довольно подробной картиной жизни «протоайнов». На некоторых деталях этого полотна мы остановимся подробнее, поскольку от них тянется нить к пониманию постепенного восхождения современных айнов по крутой лестнице исторического развития.

В археологии термин «неолитический» применяется в основном к обществам, которые полностью или в

значительной мере занимаются производством пищи, а не ее собирательством. Но нет правил без исключения. Нередко в периферийных очагах неолитической культуры наряду с видимыми достижениями в обработке, скажем, орудий труда или в ткацком мастерстве пища по-прежнему добывалась охотой и собирательством. Именно к такому типу, типу замедленного развития, относится и дзEMONская культура. Большинство специалистов утверждают, что предки айнов не были знакомы с земледелием и скотоводством, а если в более поздней фазе развития и занимались ими, то все же их значение было не столь велико, как значение охоты и рыбной ловли.

Одним из доказательств того, что дзEMONский человек интенсивно занимался собирательством, принято считать груды раковин, которые часто находят возле его стоянок. Древние айны поедали моллюсков в таком количестве, что раковины от них образовывали не просто груды — целые горы. Эти горы одновременно есть и самый характерный признак дзEMONских поселений, ранние из которых относятся, видимо, ко II тысячелетию до н. э. Многие из них сейчас раскопаны, а некоторые реконструированы и служат своего рода наглядными пособиями при изучении условий жизни дзEMONцев. Иногда их поселения располагались в пещерах, но в большинстве своем люди дзEMONа жили в постройках, где пол находился ниже уровня земли. Это так называемые полуземлянки, которые строили, например, в Северном Китае на протяжении всего неолита. До сих пор не найдено никакого удовлетворительного объяснения, почему дзEMONцы вкапывали свои жилища в землю. Предположение, что это делалось с целью увеличить высоту жилья, кажется нам чересчур шатким. Поднять потолок можно

было с помощью других доступных в то время приемов.

Что представляли собой жилища дземонцев? Все они, или почти все, имеют форму круга или прямоугольника. Расположение столбов, подпиравших крышу, указывает на то, что она была конической, если основой постройки являлся круг, или пирамидальной — когда в основе располагался четырехугольник. Во время раскопок не найдены материалы, которыми могла бы покрываться крыша, поэтому можно лишь предполагать, что для этой цели использовались ветки или тростник. Очаг, как правило, располагался в самом доме (только в раннем периоде он находился снаружи) — вблизи стены или посередине. Дым выходил через дымовые отверстия, которые делались на двух противоположных сторонах крыши. Очаг чаще всего вкапывали в пол и обкладывали крупными камнями. Позднее дземонские дома отошли от типа полуземлянок — их пол располагался уже на уровне земли и был вымощен камнем. Трудно сказать, сколько человек обитало в обычном дземонском доме.

Кто же такие айны? Сейчас многие склоняются к тому, что они — потомки древних племен, родственных австралийцам и меланезийцам. Вот что пишет по этому поводу академик А. П. Окладников: «Одним из веских доводов в пользу такого утверждения послужила орнаментика современных айнов и древнего населения Японских островов, в основе которой лежит кривая линия, конкретно — спираль».

Итак, спираль. Произвольно, случайно ли ее начертание у айнов? Нет. Оказывается, спираль, как, впрочем, и втброй элемент айнской орнаментики — зигзаг, есть не что иное, как изображение змей. И восходит эта символика к глубокой древности, к айнской мифологии, в которой рассказывается о небесном змее,

спустившемся на землю в сопровождении своей возлюбленной, богини огня.

Мы говорили, что основой религиозных воззрений древних айнов был первобытный анимизм. Небольшие антропоморфные фигурки, которые с самых что ни на есть ранних времен укладывались в могилы дземонцев, ясно указывают на веру в существование некоего божества в человеческом облике. Поначалу это были очень простые изделия с четко означенной головой, телом и руками, но без признаков пола. По мере развития дземонского общества фигурки моделировались яснее, приобретали все более развитые формы, а грудь их указывала на то, что изображения принадлежат особе женского пола. Предполагают, что они символизировали мать богов. Такая вера могла, вероятно, возникнуть в обществе, еще не порвавшим с матриархатом.

Может быть, подобная организация, в которой племенные и личные связи основывались по женской линии, хоть власть и принадлежала мужчинам, существовала у дземонцев. Кажется, здесь нет ничего необычного, и все-таки загадка существует. Поклонение женскому божеству, знаменующему плодородие, было распространено у западных земледельческих племен. Странно, что такой же культ приняли дземонцы, еще не занимающиеся обработкой земли.

Жизнь современных айнов разительного напоминает картину жизни древних дземонцев. Их материальная культура на протяжении минувших столетий изменилась столь незначительно, что эти изменения могут не приниматься в расчет. На Курильских островах айны до конца XIX века жили в полуземлянках дземонского типа. В самой Японии они их больше не строят, но архитектура айнов и сегодня отличается от японской, а дома обладают одной общей чертой с хижина-

ми дэмонов — они опираются на столбы, тогда как постройки японцев поставлены на прямоугольную раму, положенную на землю. Сохранили айны и пирамидальную форму крыши. Эти различия хотя и незначительны, но явно обозначают традицию и не могут быть объяснены лишь различиями в уровне строительного мастерства.

Айнов осталось немного. В 1920 году их насчитывалось около 17 тысяч, из которых большая часть жила на Хоккайдо.

Айны и теперь очень религиозны. Традиции анимизма у них по-прежнему главенствуют, и айнский пантеон состоит в основном из «камуи» — духов различных животных, среди которых особое место занимают медведь и касатка.

Особняком стоит Айойна, культурный герой, создатель и учитель айнов. Немалую роль играет культ змеи, связанный с женским божеством солнца, а также другое женское божество — «унти-камуи», богиня очага, к которой в отличие от других божеств можно обращаться непосредственно.

Обрядность айнов сложна; особое место в ней занимают так называемые «инау». Под этим названием понимаются самые различные предметы, которые практически невозможно объединить общим происхождением. Скорее всего им в разных случаях подходят разные объяснения. Большинство «инау» антропоморфны и украшены пучками длинных стружек. Ученые рассматривают «инау» как посредников, которые «помогают» айнам общаться с богами.

Наибольший интерес в айнской обрядности вызывает «медвежий праздник». Подобное событие случилось нечасто, и предназначенный для обряда медведь воспитывался с крохотной поры в деревянной клетке и вскармливался, как уже говорилось, грудью женщи-

ны. Жертвоприношение совершалось особым образом — медведя удушали между двумя деревянными плахами. Затем тушу свеживали, приготавливали жаркое, и все принимались за трапезу.

Происходила она очень торжественно, все присутствующие вославляли медведя и всячески извинялись перед ним в следующей форме: если б его душа не была высвобождена из тела, разве она могла бы отойти вестником к богам, объяснить им, как преданы им айны и как они заслуживают их защиты?

Таковы тайны нового времени; к началу новой эры их культура находилась на неолитической стадии развития, но все же была настолько жизнеспособна, что оказала влияние на культуру своих поработителей — японцев¹.

Ныне у нас с Японией идет спор, кому принадлежат Курильские острова, ранее населенные айнами. Интересно, о самих айнах кто-либо вспомнил?

¹ Воробьев Б. Тайны веков. М.: Молодая гвардия, 1980.

Заключение

Итак, в этой книге мы, предприняв путешествие от Уральского хребта до Курильской гряды, попытались рассказать о том, как происходило завоевание этих огромных пространств русскими людьми и как менялись у них представления о чужом, далеком и непонятном крае.

У первых покорителей Сибири было понятие об этих землях как о гигантской необитаемой, абсолютно дикой пустыне (как ни странно, этой точки зрения некоторые придерживаются и по сей день!). Те народы, которые существовали на этой земле, априори считались дикарями. Однако внимательно и доброжелательно изучая историю племен, населяющих эти просторы, мы не можем не отметить, что эти так называемые дикари имели своеобразную и достаточно развитую, порой тысячелетнюю, культуру.

Их жизнь, быт, народные промыслы и религия — плоть от плоти той земли, на которой они жили. Суровый климат, особые природные условия сформировали их цивилизацию, которая при столкновении с европейцами потерпела крушение, приведшее к деградации и вымиранию целых народов. Русские, полагая, что несут в Сибирь материальные блага, просвещение

и культуру, зачастую становились разрушителями уклада жизни коренных народов, создаваемого веками.

Кроме того, завоевание русскими Сибири принесло не столько пользу, сколько вред России, обескровив русскую деревню средней полосы, перетянув на неизведанные территории самых шустрых и предприимчивых, рискованных и крепких молодых людей.

Можно долго говорить об ошибках, иногда роковых, покорителей «исконно русских земель», о том, как стали бы развиваться события, не соверши они их, но история, как известно, не терпит сослагательного наклонения.

Так или иначе, с завоеванием Сибири Россия достигла своих сегодняшних границ. Мы не стали останавливаться на присоединении земель бывших советских республик. Они уже «не наши». По той же причине не описываем мы здесь и историю завоевания и продажи Аляски. Ту землю пришлось продать, так как просто нечем было ее заселять. И до сих пор Зауралье — наименее плотно заселенная часть нашей земли, судьба которой весьма туманна, так как численность русского населения там будет постоянно уменьшаться.

Но это уже будет другая история.

Список использованной литературы

- Воробьев Б.* Тайны веков. М.: Молодая гвардия, 1980.
- Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 617.
- Древности.* 1890. № 14.
- Крашенинников С.П.* Описание земли Камчатки. Санкт-Петербург: Наука, 1994.
- Кулемзин В.М., Лукина Н.В.* Знакомьтесь: ханты. Новосибирск: ВО «Наука», Сибирская издательская фирма, 1992.
- Киселев С.В.* Письменность енисейских кыргызов // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 25.
- Киселев С.В.* Неизданные надписи енисейских кыргызов // Вестник древней истории, 1939.
- Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М.: АН СССР, 1949.
- Де ля Мартиньер Пьер-Мартин.* Путешествие в северные страны (Париж, 1671): Пер. с фр. В.Н. Семеновича // Записки Московского археологического института, т. 15.
- Народы Сибири.* Сер. «Народы мира». М., 1956.
- Штернберг Л.Я.* Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933.

Содержание

Предисловие	3
«Исконно русские» земли Евразии и племена, на них проживавшие	5
Д. Анучин. Из истории ознакомления с Сибирью до Ермака	6
Ненцы	118
Ханты (югра) и манси (вогулы)	124
Ермак	153
Колонизация Сибири	164
Письменность енисейских кыргызов (по С. В. Киселеву) ...	171
За Енисеем: тунгусы или эвенки	185
Проникновение русских на Лену	202
Ранняя история якутской народности	206
Хозяйственное освоение Сибири русским населением ...	212
Пьер-Мартин де ля Мартиньер. Путешествие в Северные страны	221
Пьер-Мартин де ля Мартиньер. Новое путешествие на север	235
Буряты — потомки племен Чингисхановых	243
Амур-батюшка	250
Маньчжуры	261
Народы Приморья и Приамурья	269
Юкагиры	279
Чукчи	282
Камчатка: ительмены	293
«Мохнатые курильцы» — айны	304
Заключение	314

Научно-популярное издание

Алексей Александрович Бычков

**«ИСКОННО РУССКАЯ»
ЗЕМЛЯ СИБИРЬ**

Редактор *Е. В. Сатарова*
Компьютерная верстка *М. С. Апанко*
Корректор *И. И. Попова*

ООО «Агентство «КРПА «Олимп»
115191, Москва, а/я 98
www.rus-olimp.ru
E-mail: olimpus@dol.ru

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва,
пр-д Ольминского, д. 3а

ООО «Издательство АСТ»
170000, Россия, г. Тверь,
пр-т Чайковского, д. 19а, оф. 214
www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

НАШИ КНИГИ ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ

в Москве:

- м. Бауманская, ул. Спартаковская, 16, стр. 1
- м. Бибирево, ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0
- м. Варшавская, Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. Домодедовская, ТК «Твой Дом», 23 км МКАД, т. 727-16-15
- м. Крылатское, Осенний б-р., 18, корп.1, т. 413-24-34 доб.31
- м. Кузьминки, Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. Повецкая, ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. Парк Культуры, Зубовский б-р, 17, стр.1, т. 246-99-76
- м. Перово, ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. Петровско-Разумовская, ТК «ХЛ», Дмитровское ш., 89, т. 783-97-08
- м. Преображенская площадь, ул. Большая Черкизовская, 2, к. 1, т. 161-43-11
- м. Сокол, ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, 76, к. 1, эт. 3, т. 781-40-76
- м. Сокольники, ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. Таганская, Б.Факельный пер., 3, стр.2, т. 911-21-07
- м. Тимирязевская, Дмитровское ш., 15, корп.1, т. 977-74-44
- м. Царицыно, ул. Луганская, 7, корп.1, т. 322-28-22

в регионах:

- Архангельск, 103 квартал, Садовая ул., 18, т.(8182) 65-44-26
- Белгород, Хмельницкого пр., 132а, т.(0722) 31-48-39
- Владимир, ул. Дворянская, 10, т. (0922) 42-06-59
- Волгоград, Мира ул., 11, т.(8442) 33-13-19
- Екатеринбург, Малышева ул., 42, т.(3433) 76-68-39
- Киев, Льва Толстого ул., 11, т.(8-10-38-044) 230-25-74
- Краснодар, ул. Красная, 29, т.(8612) 62-75-38
- Красноярск, «ТК», Телевизорная ул., 1, стр.4, т.(3912) 45-87-22
- Липецк, Первомайская ул., 57, т.(0742) 22-27-16
- Н.Новгород, ТК «Шоколад», Белинского ул., 124, т.(8312) 78-77-93
- Ростов-на-Дону, Космонавтов пр., 15, т.(8632) 35-95-99
- Самара, Ленина пр., 2, т.(8462) 37-06-79
- Санкт-Петербург, Невский пр., 140, т.(812) 277-29-50
- Санкт-Петербург, Савушкина ул., 141, ТЦ «Меркурий», т.(812) 333-32-64
- Тверь, Советская ул., 7, т.(0822) 34-53-11
- Челябинск, Ленина ул., 52, т.(3512) 63-46-43
- Ярославль, ул. Свободы, 12, т. (0862) 72-86-61

Книги издательской группы АСТ Вы можете также заказать и получить по почте
в любом уголке России.

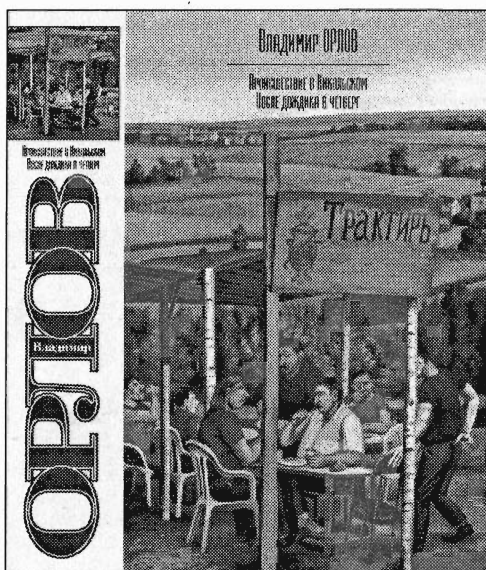
Пишите: 107140, Москва, а/я 140. Звоните: (095) 744-29-17
ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону: (095) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpab@aha.ru <http://www.ast.ru>

МЫ ИЗДАЕМ НАСТОЯЩИЕ КНИГИ

ВЛАДИМИР ОРЛОВ

Владимир Орлов — это не просто классик современной отечественной литературы. Это автор, который буквально взбудоражил литературный мир триптихом — «Альтист Данилов», «Аптекарь», «Шеврикука, или Любовь к привидению». Его книги переведены на многие языки мира и признаны достоянием мировой литературы.

«Происшествие в Никольском», «После дождика в четверг» — не менее известные произведения Владимира Орлова. Это романы о судьбе еще совсем юных героев в совсем непростое время, о первых надеждах и разочарованиях.

Мы считаем себя самыми умными, красивыми, культурными. Поэтому столетиями старались навязать наши веру и культуру племенам и народам, населявшим восточные земли нынешней России, искренне веря в то, что несем им счастье и цивилизацию. Только они по-другому понимали свое счастье и старались обойтись без нас.

На основе уникальных документов, свидетельств путешественников, первых переселенцев и исследователей Сибири автор рассказывает о народах, которые населяли эти земли в то время, когда они еще не были «исконно русскими».

Историческая библиотека

ISBN 5-17-035472-X

9 785170 354726